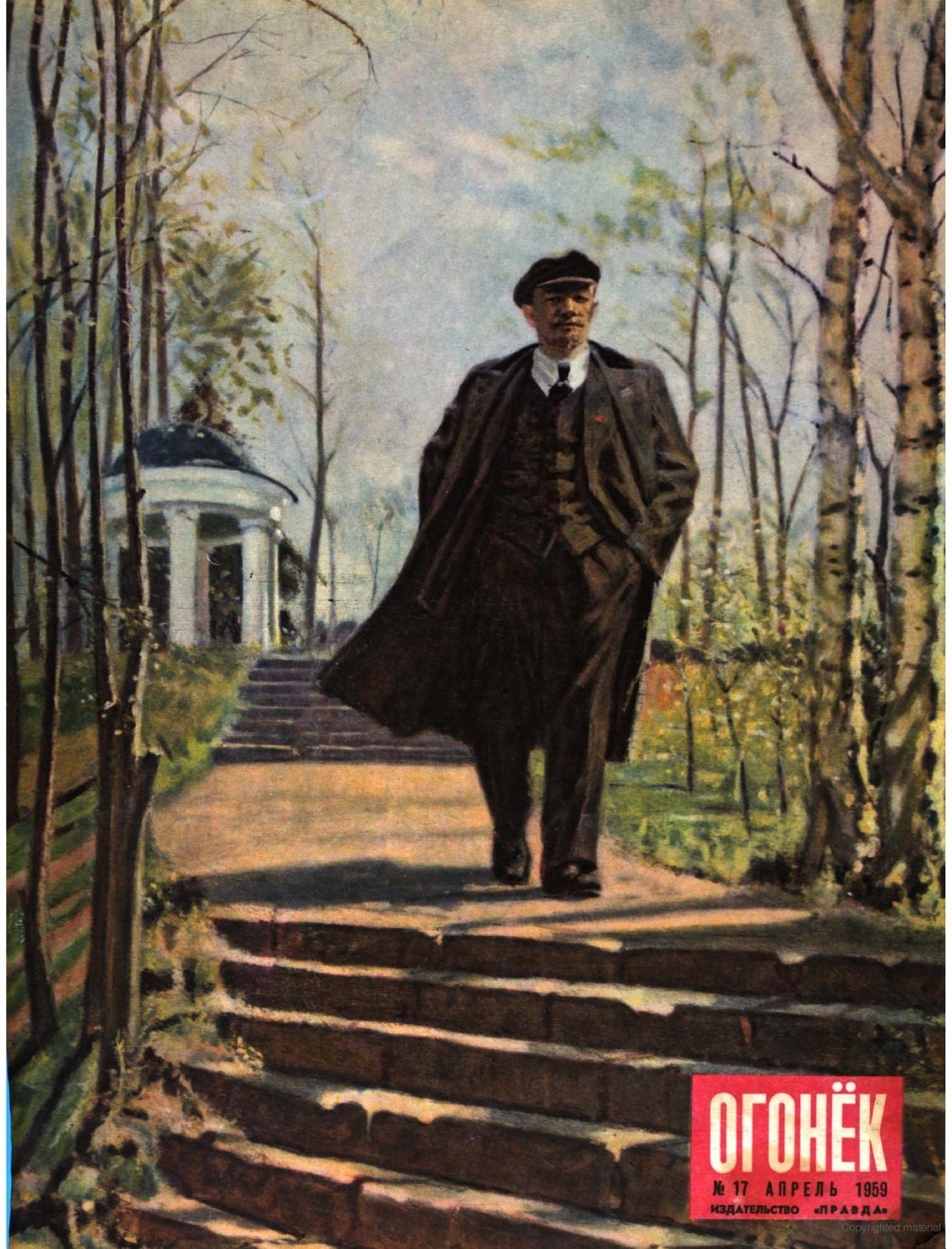

ОГОНЁК
№ 17 АПРЕЛЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Здесь прошло детство В. И. Ленина.

Акварельные работы **Д. И. Архангельского.**

22 АПРЕЛЯ 1870 г.
РОДИЛСЯ
Владимир Ильич
ЛЕНИН

Симбирская гимназия, в которой учился В. И. Ленин.

На первой странице обложки: В. И. ЛЕНИН В ГОРКАХ. Портрет работы А. М. Руднева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

37-й год издания

№ 17 (1662) 19 АПРЕЛЯ 1959

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

14 апреля в Москве открылась первая сессия Верховного Совета РСФСР пятого созыва.

Народные избранники, съехавшиеся в Кремль со всех концов необъятной Российской Федерации, всесторонне обсудили вопрос об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования.

Депутаты единодушно одобрили обширную программу перестройки советской школы, выразили всенародную благодарность партии и правительству за отеческую заботу о будущем нашей молодежи — юных строителей коммунизма.

Большой интерес участников сессии Верховного Совета РСФСР вызвала выставка «Школа и жизнь», на которой демонстрировались первые успехи в области трудового политехнического обучения.

НА СНИМКАХ:

Вверху: в президиуме сессии Верховного Совета РСФСР.
Фото С. Раскина и В. Кругликова.

Внизу: депутаты и гости осматривают изделия московских школьников на выставке, открытой в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца.
Фото А. Гостева.

ДВИЖЕНИЕ МИЛЛИ

Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ

Плакат В. Иванова.

ВЕСНА сорок девятого года. Париж. В тесных комнатках старинного дома уже несколько недель работает небольшая группа людей, приехавших из разных стран для подготовки первого конгресса сторонников мира.

Со дня окончания войны прошло четыре года. И снова приходится говорить об ее ужасах. Последняя война была настолько чудовищной, что думалось, никто не решится начать новую. Но оказалось, остались еще приверженцы войны — оружейные короли, стальные магнаты, жаждущие кровавых прибылей, есть еще правительства, мечтающие о завоеваниях. Угроза новой бойни нависла над миром, сгущая тучи новых военных конфликтов.

В маленьких парижских комнатках днем и ночью не прекращаются дискуссии, совещания. Отсюда идут письма, телеграммы, пишутся воззвания в десятки стран, к сотням адресатов.

Десятилетняя история движения народов в защиту мира, полная труда и борьбы, трудностей и достижений, не уместилась бы на страницах многих томов.

УЖЕ со стен парижских зданий, с афиш, извещающих о времени и месте открытия конгресса, глядит белый голубь. Вскоре для всего мира он станет символом движения за мир. Уже на заборах, тротуарах, мостовых появились надписи, требующие мира, протестующие против войны. Уже разноцветные флаги украсили просторный зал заседаний, уже отправились в путь делегаты из далеких стран. И вдруг стали поступать тревожные вести.

Отказано в визах китайской делегации, представителям великого народа, который, истекая кровью в освободительной борьбе, сбрасывает вековое ярмо неволи. Не получили виз представители стран народной демократии. Как же обойтись без них, как совещаться и принимать решения в их отсутствии?!

И вот начинаются два конгресса. Вернее, один конгресс, но в разных местах. В Париже и в Праге. Включаем радио в парижском зале и слушаем голос делегата Китая, выступающего в столице Чехословакии. Включают радио в Праге и аплодируют речам из Парижа.

Никакая граница не станет преградой для тех, кто борется за мир, никакой запрет не заставит молчать уста, провозглашающие правду.

Белый голубь на улицах Парижа. Радуга флагов в зале заседаний. Французские рабочие стоят у дверей и на улице перед зданием, оберегая спокойствие и безопасность заседающих. Это ясный и недвусмысленный ответ парижского рабочего класса на угрозы реакции, открыто призывающей к кровавой расправе над участниками конгресса.

Парижский конгресс был немногочислен, хотя сюда прибыли представители многих стран. Делегации небольшие, подчас из одного человека, зато слово каждого веско. Это было только начало. Но собравшиеся в Париже в сорок девятом году сознавали себя глашатаями чаяний миллионов, которые все громче выражали непреклонную волю к миру. Они выступали от их имени.

МАРТОВСКИЙ день пятидесятого года в Стокгольме. Чувствуется дуновение весны. На Скансенских холмах уже зеленеет трава. Здесь, на сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, было принято решение — обратиться ко всем людям доброй воли с воззванием: потребовать запрещения применения атомного оружия — средства массового уничтожения.

Воззвание небольшое — всего лишь несколько строк. Но в этих строках были выражены самые сокровенные человеческие чувства и надежды. Должно быть, оно угадало ритм, в котором бьются миллионы сердец. Потому что немногие эти слова пронеслись над всеми странами мира, проникли в самые отдаленные его уголки.

Огрубевшие крестьянские руки несут от деревни к деревне листки со Стокгольмским воззванием. Рабочие разносят их по заводам и мастерским. С утра до поздней ночи движутся по бесчисленным лестницам усталые ноги старых женщин, несущих воззвание из квартиры в квартиру. Через пустыню от оазиса к оазису бредет сборщик подписей. По горным тропам взбирается к шалашам пастух, продирается сквозь джунгли житель тропиков.

На улицах, дорогах, в поездах, на пароходах собирают подписи мужчины, женщины, молодежь, дети. Ставят свои подписи писатели и артисты, ученые и учителя, крестьяне, иной раз с трудом выводящие буквы своего имени, общественные деятели и домохозяйки, священнослужители и солдаты, старики и молодежь, только вступающая в жизнь.

В момент своего появления Стокгольмское воззвание было подобно искре. Теперь же оно вспыхнуло ярким гигантским пламенем, и, словно пламя, кампания сбора подписей распространяется по всем странам, перебрасывается через океан, охватывает континенты.

Более полумиллиарда подписей! Мощный голос протеста, потрясающий документ, недвусмысленный, ясный и простой, брошенный в лицо поджигателям войны, торговцам кровью, спекулирующим на человеческих бедствиях.

Не всегда просто ставить подписи, и не всегда просто собирать их. В одних странах можно спокойно подписаться под воззванием за столиком, поставленным в заводском цехе, в комнате учреждения. Но есть страны, где человеку, идущему с листком воззвания, грозят увольнение с работы, преследования, тюрьма. И есть еще такие страны, где на карту ставится уже не только работа и свобода, а сама жизнь. Но никто не малодушничает. Подписывайтесь! Все, кому дорога жизнь ваших детей, мирный сон любимых, зелень родных полей, красота ваших городов,— все подписывайтесь под воззванием! Кто не хочет, чтобы цветущие сады превратились в черные скелеты обугленных стволов, дома — в руины, города и деревни — в кладбища, жизнь — в смерть, подписывайтесь под воззванием!

И люди подписываются. Рискуя работой, свободой, благосостоянием, карьерой. А каждая подпись гласит: человечество хочет мира! Человечество ненавидит войну! Человечество хочет жить, трудиться и развиваться, строить, а не разрушать, лечить, а не убивать, пахать, а не стрелять, созидать, а не уничтожать!

ВТОРОЙ Всемирный конгресс сторонников мира должен состояться в Англии. Английские власти дают согласие: заседания будут проходить не в Лондоне, а в провинциальном городе.

Все уже готово. Снято помещение, заказаны гостиницы. Со всех концов земного шара едут, плывут, летят делегаты. Это уже не похоже на подготовку Парижского конгресса. Многочисленные делегации представляли сотни миллионов людей, подписавшихся под Стокгольмским воззванием. Делегатов избрали на сходках крестьяне, гнущие спину в латифундиях южной Италии, горняки

ОНОВ

почерневших от угольной пыли городков северной Франции и Бельгии. Их избрали в негритянских деревнях знойной Африки, где над крышами круглых, похожих на ульи хижин колышутся пальмы и звучит полная тоски и боли песнь угнетенного человека. Их выбрали на островах, затерявшихся среди океанских просторов, и на континентах, населенных миллионами людей всех рас. Некоторым, чтобы добраться до английского города, где откроется конгресс, приходится проделывать тысячи километров по суше и морю.

А В ЛОНДОНЕ в последний момент все переменилось. Сначала последовал отказ в визах. Правительственные органы Великобритании стали перебирать делегатов, точно торговка овощи в корзине. Из большой делегации Советского Союза разрешение на въезд получили лишь несколько человек. Из стран народной демократии — ни один. Не получили разрешения и китайские делегаты. За три дня до открытия конгресса обрушился сокрушительный, как полагали некоторые, удар: английские власти вообще запретили созыв конгресса в Англии.

Это запрещение было встречено радостным воем реакции. Теперь, за три дня до срока, уже поздно что-либо предпринять: на конгресс спешили тысячи людей.

— Конгресс не состоится!—восклицают газеты, ратующие за войну, радостно потирают руки лакеи империалистов, ликуют поджигатели войны.

Но конгресс состоялся. За невероятно короткое время большое, еще не достроенное здание Дома прессы в Варшаве приспособлено для конгресса. Днем и ночью без устали трудятся рабочие; им помогают молодежные союзы, общественные организации. Днем и ночью кипит работа. Зал, куда через пару месяцев должны были поставить ротационные машины, в несколько десятков часов был подготовлен для приема делегатов. Буквально в считанные часы были отделаны фойе, помещения для совещаний и работы комиссий, помещения для выставок.

Человеческая волна, задержанная у берегов Англии, поворачивает обратно. В Прагу! С пражского аэродрома каждые три минуты вылетает в Варшаву самолет с делегатами. Зеленой улицей идут поезда, не предусмотренные ни одним расписанием. По асфальту шоссе мчатся нагруженные до отказа грузовики.

Вопреки всему Всемирный конгресс сторонников мира торжественно открывается в назначенный срок. Запреты и трудности только усилили решимость и энтузиазм. Зал взрывается песней, гремит возгласом: «Мир! Мир! Мир!» На руках вносят на трибуну делегатку корейского народа, проливающего кровь в тяжелой войне с империалистами. Конгресс призывает всех людей доброй воли к борьбе за мир, за спокойствие человеческих жилищ, за счастье на земле.

Рано ликовали враги мира, они просчитались в своих планах! В английском городе этот конгресс не был бы таким значительным, каким он стал тут, в Варшаве, где каждая улица напоминает об ужасах войны, а каждый отстроенный дом — о воле к жизни, к счастью, о неисчерпаемой силе человеческих рук, человеческого сердца и разума.

РАБОТАЕТ Всемирный Совет Мира и его Бюро. Созываются конгрессы, сессии, конференции, проходят заседания. В десятках стран, в сотнях городов возникают местные комитеты сторонников мира. Их становится все больше. В них входят люди всех классов, всех вероисповеданий, всех партий. Этих людей объединяет одно — великая идея мира.

У них разное представление о том, в чем заключается счастье человека и каков путь к нему, но всем одинаково ясно: война — это разрушения, бедствия, гибель. Размеры и последствия новой войны нельзя предвидеть. Это смерть, простирающая чудовищные щупальца далеко в глубь еще не родившихся поколений. Поэтому люди готовы идти вместе, рука об руку с другими людьми, людьми подчас совсем иных взглядов, политических убеждений, вероисповеданий. Идея мира объединяет всех, на этой основе могут договориться друг с другом неграмотный бедняк и крупный ученый, атеист и верующий, коммунист и либерал.

Поэтому-то в залах заседаний движения за мир сидят рядом люди, на первый взгляд, казалось бы, совсем непохожие друг на друга. Желтые одежды буддиста из далекого Цейлона резко оттеняются черной сутаной ксендза, яркие одеяния муллы пестрят рядом со строгим платьем протестантского пастора. Радужное сари индийской женщины касается спортивного костюма европейки; в коридорах сливается стук сандалий и тонких высоких каблуков. Ни национальность, ни язык не являются препятствием. В каждом языке существует слово «мир». И смысл его в каждом языке один и тот же.

КОНГРЕСС народов в Вене. Снова старые друзья, и все больше и больше новых. Все многочисленнее становятся делегации. И снова те же трудности и препятствия. Некоторые делегаты нелегально прошли закрытые для них границы собственных государств, ехали длинным окольным путем, некоторые не смогли попасть на конгресс.

Небольшой черный диск. Зал умолкает. Медленно вращается черная пластинка. И вот звучит знакомый голос. Поль Робсон! Друг, борец за мир, верный сын негритянского народа, для которого страна, где он родился,— клетка, откуда ему нельзя выйти. Но не помог запрет властей Соединенных Штатов. Оживают записанные на пластинку слова, Поль Робсон говорит с нами. А потом поет. Зал слушает в напряжении. Стараются ни звука не проронить те, кто, вернувшись на родину, на митингах, на многолюдных собраниях, на страницах газет, по радио расскажет своим соотечественникам, как каждый выполнил свой долг делегата. Тут есть и такие, кто знает, что в родной стране их ждет одно — тюрьма, что они попадут за решетку, едва переступив границу. И все, что надо рассказать братьям, придется передавать шепотом, из уст в уста.

ДЛЯ ИДЕИ МИРА не существует границ. Повсюду, где только возникает опасность, где назревает военный конфликт, раздается мощный голос защитников мира. Он будит человеческую совесть, открывает людям глаза, учит быть бдительными, предостерегает, мобилизует, зовет к действию. Движение в защиту мира охватывает миллионы людей, превращается в силу, с которой, желают они этого или нет, вынуждены считаться правительства и политические деятели.

Не так давно один из государственных деятелей Соединенных Штатов с горечью констатировал: мы расходуем сотни миллионов на пропаганду, а ведь мы не сумели сделать ничего, что хотя бы отдаленно напоминало по своей действенности и силе движение в защиту мира.

Напрасно сокрушался американский политик! Массовые движения возникают не благодаря долларам и фунтам. С помощью долларов и фунтов не всколыхнуть миллионы человеческих сердец и умов. Их захватывает, волнует великая идея, та идея, которая согревает всех сторонников мира во всем мире,— борьба за жизнь, спокойствие и счастье человека.

За минувшие десять лет борцам за мир пришлось пережить многое. Пережили расставание с великими и благородными, которых из наших рядов вырвала смерть: мы проводили в могилу великого сына Франции, знаменитого ученого Фредерика Жолио-Кюри, который открыл Парижский конгресс и неизменно стоял во главе движения как председатель Всемирного Совета Мира. Пережили мы и отступничество слабых. Но мы приобрели миллионы новых борцов, друзей и сочувствующих, завязали узы дружбы, взаимопонимания и сотрудничества с десятками организаций и группировок, которые не примкнули непосредственно к нашему движению, но стремятся к той же цели.

Многое изменилось за минувшее десятилетие. Во время Парижского конгресса только еще разбивал оковы китайский народ, выходя на дорогу свободы. Индия оставалась британской колонией. В зале, где происходят теперь очередные заседания Всемирного Совета Мира, все больше национальных флагов. И это не только потому, что все больше народов принимает участие в благородном движении, охватившем континенты, но и потому, что за это время многие народы обрели свободу и создали собственные государства.

Империалисты потеряли много решающих позиций. Освободились из-под ярма большие страны. Возросла сознательность людей. Золотой звездой кружит в космическом просторе советский спутник. Но борьба еще не кончена, и тучи еще не рассеялись. Еще требуется много усилий, бдительности, труда и борьбы, чтобы уберечь человечество от кошмара новой войны, от взрывов атомных и водородных бомб, от их ядовитого дыхания.

С верой и непреклонной волей к борьбе за счастье человека смотрят сторонники мира в будущее. А если оглядываются на пройденный путь, то лишь для того, чтобы лишний раз убедиться, насколько важно для человечества это движение, возникшее на Парижском конгрессе, и идти дальше.

Бревенчатый домик

Б. ШАХОВСКИЙ

Все звезды в округе метель погасила,
По плечи дома замела.
От лютых морозов Сибирь голосила,
Стонала острожная мгла.
Бревенчатый домик в снегах заблудился
На злой минусинской земле.
В окне ледяном огонек золотился,
Пылала свеча на столе.

С прозябшей Руси уберется не скоро
Глухой девятнадцатый век.
Но видит далекие залпы «Авроры»
Глядящий во тьму человек.
Летит сквозь метель из-под рубленых сводов
Крылатое пламя свечи
К огням революции пятого года,
К кострам в петроградской ночи.

Устало моргает свеча на рассвете,
Тужурка сползает с плеча.
Плывет впереди государств и столетий
Бревенчатый штаб Ильича.

Москва, Кремль, 1921...

В декабре 1921 года, когда я заведовал фотокиноотделом Главполитпросвета Наркомпроса РСФСР, мне позвонили из Кремля и поручили организовать съемку встречи Владимира Ильича с лидером американской рабоче-фермерской партии Христенсеном, который незадолго перед тем баллотировался в президенты США.

Встреча происходила в Кремле. Владимир Ильич дружески беседовал с Христенсеном на самые различные темы, но наибольшее внимание было уделено голоду, который свирепствовал тогда в Поволжье.

— Ваши фермеры могут помочь нашим крестьянам, попавшим в беду,— говорил Ленин,— помочь хлебом, продовольствием. А наша страна взамен сможет дать американцам прекрасные меха и другие нужные им товары. Так мы наладим торговые отношения между двумя великими государствами.

Ильич с улыбкой согласился подарить гостю свой фотопортрет для рабоче-фермерской партии США. Приехавший вместе со мной в Кремль кинооператор А. А. Левицкий сделал несколько снимков.

Когда прием в кабинете закончился, Владимир Ильич продолжил беседу с Христенсеном на улице. Там, на фоне кремлевских зданий, Левицкий сделал несколько кадров.

Впоследствии кадры, посвященные беседе Владимира Ильича с американцем Христенсеном, были показаны делегатам XI съезда партии.

П. ВОЕВОДИН,
член КПСС с 1899 года.

На снимке: В. И. Ленин, Б. И. Рейнштейн, проживший в США много лет, Христенсен и П. И. Воеводин.

Ялта. Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев встретился с находящимся в Советском Союзе с дружеским визитом Председателем Президиума Верховного Народного Собрания Корейской Народно-Демократической Республики Цой Ен Геном. Во время встречи состоялась дружеская, сердечная беседа. На снимке: Н. С. Хрущев, Цой Ен Ген (крайний справа) и сопровождающие их лица среди отдыхающих санатория «Ливадия».

Фото Г. Бородина.

Рекорд бригады шахтеров

ВЫПОЛНИТЬ СЕМИЛЕТНЮЮ ПРОГРАММУ ЗА ПЯТЬ ЛЕТ обязалась проходческая бригада коммуниста Александра Андреевича Разборского в Львовско-Волынском угольном бассейне. В марте бригада установила новый всесоюзный рекорд, пройдя 410,2 погонных метра горизонтальной выработки вместо 180 метров по норме.

На снимке: А. А. Разборского по выходе из шахты встречают жена Мария Афанасьевна и сын Сережа.

Фото А. Макарова.

Живет в Москве Иван Кириллович Иванов, пенсионер, в прошлом инженер-строитель. Его жена, Елена Ивановна, работает на трикотажном комбинате, старший сын, Георгий,— радиотехник. Младший сын, Валерий,— ученик пятого класса средней школы, а невестка Таня учится на курсах английского языка. Недавно Иван Кириллович стал дедушкой.

Об этом и о том, каким образом семья Ивановых стала известна за рубежами нашей Родины, рассказывает Иван Кириллович ИВАНОВ.

Лю Атценвейлер (слева) вместе с Еленой Ивановной хозяйничает на кухне.
Фото из журнала «Лук».

ИВАНОВЫ И ДЖОНСЫ ХОТЯТ МИРА

В субботний майский день 1958 года в нашей квартире раздался телефонный звонок. Звонили товарищи из Комитета советских женщин.

— Американская гражданка Лю Атценвейлер, приехавшая в Советский Союз в качестве туриста,— сказали они,— хотела бы познакомиться с буднями и праздниками простой советской семьи. Она желает некоторое время пожить в такой семье. Не согласились бы вы принять американскую гостью?

Нам понравилось это предложение, и мы согласились.

А на следующее утро к 8 часам к нам приехала миссис Лю. Знакомство состоялось быстро, и через короткое время гостья, по ее словам, «почувствовала себя как дома». Надела фартук и принялась вместе с хозяйками готовить завтрак. Утро прошло весело, много было шуток, острот.

Мы обменялись с гостьей фотографиями детей. Некоторая неловкость, естественная при первой встрече, совсем исчезла. Скажу откровенно: госпожа Лю понравилась нам при первом же знакомстве. Эту невысокого роста, изящную женщину с прической «под мальчишку», домашнюю хозяйку и фотографа по специальности, волновали вопросы мира, которые волнуют всех матерей и жен, живущих на земле. Вот почему на свои личные сбережения она пересекла океан и Европу, приехала в нашу страну. Поэтому она и выбрала такой прямой путь к душам советских людей, став гостьей простой советской семьи.

Миссис Лю вместе с нашими хозяйками ходила по магазинам за продуктами, сопровождала по очереди каждого члена семьи до места работы. Побывала на работе моей жены, на курсах английского языка, где учится наша невестка. Вместе с младшим нашим сыном, пятиклассником Валериком, она пошла в школу № 112 Советского района, в которой он учится. Как женщину-мать, ее особенно заинтересовала советская система охраны материнства и младенчества.

На наше счастье и к удовольствию нашей милой Лю, в мае, в период ее пребывания у нас, мы ждали рождения внучки. Однако сроки появления внучки на свет расходились со сроком визы миссис Лю, который истекал 15 мая. Внучка же Наташа родилась 18-го. Лю, не задумываясь, продлила свою визу на неделю.

Это нарушило весь ее план, разработанный еще дома, в Америке. Она лишалась старых попутчиков, с которыми должна была ехать обратно в Штаты. Но Лю это не смутило. Впопыхах она послала в Америку, домой, мужу телеграмму такого содержания: «Мой приезд задерживается, жду ребенка, выезжаю 25 мая. Целую. Лю».

Эта телеграмма вызвала много шуток и смеха. А в день рождения нашей внучки Лю протелеграфировала домой и в Париж своим попутчикам: «Долгожданный ребенок, Наташа родилась. Вылетаю 25 мая. Встречайте».

Проводы на Внуковском аэродроме были очень трогательными. За две недели мы успели крепко сдружиться. На прощание мы договорились вести переписку.

Вернувшись домой, Лю прислала нам письмо.

«...И вот я пишу вам. Вечер. Мой муж сидит у телевизора, а наши маленькие девочки крепко спят в своих кроватках. Вы легко поймете, что они были бесконечно рады, когда я вернулась домой и вступила в свои обязанности матери.

Дочери наши растут прямо на глазах. Старшая, Линда,— хорошая хозяйка и успешно учится в школе. Лари — художественная натура; она предпочитает мечтать о прекрасных картинах. У Лизы светлые волосы и улыбка, которая может привлечь даже птичек, сидящих на ветках».

В каждой строчке письма говорила душа любящей матери, которая борется за счастье своих и всех детей.

А через несколько недель мы прочитали в американском журнале «Лук» в номере от 19 августа 1958 года статью Лю Атценвейлер. Эта статья носила заголовок «Я жила в русской семье». Здесь же были напечатаны фотоснимки, которые она сделала в нашей семье.

«Я мать троих детей, фотограф, живу в Канзас-Сити, — писала Лю.— Год назад мне пришла в голову мысль: «Я знаю русский язык. Может быть, мне поехать в Советский Союз, чтобы пожить немного в русской семье и запечатлеть жизнь русской семьи на фотопленке? Никто еще не предпринимал ничего подобного...»

Я обратилась в русское посольство в Вашингтоне. Мне очень охотно выдали визу и пожелали счастливого пути. И я рискнула. Я полетела в Москву».

В Москве Лю рассказала о своем плане представителям Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами, Союза обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами и Комитета советских женщин.

Лю высказывает радость, что ей нашли «Ивана Иванова, имя, столь распространенное в России, как Джон Джонс в Америке».

После подробного описания быта нашей семьи Лю делает вывод из своих наблюдений:

«...Я чувствовала, как много эта русская семья, подобно другим русским, с которыми я встречалась, думает о Соединенных Штатах. Они знают, что соревнуются с нами. И если должно быть такое соревнование между Джоном Джонсом и Иваном Ивановым, то Джонсам лучше бы не рассчитывать на легкую победу».

«Будущее. Как они верят в него! — писала дальше Лю.— Жизнь в этом году стала у них лучше, чем в прошлом; в следующем она будет еще лучше».

Нашу обоюдную озабоченность будущим детей Лю выразила в журнале нашими же словами: «Как важно для этого нового поколения, чтобы мир между нашими странами был сохранен!»

На эту в основном объективную и благожелательную статью откликнулись многие американцы. Они написали нам теплые, дружеские письма.

Мы решили обратиться в редакцию журнала «Лук» с письмом. Мы просили редактора о следующем: поскольку автор статьи подробно рассказывает о жизни нашей семьи, нам, естественно, хотелось бы выразить свое отношение к статье в целом и к отдельным вопросам, в ней затронутым. Это было бы и ответом американцам, приславшим письма.

Наше письмо было напечатано в журнале «Лук». И в ответ мы получили снова много теплых, искренних писем от американских граждан. Иногда почтальон приносил по десять — двенадцать писем в день.

Вот письмо американской жен-

щины Шерли Скотт из Аризоны, жены инженера-механика и матери четырехлетней девочки: «Я с большим интересом прочла статью миссис Атценвейлер о вашей семье. Как вы пишете, она многое смогла увидеть и понять, и это было замечательно! Она смогла рассказать нам, американцам, про то, как вы живете, про ваши надежды и чаяния. Ваш вице-премьер господин Микоян недавно посетил нашу страну, и мне кажется, что он дал нам возможность получить гораздо более широкое представление о России.

Мой муж, наша четырехлетняя девочка и я поздравляем вас с рождением маленькой Наташи. Как вы счастливы, что у вас такая дружная семья! Когда-нибудь и я надеюсь побывать в Москве. Возможно, в течение ближайших четырех — пяти лет: нам ведь придется здорово экономить, чтобы поехать!

Надеюсь повидать вас лично. Ваши новые друзья Вернон, Шерли и Линда Скотт».

Нельзя не разделить мнение мистера Джеймса Мура из Модесто (ему сорок девять лет, он отец двух сыновей) о том, что «наши главные стремления и надежды одни и те же». «Наши взгляды могут быть и не совсем одинаковыми по каждому вопросу,—продолжает Мур, — но есть много вещей, с которыми и вы и мы согласны. Если бы только наш голос, голос простых людей, был услышан, войне наступил бы конец и единственной целью стало бы достижение лучших жизненных условий».

Мистер Джон Баркли из Мексико с сожалением и тревогой пишет о том, что «ваш народ и мой народ по тем или иным причинам находятся не в таких дружеских отношениях, какие могли бы быть. Но, судя по тем мыслям, которые изложены в вашем письме, вы любите мир и с нетерпением ждете дня, когда все народы будут жить в добром согласии и охотно поддерживать связи друг с другом».

Из полученных нами писем мы, семья Ивановых, делаем главный и притом очень ободряющий вывод: рядовые американцы, как и мы, советские люди, мечтают о том, чтобы положить конец «холодной войне», очистить международную атмосферу от подозрений, угроз, добиваться взаимного доверия и сотрудничества между государствами независимо от их общественного строя.

Мистер Вальтер Готт — пенсионер. У него три сына; два из них в армии, один служит на Тайване. У Готта уже шесть внуков. За спиной главы семьи большая трудовая жизнь, и он представляет себе всю бессмысленность «холодной войны» и ее опасность для человечества.

«В нашей печати нам говорят,— пишет Готт,— будто все, что делает Россия, все, что есть в России,— все плохо. В одной статье за другой Россию называют «врагом». Тринадцать лет нам твердят, что ваша страна собирается вот-вот совершить на нас нападение. Я не вижу никаких доказательств того, чтобы русские собирались драться с нами. Наоборот, говорю я своим друзьям, я уверен, что Россия миролюбива и русские интересуются только строительством, улучшением условий жизни народа своей великой страны».

Нас глубоко взволновали слова, с которыми обратилась к нам миссис Вирджиния Тросинс:

«В вашем письме к автору в журнале «Лук» говорится, что вы и ваши соотечественники «непоколебимо верите в будущее». Как я завидую этому чувству! При здешней безработице такая «вера» кажется почти непостижимой. Никогда не знаешь, будет ли на следующей неделе заработок. Один из моих друзей, имеющий четверых ребят, не работает уже около восьми месяцев... После того, как я прочла ваше письмо, мне страстно захотелось выразить вам мою дружбу и добрые чувства, и не только лично вам, Ивановым, но всем людям, всем народам! Когда-нибудь мы все вместе будем работать и бороться за улучшение жизни на земле. В этом смысле и я верю в будущее».

Передо мной десятки и десятки писем... Возьмем наудачу еще некоторые из них.

Мистер Ллойд Бернетт пишет: «Просто мне хочется знать о вашей жизни самому и рассказать детям, когда они у меня будут. Из книг можно узнать о том, что было у вас столетия назад. Но о том, что происходит сейчас, узнавать приходится, только задавая вопросы живым людям».

«В общем и целом,— пишет мистер Берт Гилийит из Калифорнии,— из всего, что мы читаем в нашей ежедневной прессе, складывается впечатление, что какая-то глубокая и мрачная тайна окутывает народ России, его мысли, желания, обычаи и так далее. Я убежден, вы знаете о нас, американцах, гораздо больше».

Мистер Адамс: «Дело в том, что правящий класс в Америке не хочет и слышать об успехах русского эксперимента. Так что ни один писатель, который предложит статью, содержащую похвалу русской системе или образу жизни в России, не может рассчитывать на успех и на то, что ее напечатают. Сказать по правде, просто удивительно, что журнал «Лук» напечатал ваше письмо».

Лживая пропаганда, извращающая все, что касается Советского Союза, ведет к вопиющему незнанию нашей действительности. Вот пример.

Пишет нам американская женщина миссис Маргарет Гувер из южного Мэриленда: «Я часто езжу в магазин или на почту на дамском велосипеде. Мне не попадались снимки из Советского Союза, на которых видны были бы велосипеды. Неужели у вас все ходят пешком?..»

Мы в ответном письме попросили Маргарет Гувер сообщить, что известно ей о наших советских спутниках Земли и новой советской планете. Ведь в межпланетное пространство «пешком» никак не попасть!

Чарльз Уингенбач, студент из Вашингтона, выражает горячее желание, чтобы «великие и простые русские люди посетили Америку». Но при этом он просит, чтобы... «обязательно приехал и Евгений Онегин». Увы, нам пришлось разочаровать Чарльза Уингебача, сообщив, что Евгений Онегин в Америку поехать не может, а вместо него мы можем только порекомендовать прочесть в английском переводе роман великого Пушкина либо послушать оперу Чайковского.

Энсон Джейкобс из Франклина, член Американской федерации музыкантов, говорит, что много раз перечитывал наше письмо в журнале «Лук». И он приходит к выводу: «Русские люди — это **обыкновенные люди**, такие, какими и мы, американцы, стараемся быть. Ваше письмо открыло нам глаза и заставило меня написать вам о том, что я чувствую».

Из сотни писем, которые мы получили, только одно написано недругом. Им оказался мистер Джон В. Миллингтон из Эллентона (штат Флорида). Он владелец фирмы, которая занимается печатанием почтовых марок. Он написал нам: «Как бы мне хотелось когда-нибудь прочитать, что ваших людей прогнали из всех стран».

Ну что ж, как говорится, собака лает, караван идет вперед...

Мы не тешим себя иллюзиями. Есть в Америке люди, которые нас ненавидят. Но их меньшинство. Гораздо больше тех, кто нас не знает, не знает нашей жизни, но сердцем видит в нас друзей.

Стоит упомянуть еще об одном письме — миссис Элен Дело из Питсбурга. Она начинает его так: «Надеюсь, что мое послание не вызовет в вас страха! Я вовсе не хочу причинять вам неприятности. Я знаю, что у вас люди боятся такой переписки».

Уважаемая миссис Элен! Мы тронуты вашей заботой, но она излишня. Она вызвана вымыслами вашей американской пропаганды. Пишите нам больше, пишите по всем интересующим вас вопросам, мы будем вам отвечать и сами будем вас спрашивать о том, что непонятно нам в жизни американцев.

Нам, например, непонятно, что предосудительного может быть в дружеской переписке между Джонсами и Ивановыми? А ведь некоторые наши американские корреспонденты просят нас не отвечать им на письма, так как их могут обвинить в сочувствии к советским людям.

«Дошло до того, — пишет один из них, — что теперь, если кто-либо в нашей стране выражает симпатии к советскому народу, его смешивают с грязью, как, например, крупного промышленника Сайруса Итона, которого называют «апологетом» России. А рядового человека назвали бы «сочувствующим» русскому народу, а это у нас плохо».

Мы счастливы, что наша дружба с американской гражданкой Лю Атценвейлер разрослась в дружбу с большим количеством американцев. Дорогая Лю! Вы и не представляете, сколько теперь у нас дел. Ведь отвечать на все письма, идущие из вашей страны, не шутка! А почтальон приносит все новые и новые. Но мы благодарим вас за эту «нагрузку». Искренне благодарим!

Ивановы готовы дружить с Джонсами. Эта дружба может принести только пользу делу мира.

Вся дружная семья Ивановых в сборе.

Фото О. Кнорринга.

Петрусь БРОВКА

Новые строки

Рисунки А. Голицына.

ВЕСЕННЯЯ КНИГА

Весна в шелках, в обновах броских
Пришла в чащобы, на поля,
Пришла — и зимние обноски
Сняла набрякшая земля.

Пришла — и речки зазвенели,
Пришла — и свечкой вспыхнул куст,
Все выкрасила в синь и зелень,
Знать, у нее хороший вкус!

Бубенчик жаворонка милый
Прибила к небу-полотну
И рой пчелиный разбудила,
Задев дремавшую струну.

Все звонче в посветлевшей шири
Прилетный щебет птичьих стай.
И аист, как «ТУ-104»,
С утра вернулся в отчий край.

Весь день работал он в охотку,
Свой дом возвел без молотка.
А сок березы дробью четкой
В кувшин ударил из лотка.

Под солнцем борозда лучится
И трактор глыбу отвалил,
Как будто первую страницу
Весенней книги приоткрыл.

В ПОЛЕССКОЙ ГЛУШИ

Край низин и трясин,
Обомшелые села...
О Полесье былом
Нам рассказывал Колас.

Были здесь от души
Песни спеты Купалой...
Нынче в прежней глуши
Разворот небывалый.

Не найдешь тишины
В тех полесских чащобах,
Где Старóбин дремал
То в грязи, то в сугробах.

Был он в малой честй,
Знать, масштабом не вышел:
То считался селом,
То местечком — не выше.

Но Старóбин растет.
Он, в глубины врезаясь,
У иных городов
Скоро вызовет зависть.

Он не гасит огни
Круглосуточной вахты.
По округе по всей
Им заложены шахты.

Он проходит стволы,
Сваи в грунт забивает,
Из полесской земли
Соль земли добывает.

Телеграфным столбам,
Что развесили уши,
Слышно — взрывы гремят
Над болотною глушью.

Сколько умных машин
И людей настоящих —
Неустанных парней
И девчат работящих!

В их окрепших руках
И уменье и сила.
Кто кладет кирпичи,
Кто возводит стропила.

Сделать явью мечту
Суждено им недаром.
Лица юные их
Золотятся загаром.

Скука изгнана прочь.
Мастерам на досуге
Ни к чему рок-н-ролл,
Ни к чему буги-вуги.

Искры смеха в глазах,
Огневое веселье.
А косынки подруг,
Как цветы, запестрели.

Тут рождается жизнь,
Равносильная чуду.
На полесской земле
Шахты, шахты повсюду!

Углубляют стволы,
Сваи в грунт забивают,
Из разбуженных недр
Соль земли добывают.

Животворная соль,
Силу нив умножая,
Нам и нашим друзьям
Принесет урожаи.

Густо встанут хлеба,
В жите спрячутся хаты,
Будем в братском кругу
Небывало богаты.

Так пускай же растет,
Великану подобен,
В пробужденном краю
Город Ново-Старóбин.

Приезжай, погляди,
Как, не ведая лени,
На полесскую глушь
Он ведет наступленье.

ТЫ — МОЯ ПЧЕЛКА...

Ты — моя пчелка,
С тобою скучать я не стану.

Ты, моя пчелка,
Звенишь и звенишь неустанно.

Знаю тебя я —
Ведь ты с малолетства такая.

Я на тебя
Не в обиде, моя дорогая.

С первым лучом
Расправляешь ты легкие крылья.

Кличешь меня,
Чтоб вдвоем над лугами кружили.

Трутнем я не был,
С тобой мы построили хату.

Пусть она, светлая,
Полнится роем богатым.

Пусть неумолчно
С восхода гудит до захода.

Ты, моя пчелка,
Не бойся беды и невзгоды.

Если внезапно
Волну повстречаешь лихую,—

Лягу листком
И тебя в океане спасу я.

В жаркой степи
Без воды потеряешь ты силы,—

Стану росинкой,
Чтоб жажду твою утолила.

Грянет гроза —
И такое бывает порою,—

Стану скалою,
Тебя от ненастья укрою.

Ты, моя пчелка,
Не жалишь, звенишь хлопотливо.

Слушают звон твой
Цветы и гречишные нивы.

РАЗУМ

Нет границ перед тобой, крылатым!
Многое постигнув на планете,
Ввысь взлетев, грядущему навстречу,
Ты сильней, чем расщепленный атом,
Необычней всех чудес на свете.
Ты их создал, разум человечий!

Зорок и пытлив, покой отвергнув,
Ты вершины новые откроешь,
Океан — лишь мелкая криница
Перед глубиной твоей безмерной.
Сколько поразительных сокровищ
В щедрой кладовой твоей хранится!

Труд и слово, мастерство и знанья,
Музыка, любовь и ветер странствий...
Умножая достоянье это,
Полный вдохновенья и дерзанья,
Сквозь тысячелетья и пространства
Ты летишь быстрее, чем ракета.

Ты на Марс пошлешь аэронавтов,
От войны навек избавишь Землю
И, решив извечные задачи,
Человечество научишь правде.
Говорят, что сердце все объемлет,
Но оно без разума незряче.

Не дописаны наук скрижали.
Силы дай растущей молодежи
Двигаться нехоженой тропою!
Разум, устремляйся к новым далям,
Не позволь безумцам уничтожить
Все, что было рождено тобою!

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

БРАТ УРАЛА

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

Чудо Тургайской степи

Поздняя ночь. Самолет садится в Кустанае. Мы в гостинице, в той самой, где в бурные дни первых целинных лет ночевали, бывало, не только в коридоре, но и на лестничных площадках. Сейчас тоже тесно, почти все номера заняты. Но койку достать можно.

...Тургайская степь назавтра встретила не слишком приветливо. Небо закрылось белесой пеленой, задул ветер. Он нес волны снега, которые прибоем набегали на приподнятую над равниной насыпную дорогу. Перед фарами автомашины переплескивалась злая, шипящая пена поземки. Но вот впереди показались огни... Рудный!

В смутной полутьме возникли посеребренные инеем холмы (потом мы узнали, что эти горы насыпал шагающий экскаватор). Черный султан дыма от энергопоездов стлался над юным городом, его плотными кварталами одноэтажных, двухэтажных и трехэтажных домов.

Перед нами была одна из важнейших строек семилетки — Соколовско-Сарбайский комбинат.

Название комбинату дали два соседних, доселе мало кому известных, глухих степных поселка, расположенных в ложбине, в так называемом Тургайском прогибе, километрах в пятидесяти от Кустаная по течению Тобола: Соколовка и Сарбай.

Ученые называют Сарбай «братом Урала», потому что у степного подземного сокровища общее геологическое происхождение с уральской горной системой. Но нам слышится в этом определении «брат» и другой, теплый человеческий смысл.

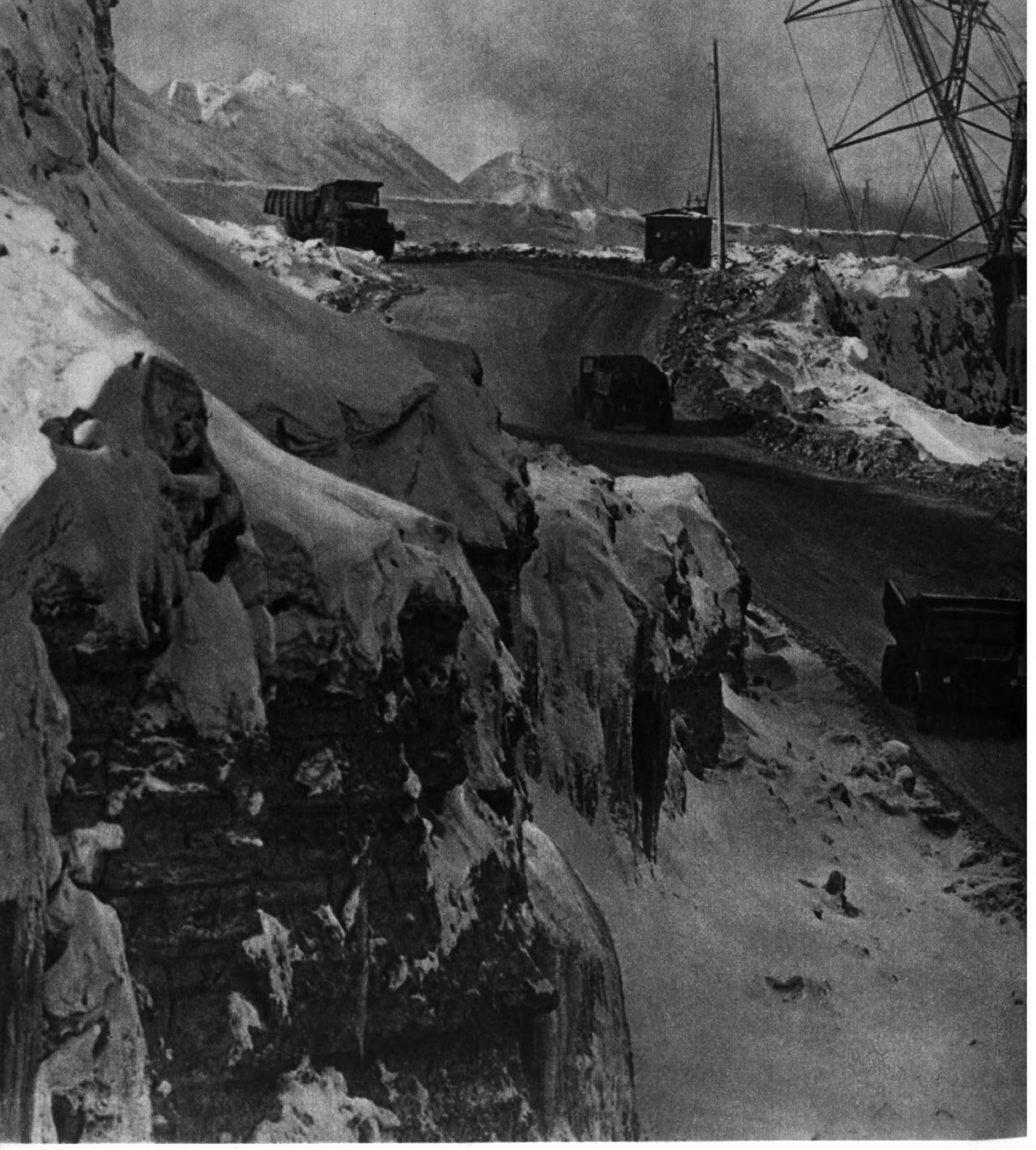
Что делалось в Челябинске, когда солнечным августовским утром 1957 года на площадку Челябинского металлургического завода пришел первый эшелон с казахской рудой! Гремела музыка. Ликующие толпы встречали украшенный зеленью, запыленный состав из Кустаная. Платформы с верхом были наполнены тусклокрасноватыми глыбами. Мартитовая руда! Богатейшая по содержанию железа! Да ею можно сразу

← Соколовский карьер. На нижнем горизонте — экскаватор «Семерка»: идет погрузка руды в самосвалы.

→ Петр Максимов — экскаваторщик Соколовского рудника. Им поднят первый ковш руды. Экипаж «Семерки» ныне пошел в бой за второй миллион тонн руды.

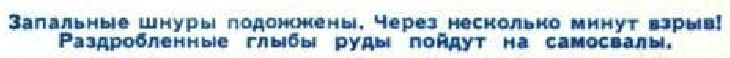
«Огонек».

Один из участков гигантского карьера, где добывается железная руда для Урала.

Маркшейдерам не до отдыха: только успевай замерять кубометры вынутой породы!

Запальные шнуры подожжены. Через несколько минут взрыв! Раздробленные глыбы руды пойдут на самосвалы.

Крановщице Любе Евсюковой, приехавшей на Сарбай с Урала, недавно исполнилось двадцать лет; три года из них она отдала новой стройке.

В Тургайской степи рядом с рудниками растет новый город — Рудный.

загружать мартены! Золото, а не руда!..

Я долго стоял над кромкой исполинской, овально вытянутой с юга на север чашей Соколовского карьера. Экскаваторы горизонт за горизонтом обнажили наслоения десятков миллионов лет. Местами слои породы скрыты мощными темно-зелеными массами оледи, застывшими струями прорвавшихся подземных вод. Можно догадаться, каких героических усилий требует здесь каждый метр углубления.

— Бог открыл рай, а геологи — Сарбай,— пошутил кто-то из горных мастеров, стоявших рядом со мной.

— Открыли — и поминай как звали? — спросил я, раздумывая над сложностью освоения открытого богатства.

— Как раз не так,— оставив шутливый тон, сказал мастер.— Слыхали вы имя Валентина Карповича Пятунина? Один из первооткрывателей Сарбая. Лауреат Ленинской премии. Жена у него тоже геолог, Серафима Николаевна. Предлагали Пятуниным после премии хорошие должности в благоустроенных городах. Они не уехали. Славные люди!

Назавтра я добрался до поселка, где находился штаб геологов. Управление комплексной геологоразведочной партии занимало низкое деревянное строение барачного типа.

Мне повезло: и Валентин Карпович и Серафима Николаевна только что вернулись с поля, с буровых вышек. Я застал супругов-геологов в комнате, заваленной кернами и свертками чертежей.

Он блондин, с мягким, добрым лицом, немногословный. Она высокая, смуглая, с живыми темными глазами, общительная.

Пятунин развернул карту и стал показывать точку, где вместе с геофизиками удалось недавно обнаружить еще одну аномалию. Не далее чем в пяти километрах от Соколовки. Разве не удача?

А через несколько дней я зашел к Пятуниным домой. Они жили на самом краю поселка, в маленьком домике под шиферной крышей.

Толстые тома на самодельных полках. Скрипка на стене. На подоконнике — причудливой формы розовые кристаллы озерной соли. Пепельница сделана из панциря черепахи. Рядом какой-то диковинный цветок в консервной банке с землей.

На плите варился аппетитный биш-бармак— знаменитое кушанье казахов. За время скитаний с мужем Серафима Николаевна научилась быть великолепной поварихой. Пятунины познакомили меня с сыном Валерием, школьником 5-го класса, страстным филателистом и читателем географической литературы.

— Недавно Борис уехал, наш старший сын,— сказала Серафима Николаевна.— Проводил здесь каникулы. Учится в Свердловске, в том же самом горном имени Вахрушева. Через год приедет сюда на преддипломную практику. Сама-то я защищала диплом в 1937 году, незадолго перед рождением Бориса.

— Она не говорит вам всего,— заметил Валентин Карпович. В домашней обстановке он держался проще, непринужденнее.— Для Серафимы Николаевны это было не только академическое испытание. Снимали мы тогда тесную комнатушку. Жили голодновато. Да еще в ту пору тяжело болел отец Серафимы Николаевны. Я видел, как тяжело ей было готовиться к защите. Взгляну на нее — она положила руки на тетрадь, голову на руки и дремлет. Дам ей немного поспать, а потом все-таки разбужу: «Сима, надо работать». Жалко было ее очень, а в то же время думал: «Вот меня в армию призовут, может, будет война, а она останется с ребенком, но без специальности, что тогда?»

— Как-то у нас всегда получалось,— задумчиво продолжал Пятунин,— что друг друга морально поддерживали в самые ответственные, крутые моменты жизни. Вот и здесь, на Сарбае... Дали мне Ленинскую премию, но скажу вам откровенно: Серафима Николаевна заслужила ее, может быть, больше, чем я. Сотни, тысячи извлеченных кернов, сотни, тысячи проверок, неудач, испытаний, новых проверок, новых испытаний. Ведь установление магнитной аномалии — это только еще начало дела. Самое главное — уметь правильно расшифровать аномалию геологически. Как бурить? Как нащупать ось рудного тела? Бывало, пройдешь триста метров, а руды все нет. Я, признаться, иногда впадал в отчаяние. И вот только благодаря ей...— Пятунин не договорил.— Не хотите посмотреть наш альбом? Это я сам фотографировал...

Снимки были интересные. Гусеничные тракторы тащат по снежной целине железные сани, а на санях паровозы, думпкары, буровые станки... Волчьи следы на площадке возле монтируемого экскаватора... Кусок руды, а на руде карандаш: может быть, первый добытый образец?.. Затопленная весенним разливом улица поселка с буксующими в грязи машинами... Вход в палатку. Видно, как геологи играют в шахматы. Рядом пристроился Валерик в трусах.

Но главным сюжетом фотолюбителя была высокая смуглая женщина с живыми темными глазами. Он снимал ее и у вышки в степи, и на крыльце домика с шитьем на коленях, и с букетом цветов в какой-то веселый, праздничный день.

И вот, глядя на эти зачастую снятые не в фокусе, неумело отпечатанные фотографии, я понял так много, что уже больше ни о чем не расспрашивал хозяев.

«Семерка»

Один из снимков пятунинской коллекции — а именно тот, на котором изображен был кусок руды с карандашом,— дал ниточку, которая привела меня к экскаваторщику Петру Никифоровичу Максимову.

Он моложе Пятунина и Серафимы Николаевны лет на десять — двенадцать. Невысокий, ладно сложенный. Из-под пшеничных бровей лукаво смотрят острые, зоркие глазки. На голове торчит светлый хохолок, а под хохолком затянулась рана, полученная на фронте.

Где он приобрел специальность? На Урале, конечно. Десять послевоенных лет отработал экскаваторщиком на стройках Красноуральска. Там и женился, обзавелся хозяйством. Почему же сменил обжитое место на голую степь? Так ведь родному Уралу помогать надо было! Не он один, сотни и тысячи кадровых уральцев так рассудили. Без руды нет домны.

Сейчас в карьере вон сколько экскаваторов: и два шагающих, и многоковшовый, и четырехкубовые,— а тогда, в начале пятьдесят пятого, когда он приехал в Соколовку, один только трехкубовый экскаватор № 7 и вел вскрышу.

В первые дни Максимова не взяли в бригаду «Семерки». Но раз как-то с экскаватором случилась авария. Без особых приглашений Максимов залез на машину и стал помогать машинисту устранять поломку. Тому понравилось, как он слесарил.

— Ты откуда будешь? — спросил машинист Павел Яковлев.

— С Урала.

— У-у! Земляк! Давай в сменщики к нам иди.

И вот он на любимой машине. Мечтал поскорее поднять руду. Но руды все не было. Песок и глина, глина и песок.

Маркшейдеры говорили, что руда лежит глубоко. Тут еще вскрывать и вскрывать. Слышал Максимов и другие разговоры. Глухие, смущавшие душу. Мало что, мол, геологи доказывают. Может, это случайная вещь. Может, нет вообще никакого мощного рудного тела, а просто маленькие линзы. Угробили миллионы, нагнали людей, технику, а толку что?

Как-то заметил он возле «Семерки» двух немолодых уже людей — мужчину и женщину. Они взяли из ковша комок глины, размяли в пальцах, поговорили, ушли.

— Кто это?— спросил Максимов у Яковлева.

— Геологи.

— Беспокоятся, а? Как ты считаешь?

— Еще бы не беспокоиться! А в Москве, думаешь, не беспокоятся?

И вот однажды — на всю жизнь запомнил Максимов этот серый, осенний денек — ковш ударился обо что-то твердое.

Красноватая пыльца пошла от зубьев.

Он слез с машины, нагнулся над ковшом, взял в руки камень. Тяжелый он был, точно свинцом налитой. До сих пор, кажется, живет в мускулах то счастливое ощущение тяжести от поднятого камня.

Положил в карманы куски, передал «Семерку» помощнику и поднялся в будку к диспетчеру. Тот встретил хмуро:

— Почему оставил машину?

— Вышел на руду.

— Брось дурака-то валять! Геологи говорили, ниже лежит.

— Так ведь и геологи могут часом ошибиться.

— Ты что-то путаешь, Максимов.

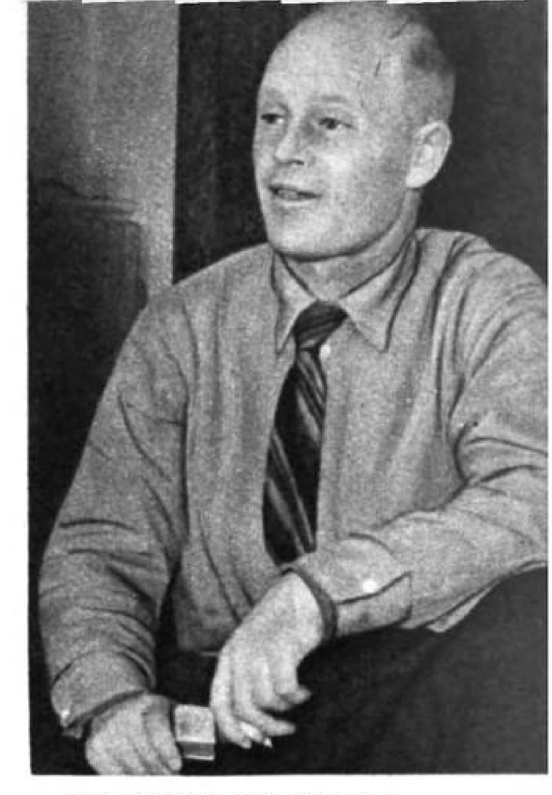
Тогда он достал из кармана куски:

— Вот, смотри!

Теперь тот день — 30 сентября 1956 года — навсегда вписан в летопись стройки. А ковш экскаватора № 7 — тот самый, что отгрыз первый кусок от куполка сарбайского сокровища,— неутомимо черпает второй миллион тонн руды.

...Днем на самом нижнем, 110-м горизонте карьера гремели взрывы. Сейчас ночь. Карьер окутан белесой дымкой тумана. «Семерка» с воющим гулом безостановочно грузит руду в кузова «четвертаков» — так называют здесь двадцатипятитонные минские самосвалы.

В тесном пространстве кабины темно, только впереди, за широким стеклом, шевелится груда ярко освещенных фарами осколков раздробленных красноватых глыб. Рыжая пыльца вьется над ковшом экскаватора.

Валентин Карпович Пятунин.

Я не вижу сейчас лица Максимова, только его маленькие крепкие руки, на одной наколот якорь. Руки спокойно лежат на контроллере, а ноги в валенках нажимают на педали.

Кабина со стрелой описывает стремительную дугу, и на минуту передо мной проносятся ярко-белые глазищи экскаваторов, работающих на верхних уступах. Ковш повисает над кузовом самосвала. С грохотом, искрами сыплется руда. Сигнал. Самосвал отъезжает. Снова проносятся горящие глазищи верхних экскаваторов. Снова отполированными белыми зубьями вгрызается ковш в сыпучую стенку забоя. Скорость не замедляется. Три минуты, иногда три с половиной, чтобы насыпать полный самосвал. Хороший темп!

— Эх, не так поставили машину! — досадливо говорит Петр Никифорович.— Поворот велик.

Один раз я заметил, как Максимов «прижал хвост» самосвалу: положил ковш на кузов, не давая машине тронуться с места.

— Зачем вы так сделали?

— С неполным грузом хотел отъехать... Ему, видишь ли, ждать некогда: ему хочется побольше ездок нагнать. А семилетка ждать будет?

Глаз у него хозяйский и мысли хозяйские.

Семилетка ждать не будет! Рабочий человек, он этими простыми словами выразил самое важное, самое насущное.

Максимов со своими товарищами — Павлом Яковлевым, Николаем Пестовым и Валентином Кожевниковым—каждую смену стремятся поднять из забоя по две с половиной тысячи тонн руды. Каждую смену... Без отступлений. Они подсчитали, что только при этом условии смогут выполнить свое семилетнее задание за шесть лет.

Кончалась ночь. За стеклом кабины засерело.

Я спрыгнул на землю и еще раз посмотрел на «Семерку». Она упрямо наступала на забой. На ее стенке виднелся яркий красный квадрат. Нам рассказывали, что означают такие квадраты, нарисованные на машинах. Бригада борется за право считаться коммунистической. Передовики!

РАССЫЛЬНЫЙ «БЕДНОТЫ»

Рассказ

Софья ВИНОГРАДСКАЯ

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

Володя шел по Троицкому мосту в Кремль. Пропуск он держал в руке, а руку в кармане. В том кармане, где лежали письма для Ленина.

Под мостом, перекинутым между двумя башнями, шумел Александровский сад. Заросшие аллеи вытянулись направо до Боровицких ворот и спускались налево, к угловой Арсенальной башне. За нею, там, в темноте домов, соборов, арочек, часовенок, начиналась Красная площадь.

Высокие кроны деревьев достигали моста, и Володе казалось: он шагает по их зеленым вершинам. Шумно, как по тревоге, срывались вдруг с ветвей птичьи стаи и уносились к острым шпилям башен, где, зловеще растопырив черные крылья, вращались кованые орлы. Володе казалось: он тоже вслед за быстрыми птицами взлетает вверх. Ведь он шел к Ленину с письмами крестьян.

Рассыльному «Бедноты» Володе минуло пятнадцать лет. Он просился в Красную Армию. Место мужчины в такое время на фронте. Надо бить контру, и никаких! Но Володю в армию не взяли.

— Рано! Еще мальчишка!

Этот оскорбительный ответ так ранил его мужское самолюбие...

Володя служил рассыльным в редакции и одновременно с помощью старших сотрудников приобщался к работе репортеров. Редакция помещалась в тихом Ваганьковском переулке. В больших комнатах барского особняка редакционные столы. На столах рукописи, письма, бумага. Под столами проволочные корзинки, и там письма, бумага... В шкафах, на этажерках, на стульях бумага... Володю посылали в различные учреждения, и он носил туда бумаги и приносил оттуда бумаги. И так каждый день...

«Оружие сменил на бумагу... — размышлял он над своей пятнадцатилетней судьбой.— Обидно!..»

Но сегодня в жизни юного рассыльного произошло событие. Сегодня днем в редакцию позвонил Ленин и просил доставить сейчас же то письмо, о котором рассказал ему вчера редактор «Бедноты».

Речь шла о письме крестьянина Чекунова. Он сообщал в «Бедноту», что в его деревне кулаки пролезли в сельсовет и землю между крестьянами поделили несправедливо.

— Ильич интересуется также другими письмами, отражающими ход аграрной революции в деревне,— проговорил своим скрипучим голосом сутулый, в очках, с рыжеватой бородкой, уже немолодой редактор, которого Ленин хорошо знал по последним годам своей эмиграции.— Отберите, Маргарита Владимировна, что-нибудь интересное в этом смысле.

Маргарита Владимировна Ямщикова, известная писательница, прибыла в Москву из Петрограда вместе с группой работников Военной организации. Теперь эта чрезмерно полная женщина с оплывшим лицом, но молодыми, очень ласковыми глазами и живыми, несмотря на полноту, движениями, ведала отделом крестьянских писем. Она порылась в папках и показала редактору несколько писем, написанных вкривь и вкось, мусоленым карандашом, водянистыми чернилами, на оберточной бумаге, тетрадочных листках и на оборотной стороне конторских счетов.

Так выглядели письма из русской деревни в эпоху аграрной революции.

Пока редактор просматривал все это, Маргарита Владимировна вызвала рассыльного, а сама занялась важным делом. Она вкалывала очередной флажок в огромную карту России с административным делением на губернии, уезды, волости...

С первого взгляда казалось, что это карта военных действий на фронтах гражданской войны. Флажки жались к центру России. На самом деле флажки наглядно показывали, из каких губерний и уездов прибывают в «Бедноту» письма. Писала большей частью деревня Центральной России.

Молодого рассыльного просто смешила возня с картой и флажками, которую затеяла Маргарита Владимировна. Володя преклонялся перед этой женщиной, работавшей в дни Октября в Военной организации и писавшей романы под мужским именем «Ал. Алтаев». Он зачитывался страницами ее книги «Под знаменем башмака» и никак не мог взять в толк, почему писательница, которая умеет сочинять такие чертовски интересные истории, корпит над письмами, разбирая каракули, правит их, печатает в газете. Он пробовал читать — скука, и ничего, кроме скуки, и все одно и то же: «Земля, комбед, семфонд, ссуда, инвентарь, лошадь...» Вот дали бы ему одну лошадь и пустили бы на фронт, он бы такие письма писал в редакцию! Не то что вся эта чепуха! И карта тоже чепуха. Флажок надо вкалывать там, где бьют белых.

Так размышлял обычно Володя, у которого по всякому поводу уже было свое особое мнение.

— Мыслит паренек самостоятельно, но не всегда правильно,— замечали старшие сотрудники и советовали Володе «глубже усвоить значение масс в революционном процессе» и рекомендовали брошюры по этому важному для газетного работника вопросу. Но Володя не очень следовал советам и твердо держался своего особого мнения. Только сегодня его обычные мысли вдруг осеклись. Оказалось, Ленин придает важное значение крестьянским письмам...

— Как жаль, что мы не имеем возможности все это перепечатать на машинке! — сокрушалась Ямщикова.— Приходится посылать Владимиру Ильичу оригиналы вот в каком виде...

Она сложила старательно все, что отобрал редактор для Ленина, и отдала Володе.

— Живее! Пропуск уже заказан.

Рассыльный вскинул мятый картузик на кудрявую голову, сунул письма в карман ветхой солдатской шинельки с чужого плеча и помчался в Кремль через Ваганьковский, Воздвиженку и дальше, мимо зеленой чащи боярской усадьбы, притаившейся за белокаменными столбами забора. Ветер развевал Володину шинель, как плащ.

В Троицкую башню Кремля Володя вошел через калитку, вделанную в глухие чугунные ворота. Темный свод башни уходил высоко вверх, в мрак. Пахло сыростью, тленом. Все было древним, погруженным в века. Только два курсантика с винтовками у ноги были совсем молодыми, с ясными лицами, светлым взглядом. Один пошел вдоль стены, другой проверял Володин пропуск.

«Черт возьми! — досадовал молодой рассыльный.— Не намного ты меня старше, а уже курсант и при винтовочке, Кремль сторожишь, меня проверяешь...»

Володе очень хотелось поменяться с курсантиком судьбой: шагать тут с винтовкой в руке (пусть и не на фронте) все же лучше, чем разносить бумажки.

Но, сообразив, что сейчас он, рассыльный, войдет к Ленину, а не этот курсантик, Володя уже раздумал меняться. Курсант вернул ему пропуск, и Володя ступил из мрачной башни на солнечный плац Кремля. Слева, вдоль желтых, осыпающихся стен арсенала, выстроились пушки, пушечки, пушчонки, отбитые у Наполеона. Лафеты заросли травой, стволы длинными хоботами уткнулись в землю. Орудия словно отвешивали Володе земной поклон. А он шагал мимо них старательным строевым шагом.

Отовсюду мчались машины с обшарпанными боками, брезентовым верхом, слюдяными окошечками. Они возникали у Спасской, у Чудова, у жилых корпусов — Кавалерского, Потешного — и пропадали где-то за аркадой Белого коридора.

Справа в тесноте толпились дворцы, терема, палаты, соборы, колокольни с тускнеющими золотыми куполами. Особняком, в отдалении, как и подобает, стояли цари: нестреляющая пушка, незвонящий колокол и мозаичные, словно отрубленные, головы монархов в галерее над кремлевским откосом.

Там, на площади, где запад, застыла история.

Рассыльный шел прямо на восток, к высоким зданиям, где история творилась. Он достиг светлого корпуса ВЦИК и Совнаркома. Огромный красный флаг на куполе боролся с ветром. Снова часовые проверяли пропуск. А впереди юного рассыльного на всем его пути по длинным коридорам шагала девочка с портфелем в руке. Володя различал белый воротничок на темном платье, косы, уложенные на затылке... И ему непонятна и досадна была быстрота, с какой часовые пропускали эту девочку, почти не заглядывая в ее пропуск, и медлительность, тщательность, с которой они проверяли пропуск рассыльного «Бедноты», посланного к Ленину с важными письмами русских крестьян.

Девочка уже исчезла за поворотом, а он все еще шагал под узкими сводами коридора. На полу, по которому он ступал, извивались змеями провода. У стен стояли конторки, столики, ящики, аппараты... Все походило скорей на военный штаб, а не на резиденцию правительства. И это волновало пятнадцатилетнее боевое сердце рассыльного.

Володе показали нужную ему дверь, и он собрал все свое мужество, чтобы спокойно открыть ее. Ведь за этой дверью работает Ленин. Сейчас Володя увидит его и скажет: «Товарищ Ленин, я принес письмо Чекунова и письма крестьян о ходе аграрной революции в деревне».

Хорошо бы все так сразу выговорить!..

Рассыльный открыл дверь. Прежде чем он понял свое заблуждение, у него уже отобрали письма и понесли к Ленину. А ему велели подождать.

Большая комната, в которой ждал Володя, была не кабинетом Ленина, а его секретариатом. Когда Володя появился здесь, кто-то громко, на всю комнату, крикнул: «Маруся, пришли из «Бедноты»!» Его поразило, что та, которую звали Марусей и которая молча, ни о чем не спрашивая, забрала у него письма и унесла их к Ленину, оказалась той самой девочкой с портфелем. Володя узнал и косы, уложенные на затылке, и белый воротничок на платье. Но это была не девочка, а очень взрослая девушка в пенсне. Она была намного старше его, Володи. Физический недостаток остановил ее рост.

Но еще больше, чем это, Володю поразило лицо Маруси Гляссер. Такое запоминается на всю жизнь. Володя думал, что такие лица существуют только на страницах романов. Прозрачное, с тонко выточенными чертами и страдальческими глазами. Высокий лоб прорезала ранняя борозда. Рот сжат в немой печали. Лицо подвижницы.

Да, не он, а девушка вот с таким лицом должна входить к Ленину, вон в ту заветную дверь.

Вдруг та дверь открылась, оттуда вышла Маруся, а вслед за нею Ленин.

— Это вы, товарищ, из «Бедноты»? А где же письмо Чекунова?

Лучи низкого закатного солнца зажглись в глазах председателя Совнаркома. Но Володе показалось, что там вспыхнули молнии.

— Письмо Чекунова? — ужаснулся он. И спросил Ленина голосом надежды и отчаяния одновременно: — Разве я не отдал его?

— Письма Чекунова я тут не вижу...— Ленин разжал руку и показал всю пачку писем.

Володя порылся в кармане ветхой шинели и нащупал какую-то бумажку. То был пропуск в Кремль. Он снова сунул руку в карман, в другой — письма не было. Он распахнул шинель,— может быть, оно в кармане брюк?

Взгляд Ленина отразил предельное недоумение.

— Вы почему там ищете? — показал он рукой на карманы.— В чем вы носите письма?

— В кармане...

— Просто в кармане? — удивился Ленин.— А почему не в сумке?

— Это женщины ходят с сумками...

— Женщины? — повторил Ленин.— А солдаты? Вот у нас, в Совнаркоме, самокатчики развозят правительственные пакеты только в сумках.

Володя молчал, напряженно ожидая, что будет дальше.

— Вас как зовут? — неожиданно заинтересовался Ленин.

— Володя...

— Гм-м...— Ленин искоса посмотрел на рассыльного, словно примерял к нему подходящую форму обращения, и справился: — Скажите, молодой товарищ, а сколько всего писем редакция послала ко мне?

— Я не считал... Сколько дали, я все принес вам.

— А там, у себя, когда вам давали письма, вы расписались?

— Я никогда не расписываюсь, — сказал Володя. И пояснил: — Мне доверяют.

— Доверяют? — переспросил Ленин. — Так, так. — И, словно стараясь вникнуть в положение дела, он все повторял на все лады: — Доверяют... Доверяют, значит... Они вам доверяют, и вы не расписались. Вы им доверяете и не посчитали, сколько писем взяли. Мне вы тоже доверяете?

— Конечно! — горячо отозвался рассыльный.

— Ну, а ежели я оставлю письма у себя, вы расписку у меня потребуете?

— У вас, товарищ Ленин? — не понял Володя вопроса.— Расписку? — И он робко улыбнулся: Ленин, конечно, говорит это в шутку. Поймав выжидательный ленинский взгляд, рассыльный уже смело проговорил: — У вас расписку не берут. Вам, товарищ Ленин, все доверяют.

— Доверяют...— печально повторил Ленин.— Все... А доверяет ли нам крестьянин Чекунов? Ведь за каждым письмом стоит живой человек. Если так обращаться с ним...

— Я с ним не обращался! — с отчаянием воскликнул Володя.— Я сейчас побегу за ним. Оно лежало там отдельно. Я сейчас принесу его вам.

— Сейчас не надо! — остановил его Ленин.— Сегодня уже поздно. Принесете завтра. А сейчас внесем в наше дело маленький порядок.

И, обратившись к сотруднице, стоявшей рядом, попросил:

— Дайте мне, пожалуйста, тетрадь. Да, да, можно обыкновенную, школьную.

Девушка в пенсне принесла тоненькую тетрадку с девизом на голубой обложке: «Сейте разумное, доброе, вечное».

Ленин раскрыл тетрадь.

— Страницу надо сначала разграфить,— пояснил он и справился у рассыльного: — А разграфить сами можете? Хорошо. Значит, на три графы. И в каждую вписывать: от кого получено письмо — в первой графе; кому направлено — в середине; а в конце расписывается получатель. То есть я. Но за меня будет расписываться товарищ Гляссер.

Здесь Ленин чуть заметно улыбнулся.

— Ей я доверяю.

С настороженным недоумением слушал рассыльный ленинские объяснения.

— Вам все понятно? — спросил Ленин. И повторил: — Каждое письмо записывать сюда и приносить вместе с тетрадью. А там, в редакции, надо завести вторую тетрадь, в которой вы будете расписываться.

— Товарищ Ленин, зачем такой бюрократизм? — искренне ужаснулся рассыльный.

— Бюрократизм? Молодой товарищ, а вы понимаете значение той работы, которую вам поручили? А? Ведь эти письма связывают нас с массой российских крестьян...

В остром взгляде председателя Совнаркома Володя увидел вспышку. Там снова сверкнули маленькие молнии.

А председатель Совнаркома увидел в глазах рассыльного слезы. Перед ним был худенький остролицый паренек в потертой шинельке явно с чужого плеча, и в глазах паренька стояли слезы.

— Это не бюрократизм, молодой товарищ, — голос Ленина стал мягче. — Это порядок. Отчетность. Такой вот бюрократизм нам даже необходим. Это нужный бюрократизм...

Володя взволнованно теребил в руках тетрадь.

— Что же вы так ее терзаете? — уже совсем добродушно спросил Ленин. — Или тетрадь, вы полагаете, — это тоже бюрократизм?

Он нагнулся над столиком сотрудницы, написал несколько слов на страничке блокнота, вырвал ее.

— Товарищ Гляссер, вот записка, чтобы этого молодого товарища накормили обедом. А товарищу дайте расписку, что вы приняли для меня восемь писем. Укажите фамилии — чьи письма. А расписку эту, — Ленин снова обратился к рассыльному, — вы отнесите в редакцию. Не смущайтесь, такой бюрократизм полезен. Но... только такой!

И председатель Совнаркома ушел к себе. А Володя бежал из Кремля.

Он не стал обедать. Он бежал за пропавшим письмом.

Снова курсанты проверяли пропуск. Снова кланялись до земли наполеоновские пушечки. Снова, как по тревоге, носились над Александровским садом птичьи стаи. Но Володя уже не взлетал вслед за ними к высоким башням. Теперь Троицкий мост шел на спуск. Он падал наклонно от Кремля к Кутафьей башне. Володе казалось, он тоже падает. Он слышал над собой взмахи птичьих крыл. Это о его позоре вещали черные птицы...

— Володя! — навстречу рассыльному взметнулись белые руки Ямщиковой.— Володя! — кричало сразу много голосов. — Ты же забыл письмо Чекунова!

— Дайте! — прохрипел Володя.— Дайте сумку для этого письма. Я сейчас понесу!... — Он глотнул воздух и головой мотнул туда, где Кремль.

Ямщикова все поняла и, мигом выбросив на стол ключи, монеты, носовые платочки, опростала свою зеленую замшевую сумочку с перламутровой застежкой.

— Нет! — отверг ее Володя.— Не такую.

Он оглянулся вокруг, потянул со стола папку, вышвырнул из нее рукописи, вложил чекуновское письмо и устремился к выходу. Но вдруг остановился, вытянул из кармана тетрадь с девизом на голубой обложке и расписку секретариата Совнаркома, что получено восемь писем. Он сел за стол, раскрыл тетрадь на первой странице и провел сверху черту. Затем повернул тетрадь и провел поперек еще две черты. И снова повернул тетрадь. И начал писать в первой графе.

— Что ты делаешь? Скоро рабочий день кончится. Ты же опоздаешь! — торопили сотрудники.— Володя, что за писанина сейчас?

Он посмотрел на них с сожалением и продолжал свое. Он вписывал в графы все, что велел Ленин. Когда он кончил, было поздно идти в Кремль.

— Черт знает что! — возмущались сотрудники. — Из-за писанины какой-то опоздал...

— Это не писанина! — воскликнул Володя.— Вы еще, может, скажете: бюрократизм? А нам такой бюрократизм нужен. Но только такой!..

Наутро Володя отнес Ленину письмо Чекунова. Оно было вложено в папку. С ним была тетрадь, и он попросил получателя расписаться в последней графе.

Птичница З. С. Гадебская.

Потомки деда Гадебс

Вл. РУДИМ

Фото Г. САНЬКО.

Искать потомков деда Гадебского оказалось делом не простым. Я все время сомневался: найдутся или нет? Ведь Иван Дмитриевич Гадебский жил в слободе Лушниковке во второй половине минувшего века. С тех пор много воды утекло.

Вы спросите: чем же заинтересовали нас этот дед и его наследники?

В книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Владимир Ильич Ленин подробно анализировал бюджеты 24 крестьян Острогожского уезда, Воронежской губернии, собранные статистиком Ф. Щербиной. Работа В. И. Ленина и подсказала поездку в Острогожск.

Я выписал все двадцать четыре фамилии и отправился в путь. В райкоме партии, куда я зашел навести справки, было совсем малолюдно: весенняя страда двинула райкомовцев на «посевной фронт». Но все же мне помогли, позвонили в ближние и дальние колхозы. Из одного места ответили: «Все потомки вывелись». Из другого: «Поразъехались по белу свету». А из Лушниковки кто-то пробасил неторопливо:

— Нехай до нас едет. Пошукаем, у нас есть Гадебские.

Гадебские! Да ведь это одна из двадцати четырех фамилий, имеющих отношение к ленинскому труду!

Так я оказался в Лушниковке, где находится колхоз «Красная звезда».

— Не знаете, где тут у вас живут Гадебские? — спрашиваю.

— Как не знать? Вон там, за яром. Зинаида Гадебская у нас лучшая птичница. Идите прямо на птицеферму.

Весеннее солнце слепит глаза, в лазоревую высь, усеянную белыми облачками, больно смотреть. Одно облачко упало на землю — это сотни белых кур во дворе птицефермы. Здесь встречаю Зинаиду Степановну Гадебскую. Обведя рукой своих беспокойных подопечных, она говорит:

— Старается наша птица: круглый год несется.

Немало трудов пришлось приложить, чтобы «птица старалась». В минувшем году ферма дала почти сто девяносто тысяч рублей дохода.

— Ну, а личные ваши заработки?

— Да что там говорить! Живем хорошо. Недавно новый дом построили с мужем, Михаилом Петровичем, он тоже в колхозе работает, пастух. Заходите к нам в гости, посмотрите, какой у нас дом!

Я видел этот дом. Если б его увидел дед Иван Дмитриевич Гадебский, которым наряду с другими крестьянами интересовался Ленин, то еще издалека снял бы шапку: не бедняцкое сооружение! И возводилось оно не из «последних сил», когда отказываешь себе во всем.

Под конец беседы спрашиваю Зинаиду Степановну, что она знает о своем деде Иване Дмитриевиче.

— Моего деда величали по-другому — Петром.

Вот так неожиданность! Надо дальше искать.

Попадаю на молочнотоварную ферму, к доярке Вале Гадебской. Миловидная, со слегка «заносчивым» носиком, Валя — по возрасту правнучка деда Гадебского (ей двадцать лет) — рассказала:

— В колхозе вся моя родня работает: отец Иван Архипович — сторож, сестры Нина и Настя — доярки, Мария — телятница, братья Иван и Серафим — овчары. Живем весело, с танцев последними уходим. А про деда спросите отца — он должен знать.

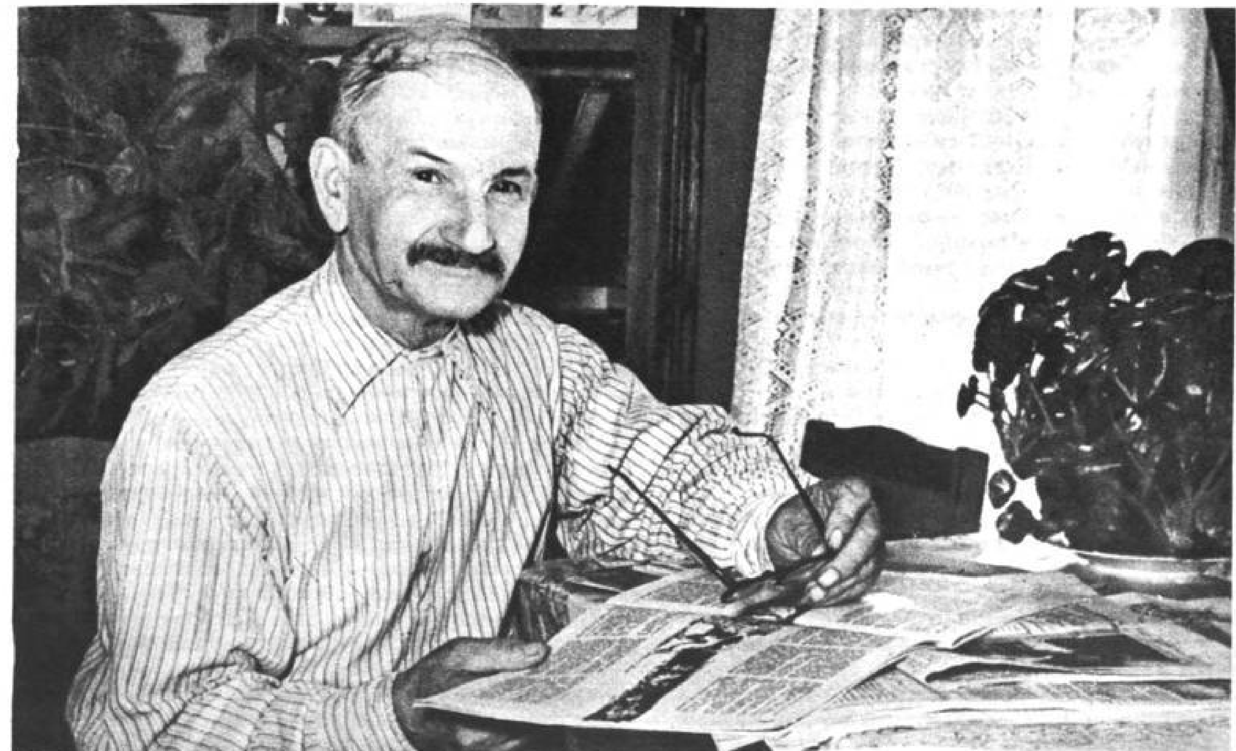
Тут на ферму зашел пожилой, немного грузный человек, с обветренным и, как мне показалось, усталым лицом. Поздоровался и, не обращая ни на кого внимания, зорким глазом окинул коров («рогами расписывают друг друга»), ткнул пальцы в автопоилки («надо чистить!»), потом подошел ко мне, и мы познакомились: это был секретарь колхозной партийной организации Антон Ефимович Бурцев.

Я рассказал ему о неудачных поисках наследников деда Гадебского.

— А чем они не наследники? — спросил Антон Ефимович, кивнув на молодых доярок.— Вот на них, правнуков крепостных крестьян, теперь вся наша надежда, они будут главной силой в семилетке. Знаете, сколько у нас молодежи? Круглым счетом — сто. Из них комсомольцев — шестьдесят четыре. Грамотный народ! Сколько классов закончила Валя? Девять. А вот здесь Маруся Абрамова и Паша Шевцова — в зооветтехникуме заочно учатся. Сегодня они доярки, завтра будут зоотехниками, чем плохие наследники?! А наследство-то у нас какое? Овцеферма и кролиководческая ферма, да 230 дойных коров, да на свиноферме — тысячное поголовье... Да что там коровы, овцы, свиньи,— машины у этих наследников какие! 10 трак-

Дочь Ивана Павловича — Анна Гадебская.

Колхозный плотник И. П. Гадебский.

торов, 6 грузовиков — разве этого мало?

У меня готово было вырваться: «Не мало»,— но Бурцев опередил:

— Мало! Да, да, мало. Мы уже недовольны тем, что имеем, хотим больше и лучше. Вот наш колхоз по надоям молока—первый в районе. Но вы бы послушали, как мы тут воюем из-за каждого литра молока: ведь соседи нагоняют!

Затем Бурцев сказал:

— А у нас, в Лушниковке, все-таки есть два родственных внука деда Гадебского: Иван Павлович и Стефан Павлович. Пойдемте — укажу.

...Вот уже второй час мы с колхозником Иваном Павловичем Гадебским, внуком Ивана Дмитриевича, ворошим старину.

В сборнике статистических сведений Ф. Щербины за 1887 год сказано, что «И. Д. Гадебский считается хозяином около средней зажиточности, ниже средней и выше бедной»; что «Гадебский жил в наймах», а позднее, «женившись и разделившись с братом, занялся главным образом земледелием».

Как жил этот «хозяин около средней зажиточности»? Иван Дмитриевич Гадебский имел ветхую избу, два сарая, соху, борону, две повозки и «остальных сельскохозяйственных орудий» — на 7 рублей 10 копеек. Кроме того, было: мебели и посуды — на 26 рублей 80 копеек, икон — на 10 рублей 80 копеек. А вот самое главное: общий доход хозяйства Ивана Дмитриевича за год —

231 рубль 10 копеек. А расходы — 308 рублей 50 копеек. Убыток — 77 рублей 40 копеек. И, кроме того, еще 87 рублей недоимок.

Ленин отнес это хозяйство «около средней зажиточности» к бедняцким. Жизнь вполне подтвердила вывод Ленина: разорение продолжалось, и в конце концов И. Д. Гадебский лишился избы и всех земледельческих орудий.

Иван Павлович добавляет, что, «по всем известиям», и дед его и отец «разорение сильное имели и в бедности заклякли». Грамоты никто не знал. Сам Иван Павлович даже двух лет не проучился в школе: не до того было. Карие глаза Ивана Павловича, увитые лукавыми морщинками, стали строгими:

— Слыхали вы про полетчиков?

— Нет, не слышал.

— А полетчиками в старое время у нас прозывались те, кто каждое лето уходил куда-нибудь батрачить. Такая была жизнь. Расскажешь молодежи — не верят, это им вроде фантастики. Из Лушниковки и других мест с каждым годом все больше людей подавалось на Донщину наниматься в батраки. Вот так и жили приблизительно...

Старик тяжело вздохнул, помолчал, а потом протянул руку к репродуктору, включил радио, и оттуда, как весенний ручей, прорвавший запруду, вырвалась песня.

Живые глаза шестидесятидвухлетнего Гадебского повеселели. Хлопнула входная дверь, начали сходиться домашние. Пришли дочь Анна — она почтальон, сын Сергей — машинист острогожской электростанции. У него за плечами десятилетка, техника для него — родная стихия, и он подумывает о заочном вузе.

Есть еще два сына у Ивана Павловича. Александр, лесничий, живет в Грозном, а Иван, военный инженер, в Москве служит.

— Ну, а сами-то вы уже, наверное, на отдыхе?

Иван Павлович удивленно посмотрел на меня и даже привстал со стула.

— Не-ет, я еще работя-ащий! Думаю, сил хватит на всю семилетку. Плотничаю в колхозе. А как же! Вот сколько у нас дел на весну да на лето: новый птичник поставим, телятник. Потом еще мастерскую для плотников: старая уже тесной стала.

Дом у Ивана Павловича большой, просторный, трехкомнатный дом, полный достатка. Четыре светлых окна глядят на улицу, посредине которой бегут «электрические столбы». Снаружи под крышею, словно пара голубок, белые изоляторы электропроводки, и скоро (деньги уже есть) поднимется телевизионная мачта.

— И посмотрю и послушаю! — с удовлетворением говорит Иван Павлович.

Второй внук деда Гадебского, Стефан Павлович, живет недалеко от первого: через две улицы. Но его нет дома — сегодня выходной, пошел в город, в музей.

Спешу в краеведческий музей и действительно застаю там Стефана Павловича. И не одного, а с дочерью Екатериной и внучкой Таней. Первое, что узнаю от Стефана Павловича,—это то, что Лушниковки-то, собственно, уж нет: оказывается, теперь она влилась в Острогожск. Стефан Павлович с 1933 года на протяжении четверти века был депутатом Лушниковского сельсовета, а ныне его «полномочия кончились в пользу молодежи».

Перемены, перемены... Музей напомнил нам и о других переменах. В статистическом сборнике Щербины перечислены различные занятия жителей Острогожского уезда. Среди бубличников, кабатчиков, гробовщиков, дужников, лапотников названы еще: бродяги — 17, ворожеи — 2, карманники — 2, комедиантки — 1, нищие — 348, проститутки — 15, чернички и странники — 208. А деревенских учителей было... всего 5.

В музее сообщили и более поздние сведения. В 1916 году в Острогожске было 13 учителей, 13 церквей. В большинстве сел уезда не было школ, треть крестьянских хозяйств не имела лошадей.

Узнав об этих цифрах, Стефан Павлович припомнил, как его, двенадцатилетнего паренька, нужда «отняла от школы».

Перемены, перемены... Как недавний сельский депутат, он знает, что в нынешнем Острогожском районе (это приблизительно лишь восьмая часть бывшего уезда) 64 учебных заведения, в том числе зооветтехникум, строительно-техническое училище, торгово-кооперативная школа... В самом городе — более двух десятков промышленных предприятий, продукцию которых можно увидеть в Китае и в Польше, в Монголии и в Корейской Народно-Демократической Республике, в Демократической Республике Вьетнам и в Румынии.

Что и говорить, многое сделано в Острогожске за годы Советской власти! Кстати, век у Острогожска довольно солиден: город был основан более трехсот лет назад, в 1652 году. И город этот был первым по Воронежской губернии, который совершил революционный переворот в 1917 году, первым в губернии откликнулся на призыв вождя великой революции — того, кто еще в конце века глубоко заинтересовался жизнью бедняков Острогожского уезда.

Осмотрев музей и картинную галерею имени И. Н. Крамского (знаменитый художник провел детство в Острогожске), мы вышли на улицу, сели в автобус и поехали в Лушниковку. Через двадцать минут мы были в доме Стефана Павловича — еще более просторном, чем у старшего брата. Вся семья в сборе: жена Анна Александровна, дочь Екатерина и внуки Таня и Толя.

Отдельно, с мужьями, в собственных домах живут две другие дочери — Пелагея и Люба.

— Тут все, кого ни возьмите,— говорит Стефан Павлович,— живут так, что дедам и не снилось.

Стефан Павлович пододвинулся ко мне вплотную и словно доверительно продолжал:

— Спросили бы вы дедов: о чем их главная забота, что им надо? Хлебушка нужно было. Ведь он, хлебороб, с осени уже без хлеба сидел!.. А спросите сейчас нашего колхозника: что ему надо, какие у него соображения? Пожалуется: не на все улицы протянули электролинию; клуб мал, надо попросторней; скажет: хотим телевизоры. Что еще? Нужны промтовары получше, подобротней...

Тут я вспомнил свой разговор с доярками. Девушки сетовали, что в магазине «Сельпо» (они называют его по-своему — «Сельпища») нет нужных товаров. Нина Подлесная уточнила: шерсти на платья, шерстяных свитеров, красивых расцветок ситца...

— А еще,— добавила она,— хороших духов и чулок с контурной пяткой.

А Стефан Павлович все продолжал:

→

— Нам нужны хорошие книги: и художественные романы, и которые приключенческие, и про трактор, и про атом. Хотим, чтоб поскорее провели в наши хаты газ, ведь Острогожск начнут скоро газифицировать...

В эти дни у каждого лушниковца есть свои «мечты-соображения», и самое характерное в этих мечтах-планах — все возрастающая требовательность к себе.

Поэтому и председатель правления колхоза Иван Трофимович Партолин и секретарь партийной организации Антон Ефимович Бурцев сдержанно говорили о трех с половиной миллионах рублей прошлогоднего дохода, не хвастались тем, что в числе первых по району перешли на денежную оплату труда колхозников, что полностью рассчитались за технику, купленную в МТС. А когда называли цифры колхозной семилетки, чувствовалось: уже немало тут передумали над тем, как «ужать» семилетку годика на два.

С хорошим настроением уезжали мы из колхоза «Красная звезда», где живут наследники деда Гадебского.

Это тоже две «наследницы» — доярки Валя Гадебская (справа) и Клава Мироненко.

Стефан Павлович Гадебский пришел в картинную галерею с дочерью Екатериной и внучкой Таней.

Н. Ф. Погодин.
Фото Б. Азарова.

ВСЕГДА МОЛОДОЙ

Вл. ПИМЕНОВ

Многие, очень многие люди хотят встретиться с Николаем Погодиным. Режиссеры — чтобы узнать, не написал ли драматург что-нибудь нового; молодые литераторы — чтобы посоветоваться о первой своей пьесе; зрители — чтобы поговорить с любимым писателем о жизни.

Большой художник всегда отвечает на волнующие, важные вопросы современности. Но лучший ответ драматурга — пьеса, спектакль.

Пьесы Погодина идут по всей стране.

Обычно с понятием старейшего писателя, одного из зачинателей революционной советской драмы, связывается представление о человеке спокойном и умудренном житейским опытом, который больше вспоминает о прошедшем, чем живо участвует в настоящем. Но творчество, жизнь, деятельность, весь облик Николая Федоровича Погодина опрокидывают эти представления.

Когда видишь драматурга, куда более темпераментного, увлеченного, чем многие молодые наши писатели, «обремененные» первым успехом, когда встречаешь его, шумного и оживленного, в толчее заседаний, на писательских собраниях, на обсуждениях репертуарных вопросов, на театральных конференциях,— думаешь о том, что молодость, истинная молодость — это в конце концов не только и не столько годы.

Молодость писателя — это его горящее сердце, его неугасающая любовь к своему делу. Молодость — это живая и тесная связь художника со своим народом.

Молодость — это радостное и пристальное внимание к начинающим литераторам, страстное желание помочь им встать на ноги, дать театру яркие, подлинно художественные произведения.

Этой молодостью души, высоким душевным волнением и обладает Николай Погодин. Никогда не остается он в стороне от живых дел и волнений современности, никогда не отказывает в творческой помощи своим младшим товарищам, никогда не устает весело и темпераментно шагать в ногу с современностью.

Талант писателя — это прежде всего сама его яркая, примечательная человеческая индивидуальность.

По одной только встрече, беседе с Погодиным можно понять и угадать личность подлинно талантливую. Когда выступает Погодин, в зале нет равнодушных, скучающих, думающих о перерыве. Острое, хлесткое слово; крепкий народный юмор; умная, тонкая ирония; наблюдательность, ненависть к пустой, красивой фразе; беспощадная, пусть жестокая иногда, но всегда полезная правда — вот что характеризует выступления, беседы, статьи и размышления Погодина.

И никто не удивляется, что вчера еще высмеивавший какое-либо ремесленное, бездарное сочинение Николай Погодин сегодня выступает со статьей доброй, товарищеской, статьей отеческой и нежной о творчестве талантливого молодого литератора.

Редактор журнала «Театр», Погодин очень любит вводить в драматургию новые молодые имена. Пусть сегодня литератор, написавший свою первую пьесу, еще не определяет судеб нашего репертуара. Но надо думать о будущем. И один из ведущих советских драматургов, Погодин, думает об этом постоянно. Любовь Погодина к одаренной, талантливой молодежи — это какое-то особое, острое и радостное чувство нового. Но любовь эта, как и все у Погодина, выражается не совсем обычно. Когда входишь в комнату, где драматург разговаривает с новичком, чья пьеса ему нравится, можно подумать, что редактор отчитывает человека за какой-то серьезный проступок. На молодого литератора обрушивается такой шквал критических замечаний, советов, неоспоримых доказательств и товарищеских подсказок, что тот забирает свою рукопись, чтобы поработать над нею еще и еще... И как часто слышишь в таких беседах язвительную, но мудрую реплику Погодина, обращенную к молодому писателю: «Ах, вы уже закончили свою пьесу?.. Нет, вы ее только начали!..»

Как-то Погодин сказал, что хочет написать статью о «сырье» на сцене. Ведь чувство высокого писательского достоинства требует, чтобы драматург отдавал в театр не черновики, не «либретто» и «сценарий» пьесы, а готовую, законченную, во всех деталях отшлифованную свою работу, действительно не нуждающуюся в поправках. «Иногда говорят,— иронизирует Погодин,—что спектакль, мол, вышел хороший, а пьеса вот слабовата! Это обман зрителя!.. Пройдет время, и он обязательно разберется в качествах этой пьесы».

Да, один из старейших наших драматургов, Николай Погодин, — молодой наш современник. И в то же время Погодин и его пьесы — живая история советского театра. Это значительные этапы на большом пути нашего нового театрального искусства.

По пьесам Погодина можно изучать не только становление высоких идейно-художественных качеств нашей драматургии, но и дела страны, труд народа.

— Я не думаю,— говорит Погодин,— что изучать жизнь — это значит обязательно куда-то уезжать и обязательно далеко. Жизнь — везде. Надо только уметь видеть ее. Видеть много и глубоко.

Придя в литературу из газеты, начав свою деятельность разъездным корреспондентом, драматург навсегда сохранил острый и вихревой ритм оперативной работы, ощущение коллектива, который напряженно ждет твоих наблюдений, писем, очерков, размышлений. Он еще больше отточил четкую, энергичную фразу, сочетающую правду факта с живой правдой художественного образа.

Связь с жизнью — это не только рассказ о событиях, уже всем известных, укрепившихся в сознании человека. Связь с жизнью — это новаторство в искусстве, это первооткрывательство тех ее пластов и тех ее героев, которые только еще становятся заметными, только еще начинают определять лицо общества, ритм времени. И поэтому, сколько бы ни прошло лет, мы всегда, желая рассказать о первых наших пьесах, посвященных героическому труду народа, строящего новый мир, будем снова и снова возвращаться к «Моему другу», «Поэме о топоре», «После бала» Погодина — пьесам, где простой человеческий труд был увиден художником и назван лирическим, прекрасным словом «поэма».

И кто бы ни брался сегодня за рассказ о скромных и героических воинах нашей армии, о ее буднях, таящих в себе грозу и смерть для врагов, обязательно вспомнит о пьесе Погодина «Падь Серебряная». Здесь с присущим драматургу глубоким проникновением во внутренний мир человека, с умением строить крепкий и увлекательный сюжет, любить и знать героя своей современности рассказано о скромных и мужественных наших бойцах.

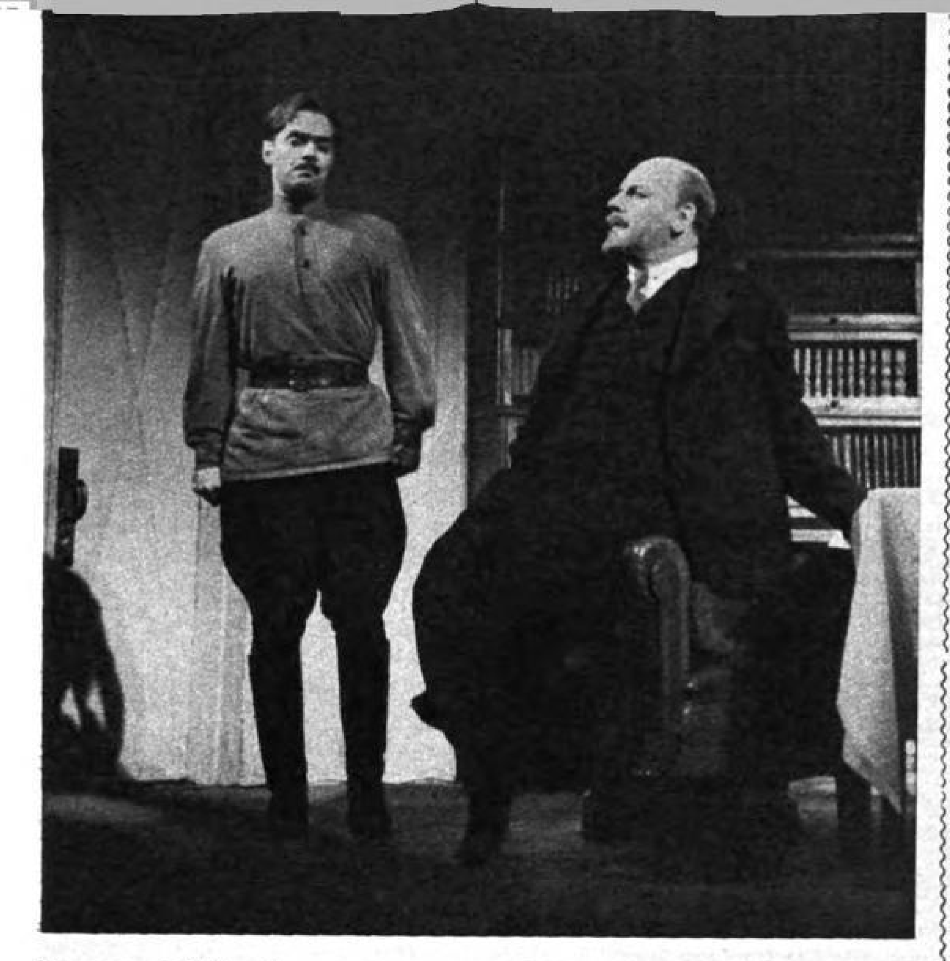
...Еще долго не уйдет из нашей литературы тема перевоспитания человека. У истоков этой темы мы найдем великолепную, умную и веселую — несмотря на сложные трагические судьбы людей, оптимистическую, потому что драматург верит в человека и в силу преображающего его коллектива,— пьесу Погодина «Аристократы».

А сегодня мы с радостью смотрим на сценах наших театров такие пьесы Погодина, как «Сонет Петрарки» и «Маленькая студентка». Как и всегда у этого писателя, они не только фиксируют современность, но и поднимают большие, важные проблемы новой, коммунистической морали.

Именно поэтому пьесы Погодина — вехи в истории театра. Именно поэтому с постановками его пьес связаны славные победы таких наших режиссеров, как А. Попов, Н. Охлопков, Р. Симонов, таких актеров, как Д. Орлов, М. Бабанова, М. Астангов, и многих, многих других. Пьесы эти несли в себе и новое содержание и новые формы сценической выразительности и живой, особый ритм современности. И не случайно перу Н. Погодина принадлежит великолепная трилогия о гениальном вожде революции Владимире Ильиче Ленине — пьесы «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты» и «Третья патетическая».

М. И. Бабанова в «Поэме о топоре».

Спектакль МХАТа «Третья патетическая». В роли Ленина артист Б. Смирнов. Дятлов — артист Ю. Пузырев.
Фото А. Гладштейна.

Создавая свою трилогию в течение долгих и напряженных лет, Погодин выполнял не только задачу художественную, задачу эстетическую, но в первую очередь задачу гражданскую, общественную. Писать о Ленине, раскрывая духовный его облик в разные этапы жизни страны, мог писатель, который с равной силой владеет и мастерством подлинного литератора и темпераментом истинного гражданина.

Трилогия Погодина — украшение советской драматургии, советской сцены. Велика воспитательная ценность этих пьес, потому что, рассказывая о Ленине, художник рассказывает о бессмертном народном подвиге, о величии революционных идей, о могучем единстве нашей партии.

«Мой друг». В роли Гая М. Астангов.
Фото Б. Фабисовича.

Образ Ленина в погодинских пьесах не статичен. Ленин из «Человека с ружьем», Ленин из «Кремлевских курантов» и Ленин из «Третьей патетической» — это человек единых устремлений, единой цели и единых действий, но в то же время это — средоточие дел и мыслей революционного народа.

И если в «Человеке с ружьем» мы знакомимся с Лениным — гениальным стратегом октябрьских событий, если в «Кремлевских курантах» мы видим Ленина у кормила молодого Советского государства, налаживающего разрушенное хозяйство народной республики, то в «Третьей патетической» мы присутствуем при огромной революционной работе вождя, воспитывающего людей нового мира.

Характер Ленина в новой пьесе Погодина раскрыт многогранно, в самых разных проявлениях. Но во всех этих гранях мы видим единую ленинскую мысль, единую ленинскую цель: борьбу за окончательную победу революции, за упрочение самой гуманной и самой народной власти — власти советской.

Немало отличных актерских и режиссерских работ вызвано к жизни этими пьесами Погодина. И сегодня мы с огромным душевным волнением, с огромной радостью снова встречаемся в спектакле Московского Художественного театра «Третья патетическая» с Лениным в отличном исполнении Бориса Смирнова.

Ленин — такой, каким написал его Погодин, такой, каким увидел и сыграл его Смирнов,— это живой и вечный наш современник, наше знамя и наша сила!

...Николай Погодин работает много и упорно. Он работает без устали.

Снова и снова склоняется он над своим письменным столом, над стопками чистых и уже исписанных листов, чтобы рассказать миру о величии эпохи строительства коммунизма.

Жизнь ИСКУССТВА

Главная тема вологодских художников

Когда доменная печь в Череповце выдала стране первый металл, вологодский художник Борис Павлович Шварков посвятил этому событию свое первое полотно. Затем он написал картину «Плавка чугуна на Череповецком металлургическом заводе».

Год спустя появилась еще одна картина — «Первенец Севера». На этом полотне художник изобразил панораму растущего завода. Эта картина демонстрировалась в 1957 году на Всероссийской художественной выставке.

Идут годы. Растет индустриальный Череповец. О нем пишут свои картины художники М. Ларькин, В. Корбаков.

«Молодежь на стройке завода» — новая живописная серия Б. Шваркова. Картина «Молодые монтажники-высотники» еще не закончена, но уже сейчас подкупает новизной сюжета, интересным выбором темы.

Делясь планами на будущее, Шварков говорит:

— Нам, художникам, хочется общими усилиями запечатлеть в живописи историю Череповецкого металлургического завода. Начало уже есть!

Вологда.

Н. ВОЛКОВ

Художник Б. Шварков у своей картины «Молодые монтажники-высотники».
Фото П. Сотникова.

«Мельница на Синих Вирах»

Синие Виры — это значит Синие Омуты. В лесной белорусской глухомани уцелела мельница с таким поэтическим названием... В годы войны мельница снабжала хлебом окрестных партизан.

О партизанской борьбе, о чудесных людях, боровшихся с врагами, рассказала Минская телестудия, создав оригинальную драматическую постановку — «Мельница на Синих Вирах».

Чудесный образ простой белорусской женщины Теклы Коваль создает актриса Г. Макарова. Живет ее Текля на отшибе, в лесу. Слывет «знахаркой», потому что ведома ей целительная сила трав. Но знает Текля и «злые» травы: своим ядом они помогают прикончить немецких офицеров-карателей.

Гибнет Текля, гибнут юные Андрей и Мария, но тяжкие потери умножают силы живых — непокоренных народных мстителей, партизан...

Режиссер-постановщик В. Карпилов создал удачный телевизионный спектакль по пьесе белорусского писателя Вл. Коротневича.

— Каратели приближаются! — предупреждает Текля Коваль (артистка Г. Макарова) мельника Осинского (артист А. Лихач).
Фото Г. Ткаченко.

Минск.

К. СТРЕПЕТОВА

Опера о крестьянском восстании

В 1934 году М. В. Коваль прочитал поэму В. Каменского «Емельян Пугачев». Поэма взволновала композитора, и он решил пересказать ее языком музыки. Написал несколько отрывков. В 1939 году на декаде советской музыки москвичи услышали в концертных залах столицы ораторию «Емельян Пугачев». Удачное воплощение замысла побудило композитора создать оперу.

В 1940 году М. Коваль приехал на Урал, в село Троица, под Пермью, — в гости к поэту В. Каменскому. Творческое содружество принесло свои плоды: за лето композитор сделал первый клавир оперы.

Война задержала постановку «Емельяна Пугачева» в Москве. Впервые оперу показал в 1942 году Ленинградский академический театр оперы и балета имени Кирова. Опера шла в Перми, куда эвакуировался этот коллектив. Спектакль имел успех. Композитор М. Коваль, постановщик спектакля Л. Баратов, дирижер А. Пазовский, художник Ф. Федоровский в 1943 году удостоены звания лауреатов Сталинской премии.

Шли годы. М. Коваль решил рассказать о Пугачеве шире, как о вожде крестьянского (а не только казацкого) восстания.

Переделка оперы заняла не меньше времени, чем сочинение первой ее редакции...

Новая постановка оперы «Емельян Пугачев» на сцене Московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко — радостное театральное событие.

Л. КУРБАТОВА

Артист Э. Булавин в роли Пугачева.

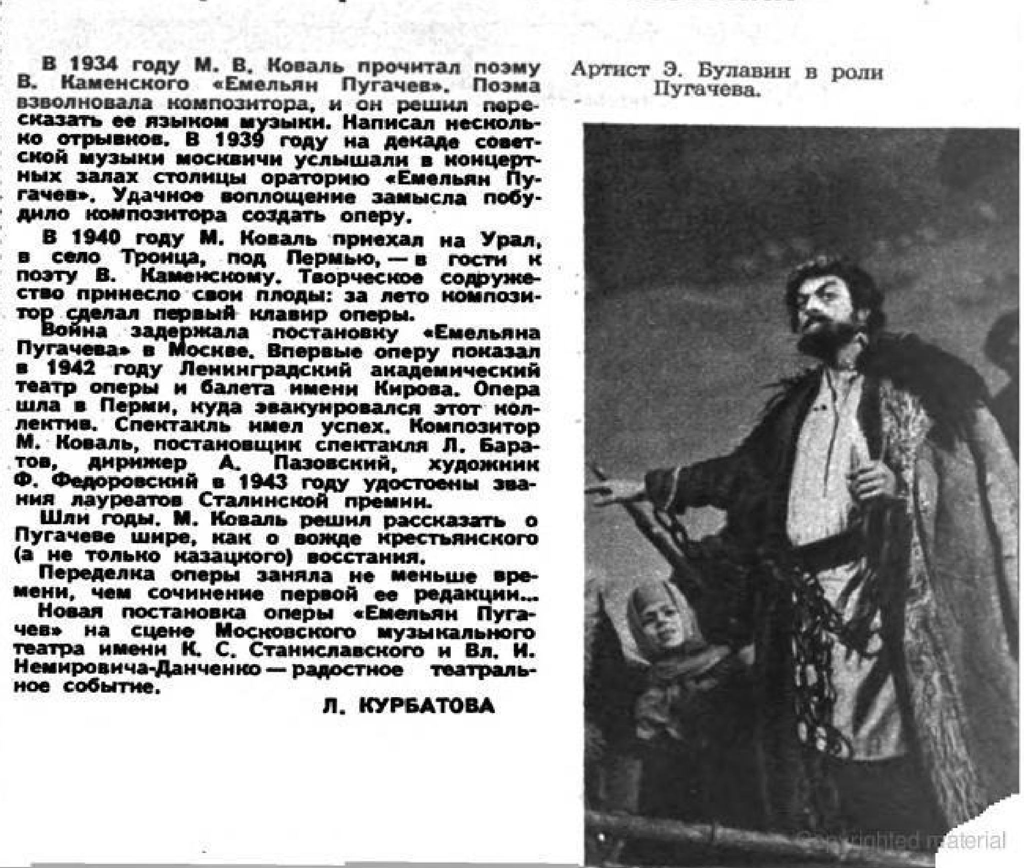

Фото А. ГОСТЕВА.

Вот она, новая Волга, Волга электрическая!

Прегражденная высокими плотинами, великая русская река разлилась новыми искусственными морями и, бурными потоками устремляясь в турбины, рождает электрический ток. Животворной кровью пульсирует энергия Волги по проводам высоковольтных сетей, питая фабрики, заводы, шахты, освещая города и колхозные села.

О счастливом будущем Родины мечтал юный Владимир Ульянов, любуясь весенним разливом с крутого Симбирского Венца. Преображенная Волга представала мысленному взору Ильича, когда создавался знаменитый план ГОЭЛРО и в разоренной войнами и разрухой России рождался бессмертный лозунг: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Сегодня в облике гигантов советской энергетики вырисовываются зримые черты

Волга электрическая

счастливого коммунистического завтра.

Совсем недавно вслед за плотиной у Жигулей великую реку перекрыла новая плотина — под стенами города-героя. Строители Сталинградской ГЭС сдержали свое слово: в подарок XXI съезду КПСС они смонтировали и пустили в эксплуатацию третий агрегат. В последние дни марта, накануне восьмидесятидевятилетия со дня рождения Владимира Ильича, заработал четвертый агрегат этой станции. Еще восемь агрегатов будут пущены в первом году семилетия. Так отчитываются строители коммунизма перед бессмертной памятью Ленина.

Все шире и шире разливается Сталинградское море, и с накоплением воды в его огромной чаше день ото дня возрастает выработка электроэнергии Сталинградской ГЭС.

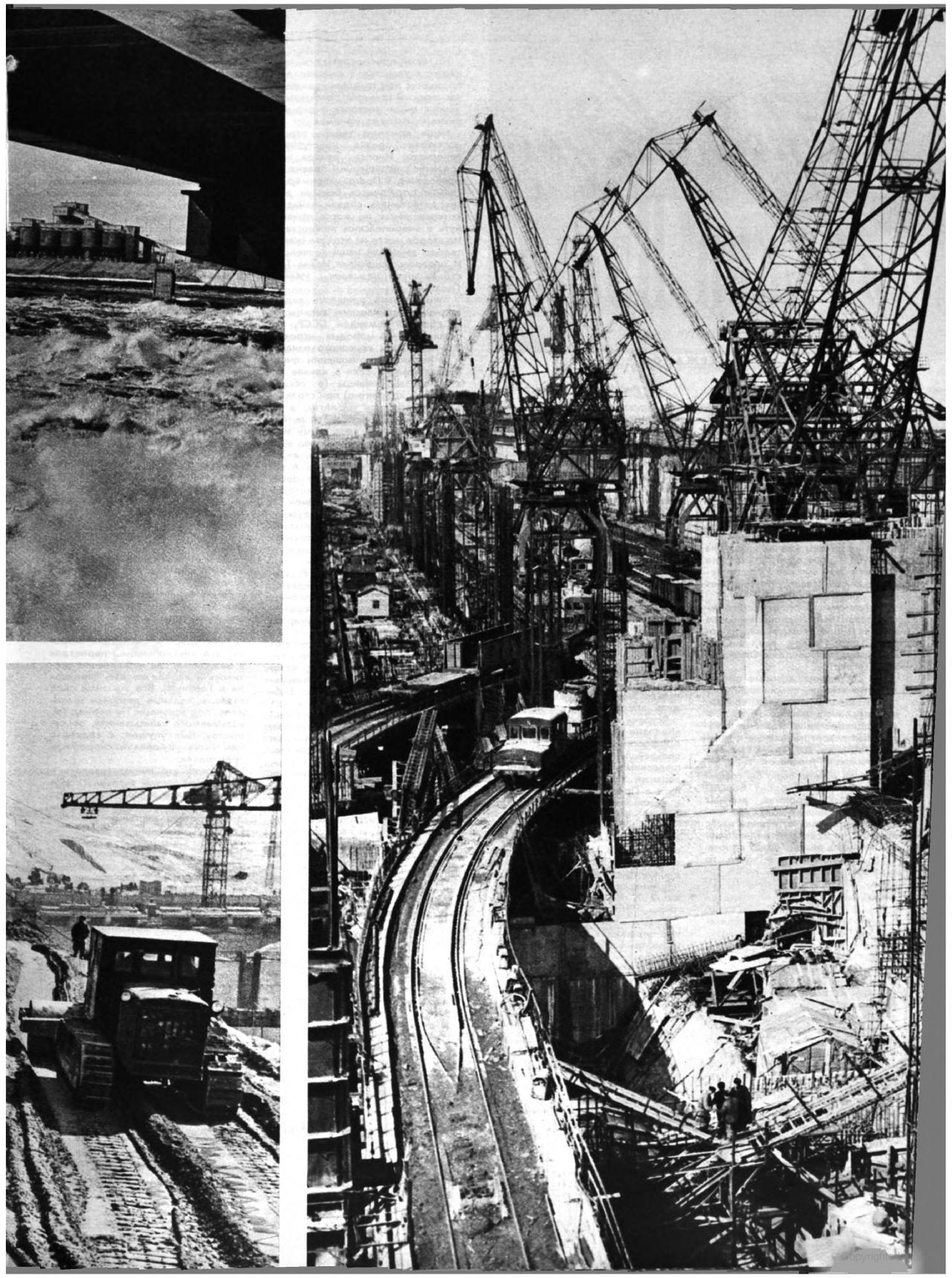
Встречая первую весну семилетки, строители завершают работы по сооружению шлюзов и оборудованию судоходного канала. Множество караванов, идущих от Каспия к верховьям Волги и обратно, двинутся мимо Сталинграда этим новым, удобным водным путем.

Поднимаются ввысь белокаменные стены здания ГЭС. Строится постоянная переправа через Волгу по новой плотине.

В разгаре великая стройка под стенами великого города.

На снимках: строительство Сталинградской ГЭС.

Дороги ведут в Скво Вэлли

Заметки спортивного обозревателя

М. МЕРЖАНОВ

Рисунки Б. Жутовского.

На юге уже играют в футбол, состязаются легкоатлеты, тренируются теннисисты. Спортсмены принимают эстафету от зимнего сезона и понесут ее по зеленым площадкам, паркам, рекам...

Всегда в такие моменты хочется обернуться назад и хоть мельком глянуть на пройденный зимний этап, на его радости и горечи.

В последние годы, когда советские спортсмены прочно вышли на международную арену и успешно борются за мировые достижения, каждый сезон приобретает свою направленность.

В этом смысле прошедший зимний сезон был подготовительным к состязаниям в американских горах Сьерра-Невада, где, в Скво Вэлли, будут проведены Олимпийские игры.

Все состязания, которые проходили по хоккею, скоростному бегу на коньках, лыжным гонкам, слалому или прыжкам с трамплина, одновременно рассматривались как подготовительные к главным встречам, на самом высшем, олимпийском уровне.

Но если можно было бы графически изобразить фронт борьбы на ледяных дорожках, лыжных трассах, хоккейных полях, то стало бы видно, как оттеснили нас с позиций, которые еще недавно занимали мы в зимних видах спорта.

Если говорить более точно, то нужно отметить, что мы почти повсюду уступили первые места.

Конечно, в спорте никогда нельзя предсказать победу: всяко бывает. Но на сей раз мы сдавали позиции не по вине «его величества случая», который порою меняет картину борьбы, а в результате соотношения сил.

Если внимательно присмотреться к событиям прошедшей зимы, то можно заметить одну общую особенность: уход прославленных лидеров и приход на их место новых, молодых, еще неопытных спортсменов — процесс естественный, как известно, болезненный, чреватый потерями, особенно чувствительными в сфере технического мастерства.

В хоккее это видно в игре у борта и у ворот, в коньках — в беге на поворотах, а в лыжах — в спусках под уклон...

И молодые люди, которые взялись за гуж большого спорта, должны быть дюжими, чтобы совершенствовать свою технику, подобно тому, как шлифовальщик обтесывает камень, округляет и полирует его. Первые признаки этого процесса мы уже видели в хоккее, в скоростном беге на коньках, в ходьбе на лыжах, и они дают уверенность в быстром преодолении болезненного переходного периода.

Поражение при равенстве!

Еще до начала мирового чемпионата по хоккею с шайбой наша сборная команда довольно планомерно обстреливалась и подвергалась тяжелому испытанию в трудных матчах. Старший тренер А. Тарасов делал это сознательно, ибо не искал легких побед, способных вскружить голову только людям, не умеющим глядеть вперед.

Встречи с канадской командой «Келовна Пеккерс», с английскими профессиональными клубами, с сильнейшими американскими, шведскими и, наконец, чехословацкими хоккеистами лежали на пути в Прагу и были подготовкой к чемпионату мира, по принципу «тяжело в учении — легко в бою».

Принцип этот полностью себя оправдал. Правда, в бою оказалось нелегко, но все же наша команда в Праге с честью выдержала испытания во всех соревнованиях, если не считать матча с Канадой, проигранного психологически.

Следует напомнить, что в атакующих линиях нашей команды не было ни Боброва, ни Бабича, ни Шувалова и что их место порою занимали игроки, которые впервые выступали в подобных ответственных соревнованиях. «Смена лидеров» чувствовалась больше всего в атаках и особенно в решающем матче с Канадой.

И все же сборная команда СССР набрала столько же очков, сколько канадцы,— восемь. Лишь простое арифметическое действие — вычитание— показало, что наши спортсмены забросили на одну шайбу меньше, а пропустили на три шайбы больше, чем канадцы. Это и дало заокеанским хоккеистам право на золотые медали и звание чемпионов мира.

Так в цифрах было выражено наше отступление на второе место.

Но если присмотреться к игре наших хоккеистов в течение двух последних лет, то можно заметить, как многие тренеры пребывали в непрестанном восторге перед «величием» силовых приемов.

Наши команды теперь играют достаточно резко, неуступчиво, напористо. Иногда, правда, это граничит с нарушением правил соревнования. В Праге, например, на скамье штрафников больше других, естественно, сидели канадцы, которые никак не могли привыкнуть к «европейским нежностям». Но второе место на этой же скамье твердо занимали наши хоккеисты. И недаром защитника Ивана Трегубова шутя называли... Иваном Грозным.

Мне недавно пришлось видеть встречу американских хоккеистов со сборной командой СССР, составленной из молодых игроков. Это был матч «высокого накала» и в некотором отношении очень показательный. Если в начале состязания американцы (в общем игравшие корректно) при столкновении оставались на ногах, в то время как наши хоккеисты летели от них в сторону, то к концу матча я видел, как летели на лед американцы. Этому обучиться, видимо, было не так уж трудно. А вот никто не смог так быстро перенять технические приемы, которыми блеснули братья Клири и Джонсон. Это, видимо, труднее.

Может быть, именно поэтому следовало бы тренерам подумать о техническом совершенстве своих игроков.

Хоккей с шайбой у нас культивируется сравнительно недавно: только в послевоенный период. Между тем, помнится, мы сразу и успешно вышли на международную арену. Почему?

Мне кажется, потому, что этот вид спорта родился у нас на базе массового русского хоккея, который был отличной подготовительной школой. Вспомним, что Бобров, Бабич, Шувалов, как и все другие хоккеисты, пришли с больших полей на маленькое, сменили короткие клюшки на длинные и мяч на шайбу. Они уже умели владеть клюшкой, бороться за мяч, маневрировать, умели тактически мыслить и были физически сильны. Уменьшенные размеры поля, длинные клюшки, скользящая шайба придали игре значительную скорость, а это, в свою очередь, определило новые приемы и более сложные тактические схемы.

Сейчас же многие молодые спортсмены приходят непосредственно в команды, играющие с шайбой, не получив «среднего хоккейного образования» на большом поле с мячом. Курс «технического минимума» оказался очень коротким.

Между тем русский хоккей пользуется популярностью не только в европейской части нашей страны, но и на Урале, а особенно в Сибири и на Дальнем Востоке.

Эта школа, в которой обучаются десятки тысяч юношей, может быть использована пока как подготовительная ступень к более высокой и трудной форме хоккея — хоккея с шайбой.

Может быть, тогда у нас вновь появятся Бобровы, которые сумеют не только устоять на ногах при столкновении и «постоять за себя» в момент силовой схватки, но и показать высокий класс владения клюшкой и виртуозное обращение с шайбой?

Гетеборг, Осло, Алма-Ата...

Нет надобности вспоминать о победах Н. Струнникова, Н. Седова и братьев Ипполитовых. Обратимся к ближней истории. Она напомнит о Борисе Шилкове и Олеге Гончаренко, которые господствовали в течение нескольких лет на международных ледяных дорожках. В таблице мировых рекордов появились русские фамилии: Е. Гришин, Б. Шилков, Д. Сакуненко. Розыгрыш европейского и мирового чемпионатов в последние годы попросту потерял бы смысл без советских скороходов.

Но в нынешнем сезоне мы сдали свои позиции. Как это произошло?

Подготовка сильнейших конькобежцев началась загодя в Иркутске. Но погоды не было: небо слезилось, и лед на катке таял. Как только ударили сибирские морозы, все конькобежцы... переехали в Челябинск, где небо так же слезилось и лед так же таял. Переехали в Горький... Все же зима свое взяла, и ледяные дорожки зазвенели под коньками. Но период так называемого «вкатывания», по существу, был упущен, а вместе с ним была упущена и скоростная тренировка.

Впервые это почувствовалось в дни товарищеской встречи скороходов Москвы и Норвегии, когда с поразительной педантичностью две короткие дистанции выиграл Геннадий Воронин, а две длинные — Т. Сейерстен.

Радуясь победе молодого Воронина и общему командному успеху москвичей, мы все же покидали стадион «Динамо» с беспокойством в душе: тревожил не очень уверенный бег явно не под-

Мороз: «Куда они от меня бегут?..»

готовленных к состязаниям О. Гончаренко и В. Шилыковского.

Помнится, тренер норвежской команды Эйнар Бьерклунд успокаивал нас. Он сказал:

— На чемпионате Европы, помоему, повторится обычная картина: Гончаренко, Юханнесен и Шилыковский будут протягивать руки за лавровым венком...

Оптимизм норвежского тренера в отношении наших скороходов не оправдался. В Гетеборге, в дни чемпионата Европы, советские спортсмены не выиграли ни одной из четырех дистанций. К лавровому венку потянулись руки финнов — Юхани Ярвинена и Тойво Салонена. Правда, на сей раз венок достался все же норвежцу Кнуту Юханнесену, но финны заявили о себе так громко, решительно и сенсационно, что поставили в тупик и газетных обозревателей и самых авторитетных знатоков конькобежного спорта.

Спустя две недели в Осло, на стадионе «Бишлет», лавровый венок чемпиона мира был надет на плечи Юхани Ярвинена.

Его прозвали «межконтинентальной ракетой, которая долетит до Скво Вэлли». О. Гончаренко, В. Шилыковский — надежда нашей команды — выступили неудачно, и только Роберт Меркулов занял третье место.

Итоги наших международных выступлений, как видим, более чем скромные. Интересно, что в эти же дни в Челябинске на зональных состязаниях зимних студенческих игр Вадим Васнецов пробежал пятисотметровую дистанцию с отличными секундами — 42,3. Такого итога не показывали ни в Москве, ни в Гетеборге и ни в Осло. Омский студент Николей Штельбаумс великолепно пробежал 5 тысяч метров — за 8 минут 03,3 секунды. Никто в мире никогда на равнинных катках подобных результатов не достигал. Он же на следующий день отличился на «марафонской дистанции» — 10 тысяч метров. Секундомеры показали 16 минут 31,4 секунды. Это превышает мировой рекорд Ялмара Андерсена, установленный семь лет назад.

Лавровый венок унес Ю. Ярвинен.

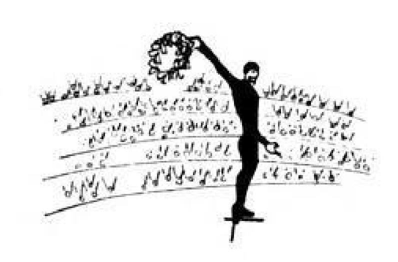
Вот и получилось: в Гетеборге и Осло — поражение, а в Челябинске — недюжинный успех. Снова встал вопрос о «смене лидеров».

Но, может быть, успех молодых скороходов случаен? Нет.

В Вологде в дни Всесоюзного чемпионата мне удалось видеть и спринтера Васнецова и стайера Штельбаумса. Оба они подтвердили свои возможности, а Штельбаумс, несмотря на порывистый ветер и метель, хорошо прошел «марафонскую дистанцию» и завоевал золотую медаль чемпиона СССР.

Видимо, не случайно он блеснул в Челябинске рекордными минутами. Внешне бег Штельбаумса очень напоминает бег К. Юханнесена: тот же размашистый шаг, та же посадка, такая же работа рук. Но у норвежца чувствуется лучшая техника скольжения на поворотах: он короткими шажками пробегает вираж у самой снежной бровки, в то время как Штельбаумс проходит поворот крупными шагами, значительно отклоняясь от бровки и теряя при этом драгоценные метры, а значит, и секунды.

Кстати, в Вологде, где проходили состязания Всесоюзной зимней спартакиады профсоюзов, можно было увидеть больше ста молодых скороходов — представителей институтов, заводов, спортивных обществ. Все они грешили по части техники бега на коньках и «выезжали» за счет отличных физических данных.

Невольно подумалось о высокогорном катке Медео, близ Алма-Аты. Лед этого катка не уступает льду Давоса (Швейцария), Мизурино (Италия) и других высокогорных катков.

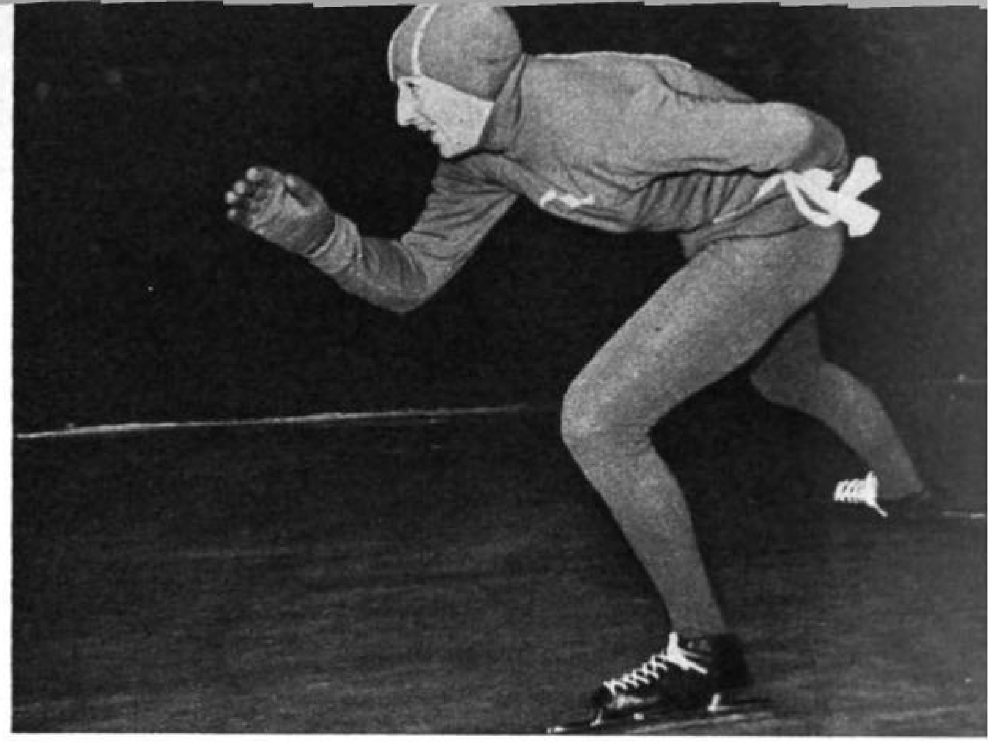
В свое время Алма-Ата обладала некоей притягательной силой для всех советских скороходов. Высокогорный каток с легкой руки журналистов прозвали «фабрикой рекордов». Это соответствовало действительности. Все рекорды мира для женщин и несколько рекордов для мужчин были установлены в Медео. Но, сняв «урожаи рекордов», наши спортсмены постепенно остыли к горному катку и перешли на равнинные дорожки. Это был просчет, ибо каток близ Алма-Аты являл собою не столько «фабрику рекордов», сколько лабораторию, где сравнительно легко оттачивалась и шлифовалась техника и приобреталась скорость бега на коньках. Этим определялся прогресс.

Не случайно же молодые китайские спортсмены Ян Цзюй-чен и Ван Цинь-юй, которые прошли предварительную подготовку в Алма-Ате, отлично выступили на стадионе «Бишлет».

Кажется, что нужно изменить отношение к высокогорному катку и сделать его обязательным компонентом подготовки наших скороходов. Это тем более важно, что в будущем году придется выступать на Олимпийских играх в Скво Вэлли, каток которого расположен выше алма-атинского.

Не принесли нам радости и лыжники. Если в начале сезона на Уктусских горах в международных состязаниях мы имели некоторый успех, да и тот главным образом за счет единоборства П. Колчина с В. Хакулиненом, то в последующих выступлениях наши лыжники не могли противоборствовать сильным спортсменам Финляндии и Норвегии.

На традиционных гонках в Лахти полностью господствовали финны, несмотря на то, чтс лучшие из них в это же время выступали в Скво Вэлли и в Саппоро (Япония).

Омский студент Николай Штельбаумс.

Фото В. Кутырева.

Один из сильнейших наших лыжников, Анатолий Шелюхин, проиграл гонку молодым финским спортсменам.

На Холменколленских состязаниях в Норвегии советский спортсмен В. Мариныч оказался далеко от первых мест.

Последние состязания на первенство Советского Союза показали, что на пути к высоким результатам находятся Н. Аникин, Н. Галиев, С. Кондаков. Это способные спортсмены, которые, однако, не достигли еще умения одинаково хорошо идти на подъеме, на равнине и на спуске.

И здесь встал вопрос о смене.

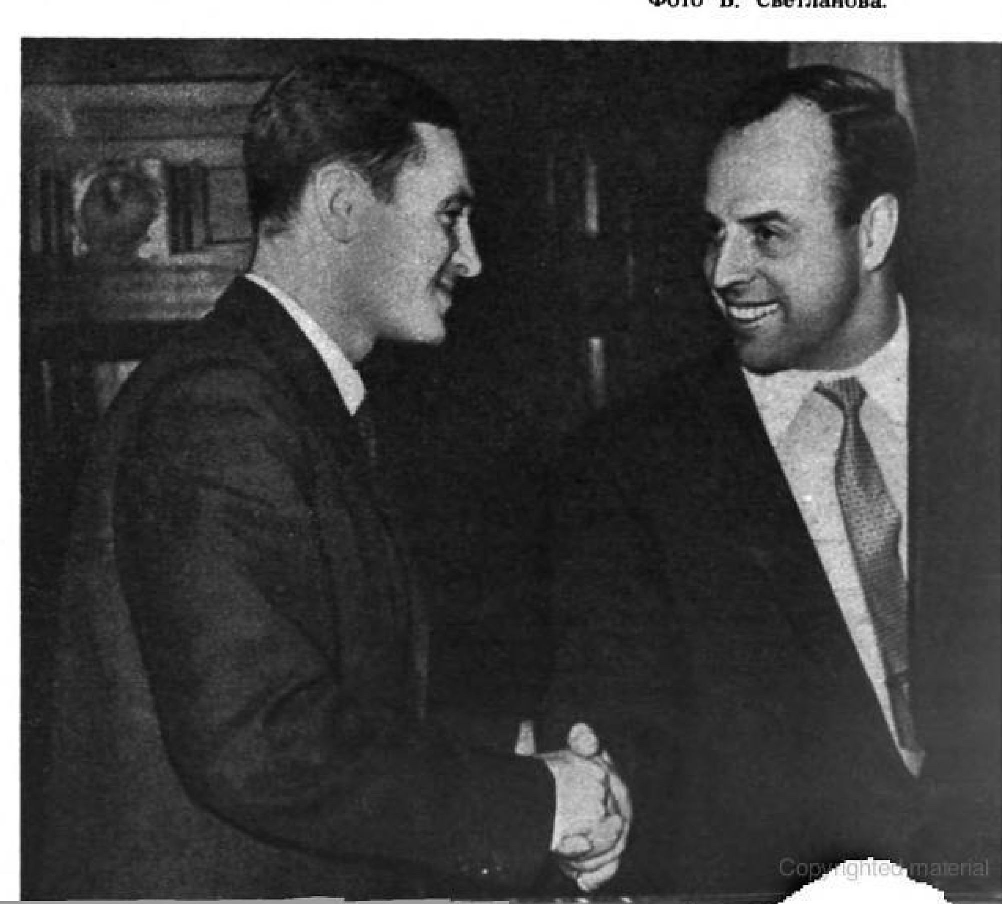
Застоялся на пьедестале почета.

* * *

Итак, минувший сезон показал, что мы несколько отошли от рубежей, занятых в прошлые годы. Мы уступили в технике игры в хоккей, в беге на коньках и в ходьбе на лыжах. Международные состязания напомнили о необходимости обновлять первые ряды спортивной армии. Это процесс неизбежный. Искусственная задержка его мстит поражением. А в задержке нет никакой надобности: внимательный, хозяйский глаз всегда увидит большое число молодых спортсменов, готовых выйти в первые ряды и защищать спортивную честь своей страны на Олимпийских играх в Скво Вэлли.

После розыгрыша первенства мира по хоккею с шайбой лучшим вратарем был признан Николай Пучков (СССР), а лучшим защитником — Ж. Ламиранд (Канада). На снимке: Н. Пучков (слева) и Ж. Ламиранд.

Фото Б. Светланова.

НА ГОРЕ

Космические лучи, открытые около 50 лет назад, сразу же привлекли внимание физиков своими необычайными свойствами, резко отличающими их от таких известных видов излучения, как видимый свет, рентгеновские лучи или излучения радиоактивных элементов. Теперь мы знаем, что космические лучи, приходящие к нам из мирового пространства, представляют собой поток положительно заряженных частиц, обладающих огромными энергиями — в миллиарды, сотни и тысячи миллиардов электронвольт. Не так давно было установлено, что большинство из них является ядрами легчайшего атома водорода, а также ядрами гелия и других сравнительно легких элементов периодической системы.

Главная задача расположенной в Армении космической арагацской станции — изучение состава космического излучения. Применяя методику, с помощью которой удавалось буквально взвешивать каждую отдельную частицу, арагацские исследователи прежде всего обнаружили интенсивный поток протонов (ядер атомов водорода).

На Арагаце были получены первые данные о возникновении — при ядерных столкновениях космических частиц — мезонов (частиц легче протонов, но тяжелее электронов). Исследования на горе Арагац во многом помогли установить существование тяжелого мезона, в тысячу раз превышающего по весу электрон,—он теперь называется К-мезоном.

Совместными усилиями ученых многих стран, производивших исследования космических лучей, было открыто целое семейство новых элементарных частиц — мезонов и гиперонов. Почти все, что удалось узнать за последние десять лет об элементарных частицах, было добыто в космических лучах.

Свойства частиц ультравысоких энергий все еще остаются неизвестными и могут быть пока изучены только в космических лучах. В ближайшие годы исследования на Арагаце будут связаны с изучением свойств частиц гигантских энергий, достигающих сотен и тысяч миллиардов электронвольт.

А. И. АЛИХАНЯН,
директор Института физики Академии наук Армянской ССР

К вершине Арагаца на буксире за трактором. Армен Хримян не только ученый, но и отличный лыжник-слаломист.

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. ВИКТОРОВ

— Нам хотелось бы побывать на Арагаце,— сказали мы директору Института физики Академии наук Армянской ССР Артемию Исааковичу Алиханяну.

— Ну что же, это хорошая идея, но туда надо еще и попасть,— улыбнулся он.

...Мы вспомнили эту мельком оброненную фразу через несколько дней, когда, покинув на высоте двух тысяч метров перевалочную базу космической станции, поднимались по бесконечному склону в кабине трактора — это был тяжелый «Кировец» с прицепом, загруженным бетонными плитами.

Там, наверху, вот уже семнадцать лет — столько, сколько существует самая станция, — идет стройка. О ней напоминали ажурные мачты линии высокого напряжения, дружно поднимавшиеся вместе с нами на вершину. Как удалось вбить в каменную грудь Арагаца 250 металлических мачт, трудно было представить, и удивление наше росло с каждым метром высоты. А когда слева от нас появились и скрылись стены древнего замка, стало трудно и дышать: все больше сказывалась высота. Однако начальник космической станции доктор С. А. Авакян и заведующий лабораторией большого магнита А. Л. Хримян, двигавшиеся на лыжах на буксире за трактором, попрежнему уверенно манипулировали длинным тросом, то выбирая его, то, наоборот, вытравливая на полную длину.

Нам предстояло подняться наверх по прямой всего лишь на 1 250 метров, но тракторам требовалось на это три часа: машины должны были пройти двадцать километров по серпантинной дороге, скрытой под глубоким слоем свежего снега. В этом снегу совсем тонули аварийные будки, и в одной из них несколько дней назад двое суток отсиживался захваченный снежным ураганом начальник станции Самвел Авакян.

И все же, несмотря на все трудности, жизнь дороги очень обыденна, каждый день здесь вверх и вниз проходят тракторы, поднимаются и спускаются сотрудники Института физики, строители, они возводят сейчас на высоте 3 250 метров большое комфортабельное здание гостиницы.

И вот наконец мы добрались до космической станции.

Здесь, на высоте, сияло солнце, хотя и царствовала еще настоящая зима, и в сугробах торчали слаломные лыжи, и жители космической станции ходили в штурмовых костюмах.

Мы в отлично оборудованном высокогорном поселке. В каменных домах живут ученые, пользующиеся всеми благами городского комфорта. Когда наступил вечер и в окнах вспыхнули электрические огни, этот поселок, затерянный в безлюдных горах, показался нам особенно уютным и благоустроенным. И, пожалуй, единственное, что напоминало о высоте,— это недостаток кислорода. У нас, новичков, учащенно бьется сердце и после нескольких резких движений на плечи наваливается необычная усталость.

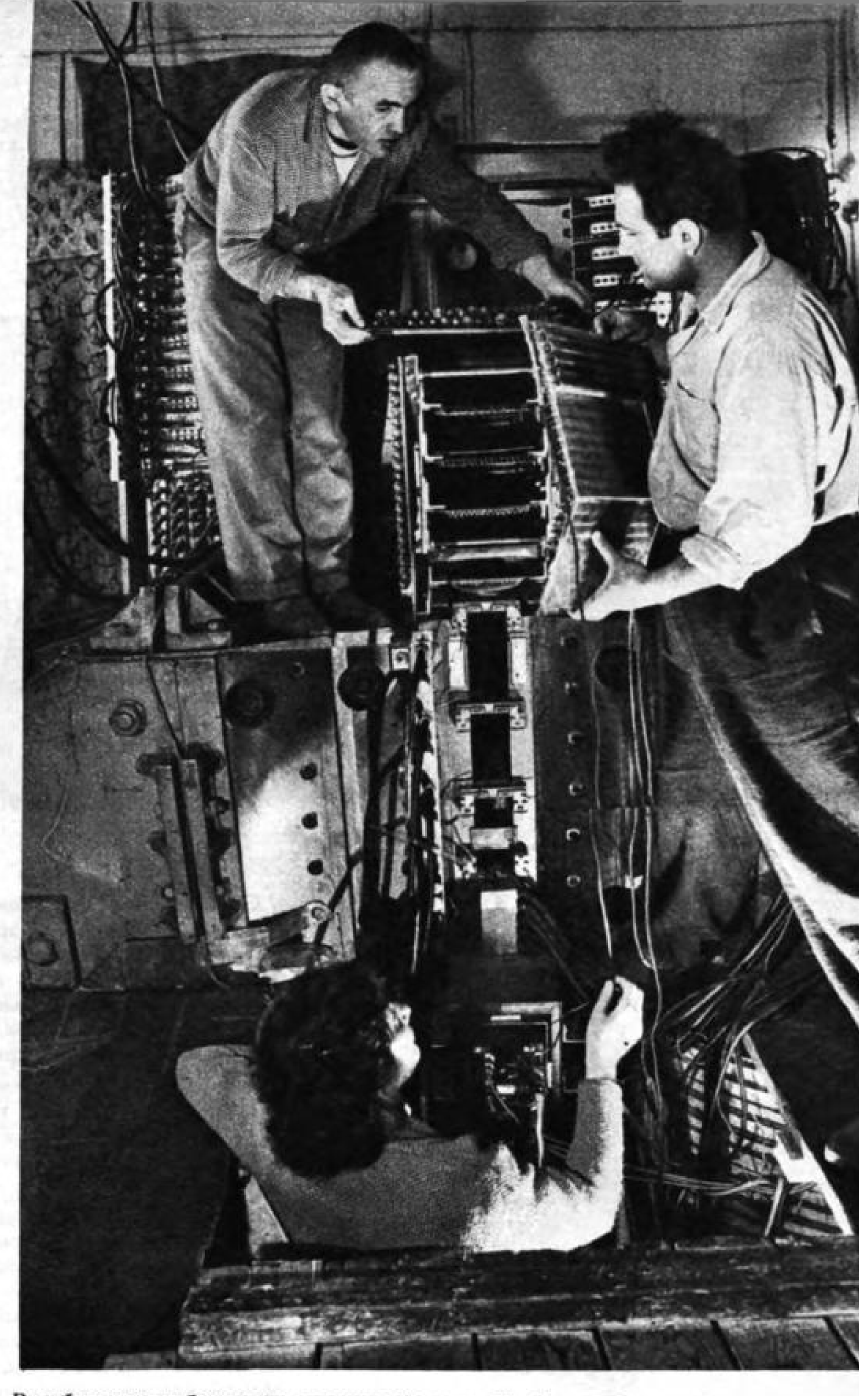
И, тем не менее, здесь можно встретить не только молодежь. Семнадцать лет, со дня основания станции, работает тут радист Дмитрий Трофимович Шкарлет — человек уже в возрасте. Кочегару станции Хорену Хачатуряну 58 лет, а кладовщик Грант Авакян на четыре года старше его. Но большая часть населения Арагаца — конечно, молодежь, которая отлично чувствует себя в горах. Ученые используют каждую свободную минуту для того, чтобы походить на лыжах, поработать на расчистке снега.

Всем памятны здесь жаркие состязания слаломистов на звание чемпиона Арагаца. Местный чемпион поднимался вместе с нами на вершину. Это был кандидат наук заведующий лабораторией большого магнита Армен Хримян — здешний старожил. Еще студентом Ереванского университета он начал работать на станции, которая вся тогда помещалась в небольшом одноэтажном домике. Здесь он писал свою дипломную работу, здесь под руководством своего учителя, члена-корреспондента Академии наук СССР Артемия Исааковича Алиханяна, собирал материал для диссертации. Сейчас молодой ученый заведует одной из главных лабораторий, где исследуются элементарные частицы космических лучей. Большой магнит действует непрерывно. За последние 1 500 часов зафиксировано на фотопленке 20 тысяч снимков, и в Ереване 25 человек заняты расшифровкой полученных данных.

...Поздним вечером мы беседовали с людьми большого магнита: сотрудником станции Назаретом Налбандяном и старшим техником Возгеном Трузяном. Они рассказывали нам о своей работе, о сложнейшей радио- и электротехнической аппаратуре и системе чувствительных счетчиков, с помощью которых они имеют возможность изучать частицы больших энергий. Их еще нельзя получать на сверхмощных ускорителях, их пока еще поставляет ученым только космос. Сейчас на станции готовится к вводу в строй мощный электромагнит, который сократит время наблюдений в десять раз. Для него построен специальный зал.

И днем и ночью трудится Арагац: в его лабораториях накапливается ценнейший материал для ученых-физиков.

В лаборатории большого магнита Назарет Налбандян (справа), старший техник Возген Трузян и научная сотрудница Института физики Виктория Карапетян.

Когда наступает вечер, в окнах космической станции вспыхивают огни.

У ИСТОКОВ ГОЛУБОГО НИЛА

Фото Министерства информации Эфиопии.

И. БЕЛЯЕВ

Самолет уже подруливал к небольшому зданию аэропорта в Аддис-Абебе, а стрелка альтиметра на доске приборов продолжала показывать 2,5 тысячи метров — это была высота, на которой лежит столица Эфиопии.

Мы прилетели в самый канун нового, 1959 года. Но в Эфиопии был 1951 год. Дело в том, что здесь действует собственный календарь.

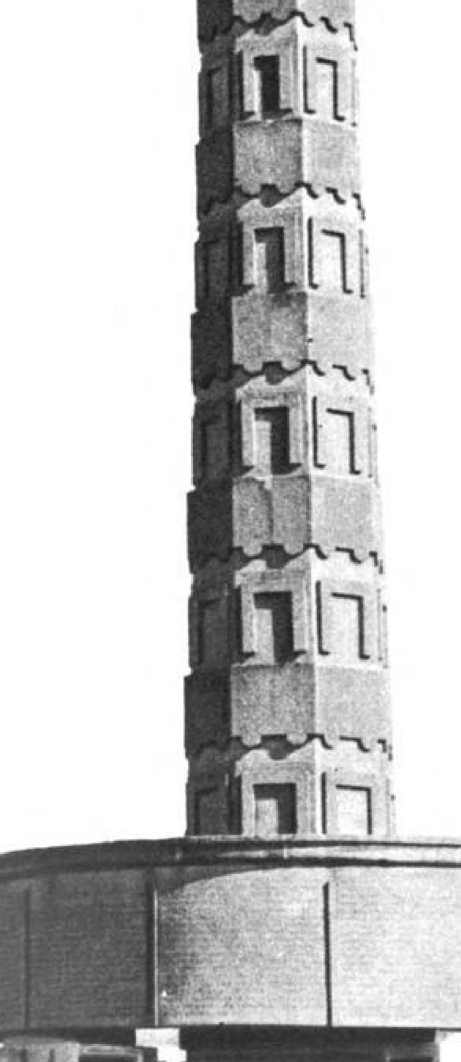
Наши эфиопские друзья объяснили нам, что в их стране год четко делится на два сезона: сухой и теплый (октябрь — февраль); дождливый и холодный (март — сентябрь). Выпадают еще так называемые «малые дожди», но они общей картины не меняют.

Если Египет — дар Нила, то сам Нил в известной мере дар Эфиопии. Она по праву может считаться «кладовой нильской воды». Подсчитано, что выпадающие здесь обильные ливни дают до 80 процентов воды вытекающему из озера Тана Голубому Нилу. Вся эта огромная масса влаги стекает со склонов Абиссинского нагорья, неся с собой жизнь в пески суданских и египетских пустынь.

Еще совсем недавно Эфиопия была слабо связана даже с соседними странами. После освобождения страны от колониального ига положение изменилось. Император Хайле Селассие I начал развивать экономические, политические и культурные связи со многими странами мира. В 1943 году были установлены дипломатические отношения с Советским Союзом, а позднее — с Польшей, Чехословакией, Болгарией и другими государствами.

Создание Эфиопской авиакомпании сильно помогло внешним связям Эфиопии. Теперь, например, из Москвы в Аддис-Абебу можно добраться за двенадцать летных часов.

Значительное место в истории Эфиопии занимают ее взаимоотношения с Россией. Наша страна неизменно приходила ей на помощь в мужественной борьбе за сохранение независимости. Русские военные советники во главе с полковником Леонтьевым помогли войскам императора Менелика II наголову разбить итальянцев под Адуа в 1896 году. Первым иностранным госпиталем в Эфиопии был госпиталь Российского Красного Креста, открытый в 1896 году. Русские врачи помогали эфиопскому народу преодолевать тяжелые эпидемии и пресекать опасные инфекционные заболевания. Благодарная память о русских врачах жива в Эфиопии до сих пор, как и обо всем, сделанном для нее Россией.

← Аддис-Абеба. Обелиск Освобождения от итальянской оккупации.

«Новый цветок»

Шесть часов утра. Над просыпающейся Аддис-Абебой плывет звук военной трубы, возвещающей о подъеме государственного флага Эфиопии. Перед императорским дворцом на высоком флагштоке в утреннее небо взвивается красно-желто-зеленое полотнище. Так начинается каждый день Эфиопии.

Через полчаса становится совсем светло. Быстро оживают улицы. Оглашается грохотом открывающихся дверей и ставен необъятный Маркат — столичный рынок. К нему спешат почти невидимые под огромной кладью крошечные ослики — наиболее распространенный вид транспорта. Спустя два часа открывают лавочки мелкие торговцы. Последним стряхивает сон центр города. В десять утра начинают работу министерства, открываются большие магазины и кинотеатры.

Город Аддис-Абеба расположен на склонах высоких холмов. В столице живет около четырехсот тысяч человек. Аддис-Абеба в переводе с амхарского означает «Новый цветок». По возрасту это, пожалуй, одна из самых молодых столиц мира. В наши дни она стала важнейшим экономическим, политическим и культурным центром Эфиопии. Здесь находится резиденция императора, все правительственные учреждения, государственный банк, крупные местные и иностранные торговые фирмы, Национальный театр.

В Аддис-Абебе 38 начальных и средних школ, в которых учится более 26 тысяч детей. На факультетах Университетского колледжа проходят обучение сотни эфиопских юношей и девушек. Нам представилась возможность побеседовать с вице-министром просвещения Эфиопии господином Эндалкачеу Маконен (министром просвещения является сам император). Беседуя с нами, вице-министр особо подчеркнул, что считает задачей своего министерства постепенно заменить всех педагогов-иностранцев, все еще преподающих в школах Эфиопии, национальными учительскими кадрами.

Вице-министр высказался за налаживание культурного обмена между Эфиопией и Советским Союзом, особенно между эфиопскими и советскими учеными.

Есть в Аддис-Абебе учреждение, добрая слава о котором растет из года в год. Это больница Советского Красного Креста, названная именем эфиопского национального героя Деджазмача Балача. Она была открыта по просьбе императора Хайле Селассие I в 1946 году. Продолжая славные традиции русских врачей, в ней сейчас трудятся двадцать два советских медика. О масштабе их работы может свидетельствовать одна цифра: за год через стационар и клинику проходят 12 тысяч больных. Советское медицинское оборудование, искусство и сердечность наших врачей завоевали в Аддис-Абебе авторитет и уважение. В нашу больницу приезжают люди не только со всей Эфиопии, но и из Египетского района ОАР, Кении, Итальянского и Французского Сомали, Саудовской Аравии, Йемена. Больница пользуется большим вниманием эфиопских властей, справедливо считающих, что ее работа способствует укреплению дружественных отношений между Эфиопией и Советским Союзом.

Внешне у эфиопов много общего с негритянскими народами. Черный цвет кожи, высокий рост, мелко вьющиеся волосы.

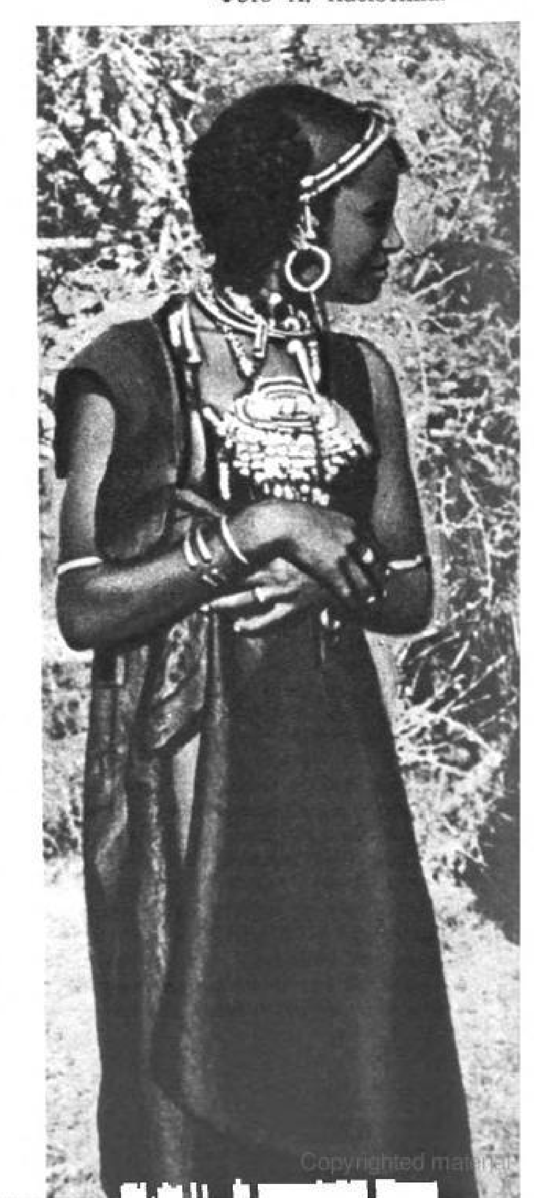
Их характерные качества — самоотверженность, безграничный патриотизм, решимость защищать свою родину до последнего вздоха. Это и помогло Эфиопии остаться независимой страной даже тогда, когда в конце прошлого века вся остальная Африка была поделена между колонизаторами.

Эфиопия — страна многонациональная. 18 миллионов ее населения представляют около нескольких десятков народностей и племен. Среди них наиболее крупными являются амхара, тигре, сомали, галла, кулло, гемира и другие. Каждая из народностей имеет свой язык, но только у амхарцев есть письменность. Их язык является государственным и изучается во всех школах страны. На этом языке издаются газеты и журналы, а также ведется государственная переписка.

Эфиопия располагает разнооб-

Молодая женщина из племени аруси.

Фото А. Пасютина.

разными природными богатствами. В ее недрах залегают золото, платина, медь, железная руда и другие полезные ископаемые. Благоприятные климатические условия позволяют снимать до трех урожаев в год. Но долгие годы вынужденной изоляции и итальянская оккупация нанесли Эфиопии огромный ущерб.

На родине кофе

Кому не известен кофе, этот замечательный ароматный напиток? Его пьют во всех уголках мира. Но не многие даже из самых завзятых его любителей знают, что имя ему дала провинция Эфиопии Кафа.

Джимму, административный центр провинции Кафа, можно по праву назвать кофейным городом. Вся его жизнь связана с кофе. С октября, когда начинается сбор урожая, по май она бьет ключом. Позднее, когда идут большие дожди и рабочие-сезонники покидают город, он пустеет наполовину.

Кофе в Джимме и ее окрестностях встречается в любом виде, от дикого «лесного» до прекрасного, возделанного на специальных плантациях в местном сельскохозяйственном колледже. Нам показал их представитель Министерства информации Эфиопии господин Тафарра.

Обогреваемые лучами высокогорного солнца, дыша чистым, как горный хрусталь, воздухом, обильно насыщаясь чудесной влагой в период больших дождей, плоды кофе вызревают и готовы к сбору в начале октября. Но само кофе и его доставка на фабрики — это лишь небольшая толика огромного труда, затрачиваемого на его производство.

На одной из улиц Джиммы, в большом одноэтажном красном здании, напоминающем обычное складское помещение, расположилась кофейная фирма, принадлежащая греку Аристидосу Ливератосу. В левой части здания стоит небольшая машина для очистки кофейных зерен. Их доставляют сюда после просушки на улице. В правой — девочки-сомалийки сортируют их по мешкам для помола. Расположившись по двое на большой площадке под дощатым навесом, они кропотливо отбирают зернышко за зернышком. Им всего по 14—17 лет. Они специально приходят в Джимму на 6 месяцев на заработки. Одна из них, Хава, говорит по-арабски. Она немного рассказала нам о себе. Ей 17 лет. Ее родители, два брата и две сестры живут в городе Деридава. Хава приносит 600—700 эфиопских долларов, заработанных за весь сезон, и это составляет важнейшую часть всего бюджета семьи.

Когда мы покидали фабрику Ливератоса, был вечер, на улице стало свежо. 72 девочки, накрывшись яркими шалями, продолжали работать. Одна из них затянула, а все подхватили песню. Это была задумчивая, грустная песня.

В центре столицы Эфиопии.

Кока-Дам

Едва наш «газик» миновал указатель, отмечающий границы Аддис-Абебы, как перед взорами открылась великолепная панорама. По обе стороны асфальтовой ленты шоссе на многие километры вокруг раскинулась знаменитая африканская саванна. Лишь вдалеке, почти у самой линии горизонта, слабо вырисовывались очертания фиолетовых гор.

Проехав семьдесят километров на юго-восток от Аддис-Абебы, мы оказались в местечке Кока, на берегу реки Аваш.

Жилища эфиопских крестьян возле города Дебра-Берхан.
Фото А. Пасютина.

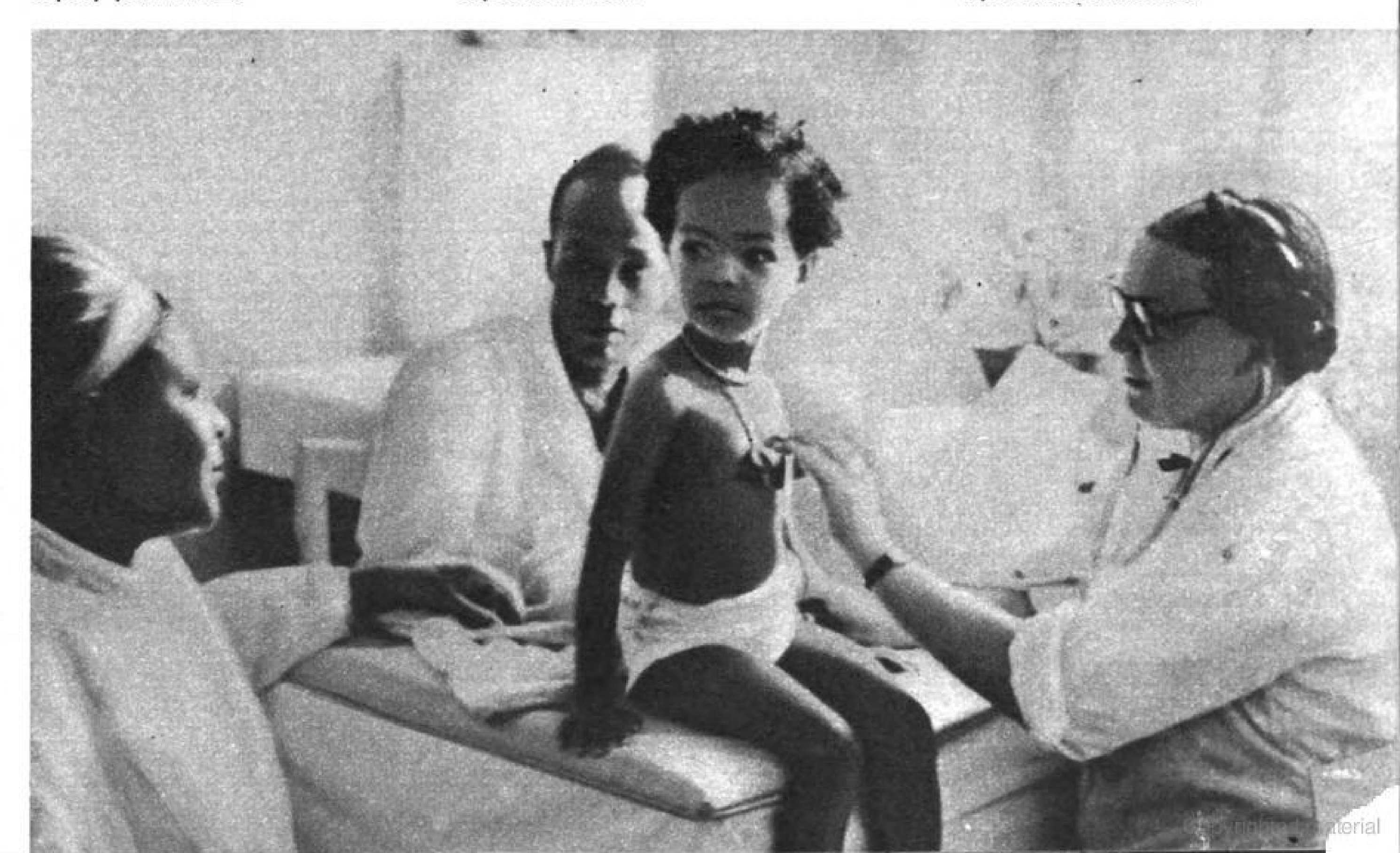
«Кока-Дам» — эти два слова в последний год произносятся в Эфиопии особенно часто. Это — название строящейся сейчас на берегу реки Аваш самой мощной в Эфиопии гидроэлектростанции. Ее сооружение удвоит производство электроэнергии в стране, снабдит ею города Аддис-Абебу, Харар и Деридаву, создаст обширную ирригационную систему, которая даст возможность выращивать в стране хлопок. Электроэнергия будет двигать машины хлопкоочистительных и текстильных фабрик. Строится ГЭС известной итальянской компанией «Импрезе Итальяне Аль-Эстеро» за счет репараций, выплачиваемых эфиопскому правительству Италией по условиям мирного договора.

Мы ожидали, что река Аваш по размерам такая, как, скажем, Ока под Москвой. Каково же было наше изумление, когда с высокого скалистого берега мы увидели где-то далеко внизу небольшую речушку вроде нашей Яузы в Сокольниках! Как сумеет она двигать турбины? На этот и другие наши вопросы ответил инженер Мордони, знакомивший нас со строительством.

Он напомнил, что во время больших дождей мощность реки Аваш возрастает почти в 10 раз. Потоки ее вод заливают все вокруг на многие километры. На этом-то и основывается гидротехнический проект Кока-Дам. В месте, где воды Аваш с огромной скоростью летят вниз с высоты более 30 метров, в этом году до наступления сезона больших дождей будет воздвигнута плотина. Она задержит основную массу воды и образует водохранилище емкостью в 1,5 миллиарда кубических метров.

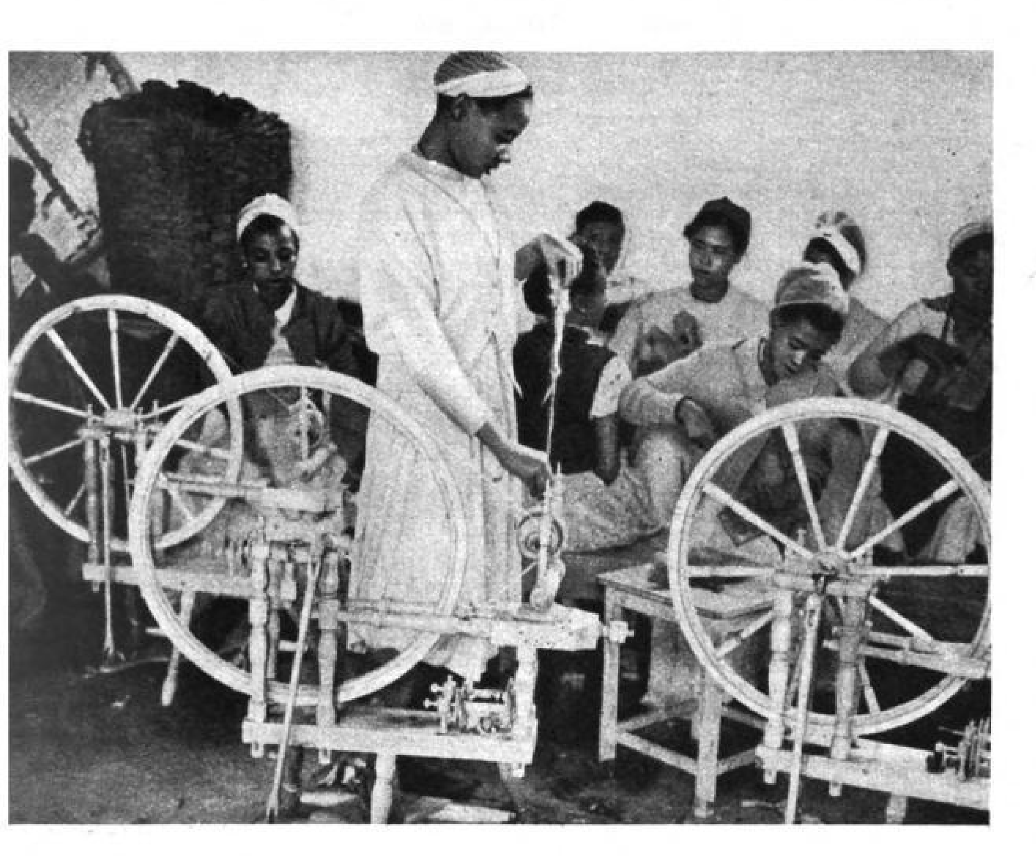
Рядом с уже возведенной наполовину плотиной сооружаются рабочие тоннели и площадка для здания будущей ГЭС. Здесь деловито гудят бульдозеры, гремят многотонные самосвалы и экскаваторы. На обнажившемся дне почти полностью перекрытого русла реки трудятся рабочие. Нам бросилось в глаза, что среди строителей-эфиопов нет ни одного инженера. Нам показалось, что ди-

Советская больница в Аддис-Абебе. Врач Е. Н. Цыбина осматривает эфиопского мальчика.

Девушки — студентки Университетского колледжа в Аддис-Абебе.

За прядильными станками.

ректора «Импре́зе Итальяне Аль-Эстеро» не весьма склонны допускать на строительство квалифицированные национальные кадры.

«Только для военных властей США!»

На хвостовом оперении самолета «Эфиопиен Эйрлайнс», доставившего нас из Каира в Аддис-Абебу, изображена красивая эмблема. На ярком красно-желто-зеленом веере три черных буквы амхарского алфавита, обозначающие инициалы компании. И словно тяжелая тень, на них лежат три буквы латинского алфавита — символ американской воздушной корпорации.

Спросив эфиопского пилота Дэси о столь странной комбинации краткого обозначения «Эфиопиен Эйрлайнс», я узнал, что это сделано по требованию американцев, временно заправляющих делами компании. Но дело не только в этом, говорил он, США хотят распространить свою тень на всю Эфиопию.

Позднее я убедился в правоте его слов.

Первый раз я увидел американских офицеров в Эфиопии в небольшом, но очень уютном ресторанчике на берегу озера Бишофту, в 50 километрах южнее Аддис-Абебы. Было по-настоящему летнее, залитое солнцем воскресенье. В переполненном зале американцев было всего с десяток. Но слишком вызывающей манерой разговаривать, вольными позами, разбросанными на диване форменными фуражками со знаками военно-воздушных сил США они привлекали всеобщее внимание. Вовсю шла азартная картежная игра, стол был завален долларами.

Невольно возник вопрос, что делают на берегах столь мирного озера американские военные летчики. Как мне объяснили, это были летчики, обучающие на близлежащем аэродроме эфиопских пилотов управлять реактивными самолетами. Кроме них, по соглашению об обеспечении взаимной безопасности, правительство США направило в Эфиопию группу военных советников. Их 20 человек. Они обучают эфиопские сухопутные войска пользоваться американской военной техникой.

Вторая моя встреча с янки в хаки на эфиопской земле произошла в Асмаре — административном центре Эритреи, объединившейся в 1952 году с Эфиопией в федерацию. По центральной улице города, красиво засаженной низкорослыми декоративными пальмами, пугая прохожих резкими гудками, двигался новенький «шевроле». От других машин его отличала большая надпись на кабине по-английски: «Только для военных властей США!» Сидевший за рулем американец со знаками сержанта надменно смотрел по сторонам и даже не дал себе труда задержаться у светофора, на котором зажегся красный свет. Полицейский-регулировщик засвистел и направился к машине, чтобы призвать нарушителя к порядку. Но, увидев, кому она принадлежит, махнул рукой и сочно выругался. Вероятно, эта сцена является чем-то обычным для Асмары.

«Шевроле» и его пассажиры были из отдельного батальона вооруженных сил США, несущего охрану специальной радиостанции «Радио-марина», находящейся в 18 километрах от Асмары. Принадлежавшая ранее итальянцам, хозяйничавшим в Эритрее 60 лет, теперь она предназначена для ретрансляции специальных американских передач из Вашингтона на Восток.

На улицах Асмары молодчики из охранного батальона всем своим видом стараются показать, что они здесь хозяева. Их постоянные пьяные дебоши, оскорбления женщин получили столь сильный отпор населения, что американское командование было вынуждено принять кое-какие меры, но спесь осталась, несмотря ни на что.

В Эфиопии действует миссия по осуществлению «4-го пункта программы Трумэна». В некоторых городах страны можно видеть огромные щиты, афиширующие эту заокеанскую «помощь». Общий объем американской технической помощи Эфиопии составляет всего 5—7 миллионов американских долларов в год.

На что же расходуются эти деньги? Вот что ответили мне на этот вопрос эфиопские журналисты. Поскольку в Эфиопии ощущается острый недостаток в квалифицированных специалистах, правительство США присылает сюда своих. Мало-мальски ответственный чиновник миссии в Эфиопии получает зарплату, в 3, а то и в 4 раза превышающую оклад эфиопского министра. Сверх этих баснословных окладов правительство Эфиопии оплачивает им дорогостоящие квартиры (разумеется, они снимают самые лучшие, не торгуясь, заранее зная, что за это им не платить), предоставляет персональные машины, оплачивает отпуск и проезд на родину с семьей и т. д. Помимо этого, американские эксперты, пользуясь дипломатическими привилегиями, не платят местных налогов.

Все эти расходы составляют примерно те же 5—7 миллионов американских долларов. Такова цена разрекламированной американской «благотворительности».

ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕКУ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Всю свою жизнь профессор М. А. Морозов посвятил борьбе с оспой. Когда он начинал работать в науке, в России ежегодно отмечалось около 100 тысяч случаев заболевания оспой.

С 1936 года в Советском Союзе нет оспы. Ее нет, потому что есть несколько оспинок на руке у каждого. У каждого гражданина в каждом новом поколении появляется на руке этот магический знак, которого страшится болезнь.

Празднуя недавно свое 80-летие, Морозов по праву мог чувствовать удовлетворение. Думал он, однако, не о том. Да, у нас нет оспы. Но вспышки оспы повторяются в Америке и в Европе. Оспа не идет на убыль в Африке.

В прошлом году Советский Союз внес предложение: ликвидировать оспу на земном шаре. Наша страна дарит Всемирной организации здравоохранения 25 миллионов доз противооспенной вакцины!

Если оспа у нас уже побеждена, то сражение против полиомиелита началось и развертывается на наших глазах.

...Серебристокрылый «ТУ-104» возвращается с Востока, неся на борту 1 200 обезьян. От советско-китайской границы идет вагон, в нем тоже макаки. Их везут не в зоопарки. Дело в том, что вирус полиомиелита растет только на почечной ткани обезьян.

В кабинете О. Г. Анджапаридзе, директора Научно-исследовательского института препаратов против полиомиелита, стоит знамя — награда за успешное сражение с болезнью.

Миллионы детей уже прошли прививку. К концу года их будет в три с половиной раза больше.

Шаг за шагом продвигается вперед наука о здоровье человека. Одновременно становится все тесней союз медицины с другими областями знания, с техникой. Инженеры разных специальностей носят белый халат и белую докторскую шапочку. Совместно с хирургами они создали нашу гордость — сшивающие аппараты.

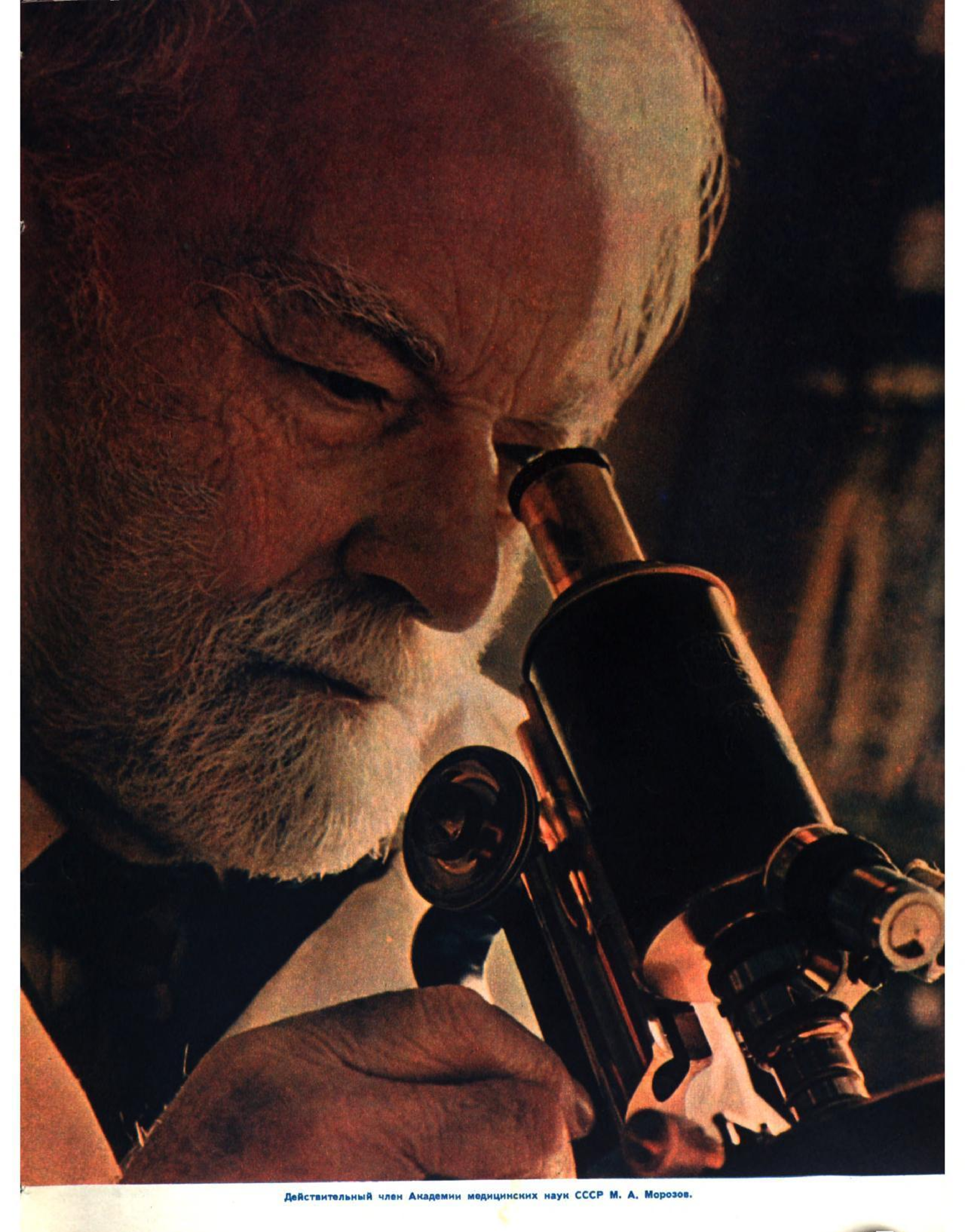
«Спутник в хирургии» — так назвали за границей аппарат для сшивания сосудов и нервов. Вслед за ним появились другие. Для ушивания ушка сердца. Для перевязки легочных артерий и вен. Для сшивания кишок. Аппараты упростили многие операции.

Таков вклад в медицину инженера С. И. Бабкина и его сотрудников из Научно-исследовательского института экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов.

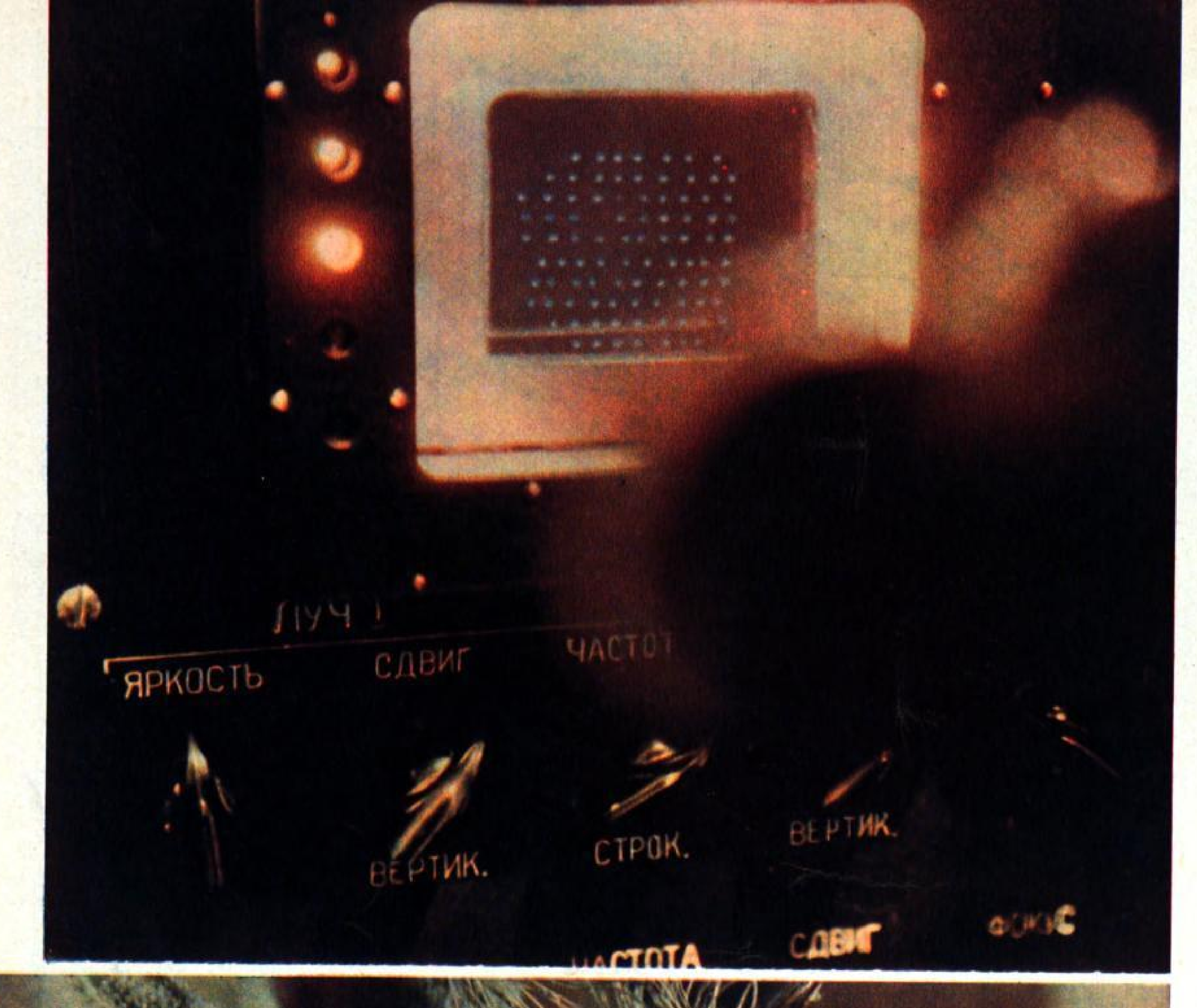
Современная техника открывает дорогу в святая святых природы. Она позволяет, например, изучить электрические токи, возникающие в коре головного мозга, и даже «увидеть» их с помощью «телевизора мозга» — электроэнцефалоскопа. Авторы его — профессор М. Н. Ливанов, физиолог, и В. М. Ананьев, радиоинженер.

Каждый день приносит новые вести о победе человека над болезнями, о достижениях науки. Созданы искусственная почка и синтетическая кровь, радио исследует внутренние органы, пластмасса заменяет живую ткань...

Семилетним планом предусматривается дальнейшее улучшение медицинского обслуживания населения. Почти триста шестьдесят миллиардов рублей выделяет государство в семилетке на охрану здоровья трудящихся. Эта щедрость продиктована великой заботой — заботой о человеке.

Действительный член Академии медицинских наук СССР М. А. Морозов.

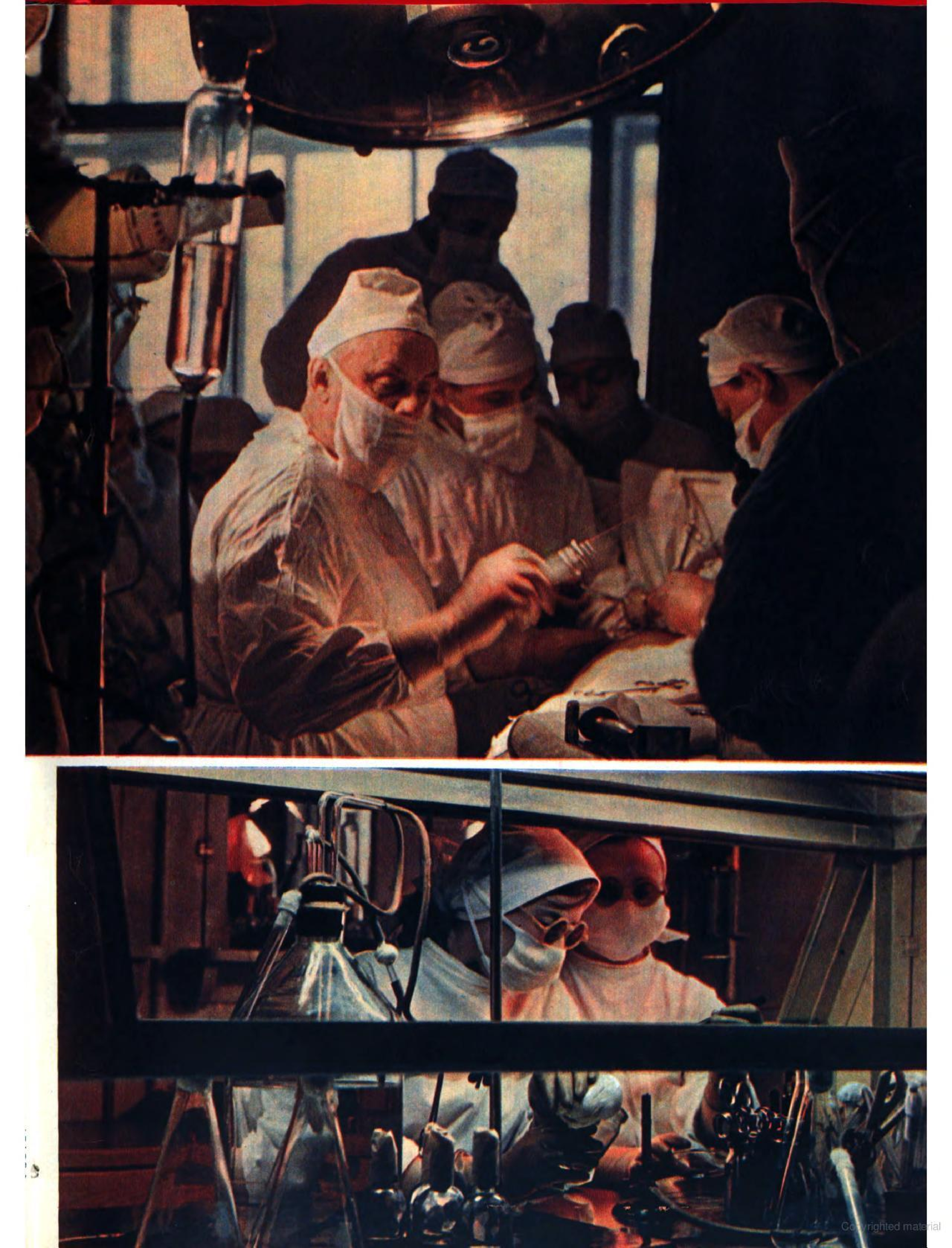
Оперирует профессор Института грудной хирургии Академии медицинских наук СССР Е. С. Лушников. Сложнейшие процессы: сшивание тончайших сосудов и нервов, замену поврежденных участков различных органов — помогают производить хирургам инструменты и аппаратура, созданные советскими учеными.

↖

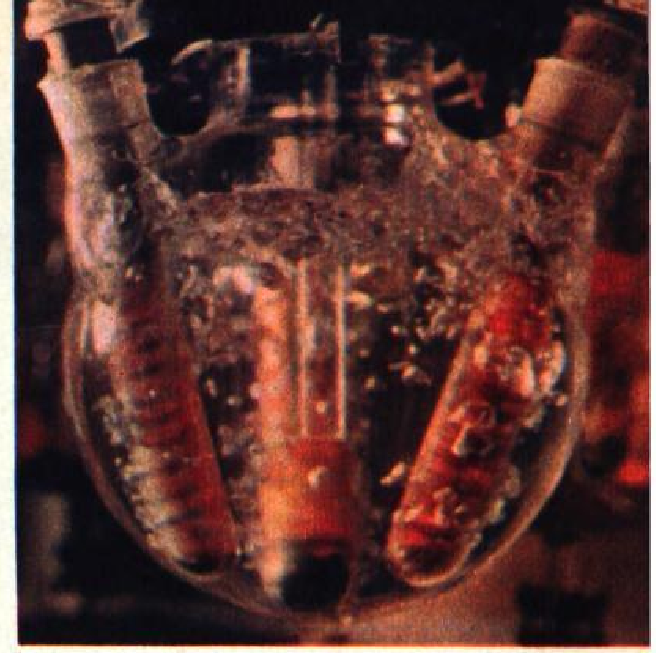
На экране сто светящихся точек. Они то вспыхивают, то слабо мерцают. Кто подает эти необычные сигналы? «Передачу» ведет... мозг кролика. На его черепе укреплено сто игольчатых электродов. С их помощью биоэлектрические явления, протекающие в коре головного мозга, передаются на экран «телевизора мозга» — электроэнцефалоскопа.

→

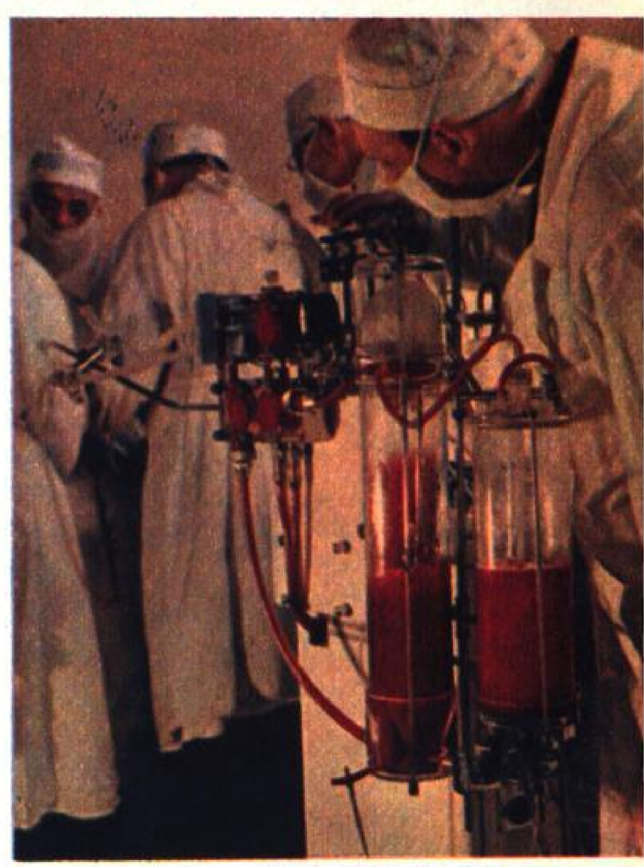
Так начинается производство полиомиелитной вакцины. Лаборанты Елена Чернякова и Надежда Старовойтова измельчают почечную ткань обезьяны. Одно животное спасет сотни детей от страшной, изнурительной болезни...

Человек еще не родился, но о его будущем уже думают десятки людей. На второй — третий день своей жизни новорожденный получит противотуберкулезную вакцину. Ее приготовят заранее, а лаборантка Контрольного института имени Л. А. Тарасевича Кира Алексеевна Петрова еще и еще раз проверит безупречность вакцины на белых мышах.

В этой колбе — бидистилляторе — бурлит простая вода. Прежде чем пойти в дело, она дважды дистиллируется. Пятьсот литров такой кристально чистой воды расходуется ежедневно в Научно-исследовательском институте препаратов против полиомиелита.

В руках хирурга — сердце человека. Оно не бьется. Но человек жив: пока идет операция на сердце, его обязанности исполняет АИК — аппарат искусственного кровообращения...

Светящиеся хирургические инструменты и приспособления из пластмассы. Они позволяют осветить любой участок операционного поля на любой глубине.

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ А. ФАДЕЕВА

«...в этом романе сейчас вся моя душа, все мое сердце».
А. Фадеев. Из писем 1953 года.

Роман «Черная металлургия» А. Фадеева — будь он закончен — несомненно, занял бы особое место, ознаменовав новый этап в творческом развитии выдающегося художника.

Судя по замыслу романа, по его первым опубликованным главам, а также по многочисленным рабочим материалам и записям, хранящимся в архиве писателя, роман этот был задуман как широкое эпическое повествование о великих днях нашей современности, о героических свершениях советского народа, строящего коммунизм.

«Индустриализация, как основа перехода к коммунизму, — ПОЛИТИЧЕСКИЙ смысл романа В ЭТОМ», — так писатель определял задачу своего нового произведения.

Наряду с разрешением сложных производственных конфликтов, связанных с техническим прогрессом в нашей промышленности, в романе намечались сложные переплетения бытовых, семейных, общественных и других отношений советских людей различных возрастов и профессий.

Записи Фадеева раскрывают грандиозный замысел многопланового романа, в котором писатель намеревался поднять жгучие проблемы современности.

«Черная металлургия! — пишет он в одной из записных книжек, раскрывая идею своего романа. — Человек **организует** огненную стихию. Жаркое пламя в печах, в которых переплавляется, переделывается шихта — сырье, каким человек его получает от природы.

«Черная металлургия» — роман о великой переплавке, переделке, перевоспитании самого человека, превращении его из человека, каким он вышел из эксплоататорского общества, — и даже в современных молодых поколениях еще наследует черты этого общества, — превращении его в человека коммунистического общества».

А. Фадеев стремился изобразить рабочий класс не замкнуто, «в самом себе», а в его многообразных связях с разными слоями нашего общества:

«дело не обойдется без того, чтобы, кроме людей рабочих, показать в романе и наших крестьян — колхозников и нашу интеллигенцию. Но главное место в этом романе, — пишет он, — я отвожу рабочим людям, трудовой героизм которых в нашей советской литературе изображен еще далеко не в полной мере».

Писатель хотел повести читателя за своими героями в цеха современных индустриальных гигантов, в рабочие квартиры и молодежные общежития, в клубы и рабочие столовые, в деревню и научно-исследовательские институты, в министерства, партийные и комсомольские организации — побывать с ним всюду, где бьется живая человеческая мысль, где советские люди изо дня в день создают коммунистические основы нашей жизни. Фадеев собирался «широко, мощно» показать быт советских людей. Показать, как живут «люди — хозяева», живут «бесстрашно», с полным ощущением свободы:

«**все свое, общее:** школа, больница, поликлиника, баня, милиция, сад, клуб, каток, дом отдыха, улица, магазин продовольственный, промтоварный, ларьки, проспект Пушкина и улица Маяковского, кино, театр, трамвай, автомашины, стадион, водная станция, охота, рыбная ловля. Дать вечеринки, свадьбы, похороны, гулянье в саду, детвору на улицах».

Богатство проблематики романа, его разветвленный сюжет, хорошо продуманные характеры героев и глубокое проникновение писателя в современную жизнь — все это лишь подтверждает, как не правы те, кто пытается утверждать, что Фадеев шел в этом романе не от живых людей и их неповторимых индивидуальных судеб, а якобы всецело от некой умозрительной схемы, связанной с решением узкой (хотя и важной!) технико-экономической проблемы кислородного дутья в металлургии.

«Это вовсе не только роман о металлургии, — пишет А. Фадеев весной 1953 года в одном из писем, — она в центре этого романа, но **это роман о советском обществе наших дней**, это роман самонужнейший, архисовременный». «Мне хочется показать в этом романе, как социалистическое производство перевоспитывает человека, как человек растет в труде».

По замыслу писателя роман должен был охватить период жизни советского общества с 1951 по 1954 год, но в связи с судьбами отдельных героев он хотел «показать и прошлое и заглянуть в будущее».

«Черная металлургия» явилась для писателя результатом больших творческих размышлений.

«Жизнь надо изображать правдивой, реальной, не уходя от ее тяжестей, грубостей, подлостей, трудностей, — пишет А. Фадеев в августе 1953 года другу своей юности А. Колесниковой, рассказывая о новом произведении. — Тогда и хорошее, — продолжает он, — передовое будет выглядеть не как прикрашивание, а как результат живых человеческих усилий. В сущности, такой счет предъявляет нам теперь партия, наша печать, таково народное требование. И вот на это требование я хочу ответить своим новым романом».

К 16 июля 1951 года писатель завершил второй вариант романа «Молодая гвардия» и тут же усиленно занялся подготовительной работой к новому роману. Уже в июльских письмах 1951 года он пишет, что «целиком ушел в работу над новым романом» и что предоставленный ему отпуск оказался «мал по масштабам этого романа».

В декабре 1951 года, выступая с ответным словом на вечере, посвященном его 50-летию, Фадеев искренне сожалел о том, что мало написал в своей жизни, и выразил надежду, что он еще споет «свою большую настоящую песню». В тот вечер писатель впервые публично раскрыл замысел нового романа.

«Я хочу, — сказал А. Фадеев, — спеть песню о нашей партии, как вдохновляющей и организующей силе нашего общества».

Как всегда, Фадеев работал над новым романом с увлечением.

«...В течение всего года я был занят своим романом», — сообщает он Е. Д. Стасовой.

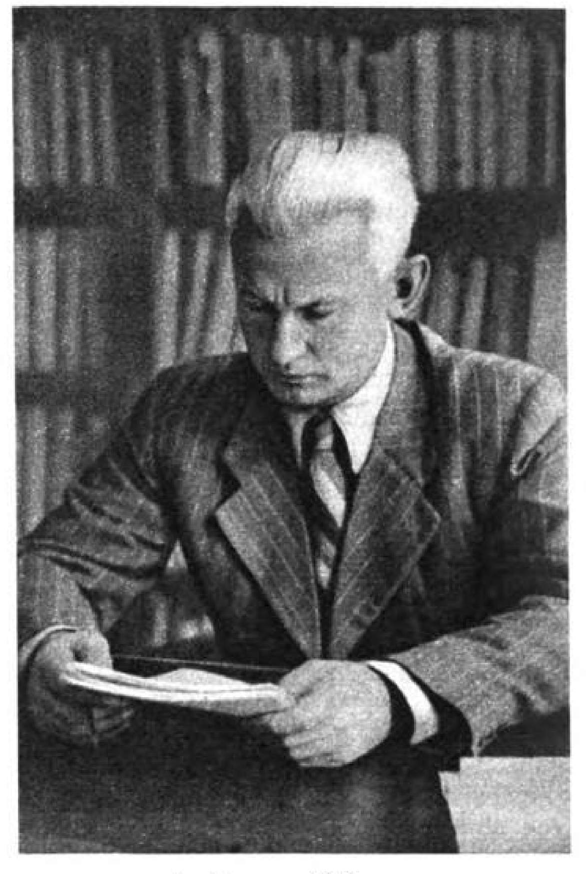
Более подробно о своей работе он пишет весной 1953 года А. Суркову: «Я изучил жизнь, быт, производство 9-ти крупнейших металлургических заводов Востока и Юга страны, а также Москвы, проштудировал по совету академика Бардина два учебника металлургии, как следует прочел немыслимое количество брошюр новаторов производства, изучил биографии таких крупнейших русских металлургов, как Аносов, Чернов, Павлов, Байков, Бардин, изучил биографии Дзержинского, Куйбышева, Орджоникидзе, которые будут показаны в моем романе. Я вложил в роман все лучшее из своего собственного жизненного опыта, все, что я передумал и перечувствовал за 50 лет своей жизни, в этом романе сейчас вся моя душа, все мое сердце».

Помимо нескольких вариантов и окончательного текста опубликованных при жизни писателя первых восьми глав романа, в архиве писателя хранятся четыре блокнота, датированных ноябрем 1952 — январем 1953 года (объемом около пяти авторских листов), в которых он вел подробные «Заметки к плану» романа (наброски отдельных сюжетных линий, авторские размышления о романе, заготовки отдельных сцен, характеристики героев и т. д.), семь больших «общих» тетрадей, содержащих материалы к роману (объемом до двадцати авторских листов), двадцать одна записная книжка (объемом около тридцати авторских листов), а также двадцать три «тематических» папки, в которых собрано несколько тысяч разных документов: вырезки из газет, журналов, докладов.

Учитывая специфический характер многих «технических» записей А. Фадеева, мы сочли полезным обратиться к известному металлургу, члену-корреспонденту Академии наук СССР А. М. Самарину с просьбой ознакомиться с этими записями. «Ознакомление с содержанием дневников-записей покойного А. А. Фадеева, — пишет А. М. Самарин, — показывает, что им выполнена огромная подготовительная работа. Во время пребывания на металлургических заводах писатель подробно изучает технологию производства и многогранную деятельность жизни огромных заводских коллективов. Большое внимание было уделено работе партийных организаций, методам работы отдельных инженеров и рабочих. Почти на каждом заводе А. А. Фадеев тщательно изучает жилищно-бытовые условия.

Но это не все. А. А. Фадеев, очевидно, еще до поездки на заводы посвятил очень много времени изучению как практики, так и теории металлургического производства. Помимо обширных выписок из учебников общей металлургии, писатель ДЕТАЛЬНО изучает отдельные разделы физико-химических основ металлургического производства. Это изучение и позволило с должным знанием дела собрать необходимый материал о направлении и осуществлении технического прогресса в черной металлургии.

Можно только удивляться той огромной предварительной подготовке к созданию художественного произведения таким крупным писателем, каким был А. А. Фадеев».

А. Фадеев. 1953 год.

«Как и все литераторы, — пишет он в августе 1953 года А. Колесниковой, — я, работая над вещью, думаю, что она лучшая в моей жизни. Но теперь мне кажется, что я действительно пишу лучший мой роман».

В рабочих записях А. Фадеева не только определены персонажи задуманного произведения, но вполне отчетливо обрисованы и образы его основных героев: знатного сталевара Павла Кузнецова, врача Галины Сомовой, инженера Балышева, секретаря райкома партии Дарьи Паниной, работницы Агриппины Голубевой, артистки Веры Каратаевой, ремесленника Савки, новатора Романова и многих других.

В этих записях раскрывается не только богатый духовный мир героев задуманного произведения, но и широта взглядов, масштабность интересов его автора. Читатель найдет здесь, например, любопытные суждения писателя о сложном процессе становления социалистического сознания.

«В старое время требовались десятилетия, а не то и смена нескольких поколений, чтобы индустриальный рабочий, пришедший из деревни, или выходец из городских ремесленников, мещанства обрел черты индустриального пролетария, тем более — социалистическое сознание.

В наше время процесс этот происходит необыкновенно быстро, а ребята, прошедшие школу трудовых резервов, в большинстве своем обретают эти черты вначале в школе и — буквально спустя несколько лет работы на заводе. Все-таки пережитки собственнической психологии, анархического индивидуализма, недостатки общего культурного развития сказываются еще долго, сказываются не так, как в старое время, а в специфических, очень разнообразных формах, типичных именно для нашего переходного времени.

Рост этого социалистического сознания показать у Кузнецова, когда он находится на ве-

черинке у московского сталевара Челнокова. Он сравнивает эту сознательную семью московской династии металлургов со своей, которая довольно ловко в 30-м году увернулась от коллективизации (отец его не был кулаком, но «вышел» в город и стал служить в торговых, пищевых, складских учреждениях, где мог «поживиться» за счет государства). То, что Павлуша Кузнецов понимает это, любуется **династией** сталеваров, хочет походить на них, показывает, какой скачок, отделивший его от семьи с ее пережитками и предрассудками, он совершил, насколько сознанием своим он приблизился именно к передовым рабочим. Вся его линия в романе есть линия преодоления пережитков индивидуализма — мелкого тщеславия, славолюбия в смысле приверженности к внешним проявлениям и «благам» славы, уступок семье (в другом смысле), преодоления собственнического отношения к жене, очень сложного, где большая любовь сопровождается нежеланием, чтобы жена работала, и пр.»

Особое внимание А. Фадеев хотел уделить в романе партийной теме. Опираясь на богатый личный опыт партийной работы, писатель продолжает вести наблюдения за жизнью больших рабочих партийных коллективов: он посещает партийные собрания в заводских цехах, беседует с рядовыми коммунистами и их руководителями...

Писатель делает характерную запись:

«В современных т(ак) н(азываемых) «производственных» романах парторг ЦК на предприятии всегда «крупнее» директора, наставляет, учит последнего. Если бы дело обстояло так в жизни, зачем бы просто не назначить парторгов директором предприятия? На самом деле функция парторга **специфически партийная,** — он делает **все в области партийно-политической работы,** в сочетании с которой только и может быть успешной работа директора. В то же время функции директора — хозяйственного, технического и, в конечном счете, тоже политического руководства предприятием (не случайно именно директор, а не парторги бывают членами Бюро Горкома), — функции их столь сложны, что в жизни, за редчайшими исключениями, **директора предприятий всегда более крупные характеры, чем парторги».**

Размышляя о новом типе партийного руководителя, о стиле его работы, взаимоотношениях с людьми, Фадеев делает интересный набросок беседы двух секретарей обкома партии — «нового» и «старого», только что снятого с работы на заседании ЦК, незадачливого, мелкого чиновника, рутинера и в конечном счете обывателя:

«Оба остановились в гостинице «Москва», обедают в ресторане вместе. «Новый», при всем его внутреннем такте и понимании положения «старого», не выдерживает, когда «старый» только и говорит о том, как другие работники обкома — «его» кадры, «завалили» его на заседании в ЦК, чуть ли не «предали». «Новый»: нельзя воспитать кадры на положении того, чтобы они поддакивали и угождали тебе, надо и подбирать людей прямых, смелых, способных на критику, пусть ошибающихся по неопытности, но вообще людей способных мыслить самостоятельно. И надо поощрять в людях эти черты, а ошибки умело исправлять и учить их на ошибках. Не надо бояться окружать себя людьми, которые смотрят на иные вещи не твоими глазами. Правда доходит до них в конце концов, а в ряде случаев они тебя поправят. Одно дело люди чужой идеологии, другое дело — свои, неподдакивающие люди. Вот если их третировать, не замечать, а не то и глушить и «задвигать», их можно оттолкнуть и к чужим. А что касается поддакивающих, угодничающих, то они только кажутся ортодоксальными, а на самом деле в них вырабатывается трусость мысли, они приучаются говорить неправду, а с другой стороны, поскольку это часто все же люди свои и честные, только мелковаты, в них накапливается недовольство этим своим положением. И они не такие уж по существу «друзья» и «верные проводники линии» («твоей линии!»), — не удивительно, что вдруг почувствовали возможность освободиться от привычного гнета. А поскольку привыкли тебе говорить неправду, можно уже и о тебе сказать «с перегибом», тоже неправду, чтобы угодить людям еще более крупным, чем ты. От этого и в области вся работа плохо шла, что ты неправильно подбирал и воспитывал кадры, — выходит, ты сам в этом виноват и жаловаться тебе не на кого».

А. Фадеев изучает бюджет завкома и интересуется состоянием медико-санитарного обслуживания рабочих; знакомится с ценами и качеством обедов в рабочих столовых и посещает занятия заводского кружка политического просвещения; выясняет, как обеспечиваются рабочие спецодеждой, и изучает состояние техники безопасности на заводах, справедливо замечая по этому поводу:

«...от заболеваний мы теряем больше миллионов, чем экономим их на спецодежде, на бытовых оборудованиях, на технике безопасности. **Этого** не понимают многие хозяйственники!»

Он посещает дома и общежития рабочих, длительное время живет сам в квартире местного сталевара, попутно интересуется, как идет жилищное строительство, и «для памяти» записывает:

«Не забыть: в романе надо со всей яростью продрать виновников небрежного строительства жилых домов».

Наблюдая жизнь нового промышленного города, писатель интересуется бытовым устройством местных учителей, медицинских работников, актеров, библиотекарей, служащих, не связанных непосредственно с заводами и промышленными комбинатами, и считает необходимым в своем романе во весь голос сказать

«о роли гуманитарной интеллигенции в культурном подъеме воспитания народа. Без нее на одной технике и на одной технической интеллигенции не выедешь! Врачи, учителя, библиотекари, научные работники, армии работников политического просвещения, артисты, художники, писатели, музыканты, архитекторы!

Новые города типа Магнитки могли бы куда быстрее шагнуть в области культурного развития, меньше было бы общекультурной отсталости, невежества (на фоне технического **невиданного** прогресса!), если бы больше внимания, заботы было о кадрах гуманитарной интеллигенции!»

Со свойственным ему романтическим восприятием жизни А. Фадеев собирался воспеть в новом романе повседневный, «будничный» труд простого рабочего человека и гневно выступить против мещанского, нигилистического отношения к нашей замечательной молодежи, против того ложного взгляда, что якобы массовый героизм людей, и прежде всего молодежи, может проявляться лишь в периоды «бурного» развития общества, в периоды наиболее острых социальных сдвигов и потрясений. В этой связи особого внимания заслуживает следующая запись А. Фадеева:

«К спору инженеров о молодежи. О тех, кто гонится за рублем. О тех, кто основной экономический закон социализма рассматривает только с точки зрения личного благополучия. Вся духовная жизнь с ее этическими и эстетическими потребностями и идеалами остается за бортом у молодых людей этого типа. Есть периоды исторического развития нашего социалистич(еского) общества, когда народная жизнь протекает бурно, когда в активное практическое действие сразу вовлекаются самые глубокие, казалось бы «неподвижные» пласты общества, когда наглядно вскрываются лучшие народные силы, — в такие периоды легче видеть, как народ рождает героев, яркие таланты во всех областях деятельности. Вот эти периоды: Октябрь, гражданская война, первая пятилетка, Отеч(ественная) война. Это не значит, что в периоды между «бурями» духовная жизнь имеет принципиально иное содержание и нет развития, — наоборот, именно эти мирные периоды и есть периоды жатвы после посева. Но если в периоды «бури и натиска» генеральные черты времени выступают заостренно и конденсированно, то в периоды более «спокойного» развития их уже надо уметь видеть среди всего остального. В споре инженеров о молодежи у многих из них, порожденных как раз в периоды «бури и натиска», не хватает подлинного знания и понимания тех сложных и противоречивых процессов духовного развития, которые характерны для нашей современной молодежи. Отсюда черты второстепенные, «пятна» заслоняют для многих из них главное, генеральное в духовной жизни молодежи наших дней. Инженеры поколения Багдасарова, а также поколения Бессонова, Шубина напрасно втайне вздыхают о «своем времени». Наше время, после Великой Отечественной войны, рождает таланты, несущие в себе лучшие черты времени перехода от социализма к коммунизму и притом в таком количестве, как никогда раньше. Но это надо уметь видеть, понимать, **как** это происходит в живой жизни и что приходится преодолевать современной молодежи».

И вместе с тем с каким тонким и мягким юмором собирается он дать в романе зарисовки нескольких жизненных сцен, подмеченных на производстве. Вот одна из таких зарисовок:

«Строятся коксовые батареи. Строители возводят стометровую железобетонную дымовую трубу (новинка, — строит «Союзтеплострой»). Она уже поднялась под самое небо, близка к концу. Балышев и Багдасаров после того, как осмотрели строящиеся коксовые батареи, остановились, смотрят, как две девчонки (одна из них — Наташка, воспитанница Агриппины Голубевой) на досчатом, без всяких перил, узком помосте вокруг трубы у самой ее вершины под небом, сидят, закусывают, свесив ноги, болтают ногами. Девчонки веселые, в комбинезонах, измазанных цементом, лиц их хорошенько не видно, но видно, что им весело, что они оживленно обсуждают что-то свое и хохочут. Багдасаров и Балышев — старые приятели «на ты».

Балышев — Видал?

Багдасаров — А им что на земле, что на небе! Такое поколение... Впрочем, в век авиации, высотных строек, не боятся высоты. Да и понятие высоты совершенно иное: по отношению к чему высота? Какие-нибудь их подружки водят самолеты или прыгают с парашютом с многокилометровой высоты да еще, поди, летят почти до самой земли, не раскрывая парашюта, а нас с тобой заставь? Вот именно, разве что заставят!.. — Смеется.

Балышев — А прыгнешь, если заставят?

Багдасаров — Дойду до ЦК, а там уж если скажут, — прыгну.

Оба хохочут.

Девчонки на трубе под самым небом жуют белые булочки и хохочут по своему совершенно независимому поводу, — дела им нет до двух пожилых инженеров!»

Некоторые мысли писателя являются как бы откликом на многие современные литературные споры, например, о месте техники и о правомерности технических терминов в современном романе. Фадеева не «пугает» ТЕХНИЧЕСКАЯ сторона его романа. Больше того, он собирается завязать в романе большой, принципиальный разговор с читателем о роли техники в жизни и о необходимости ЗНАТЬ современную технику. Он так и записывает:

«Обращение к читателю по поводу техники и технических терминов в романе — в одной из первых глав, в связи с тем, что Мансуров, добиваясь рекорда, поджег динасовый свод мартеновской печи. Придраться к тому, что такое «динасовый свод», объяснить это читателю, а потом его же, читателя, обругать за то, что он этого не знает. В наш век он это обязан знать! Почему у читателя не вызывают смущения, когда он читает классический роман, такие «технические» термины, как «изба, поставленная глаголем», или «пятистенная изба», или «бричка», «линейка», «карета», или названия созвездий и звезд, или такие слова и понятия, как «панева», «держка», «косье», просто «сидит» (про косу), «лобогрейка» или щеголяние охотничьими терминами, профессиональными и вообще специфическими терминами при описании, например, собак или лошадей — у Толстого, Куприна, Эртеля? Ведь современный наш читатель в большинстве своем не видел, не знает этого, а это кажется ему однако «в порядке вещей». Он к этому привык. Он обязан привыкнуть к технической терминологии в современном романе, ибо нельзя написать современный роман, обходя вопросы техники, в наш век невиданного технического развития».

Судя по записям А. Фадеева, он намеревался широко поднять в романе проблему семьи, любви и дружбы, высказаться о положении женщины в нашем обществе. Но ему хотелось взглянуть на эту «вечно-жгучую» проблему по-новому. Собираясь описать спор инженера Балышева с Паниной о так называемой «несчастной» любви, о «несчастье» вообще, писатель хотел в этой связи «дать бой всей той части

совр(еменной) литературы, которая забывает, КАКОЕ поколение растет, и пытается вопросы любви решать по старинке, с достоевщинкой».

С сожалением отмечая, что в нашей литературе никто еще по-настоящему не воспел женщину нового типа, НАШУ женщину, писатель вводит в роман Дашу Панину, которая, по его замыслу, должна вырасти «БУКВАЛЬНО в образ НОВОЙ женщины».

Вместе с тем Фадеев хочет

«с силой показать муки неразделенной любви через Голубеву. И дать резкую отповедь через прямое публицистическое обращение «диккенсовского» стиля — тем «критикам», которые, обсуждая современные романы, где дается любовь и семейная жизнь, фальшиво вопят: «Почему столько неудачных личных судеб, столько несчастных любвей, столько не сложившихся счастливо семейных жизней!» Надо показать, что это отражает объективные противоречия и трудности роста и формирования коммунистического человека, но что сегодня уже во многом это зависит от самих людей, от их воспитания, а воспитать людей в таком душевном смысле нельзя, если литература не покажет, откуда все это и где те внешние и внутренние «враги» современного человека, которые так часто мешают его полному личному счастью».

А. Фадеев считал необходимым развить в романе тему советской женщины в семье. Он пишет по этому поводу:

А. Фадеев среди своих юных читателей в Колонном зале Дома союзов в Москве. 1946 год.
Фото Э. Евзерихина.

«Две стороны вопроса: что общество уже дало женщине и где она еще фактически связана, больше чем мужчина. Разоблачить, высмеять, бичевать эгоистические навыки мужчины в семье, — особенно, когда дело касается крупных работников, ибо они-то должны были бы показывать пример! Мужья «рады», когда их жены превращаются в домашних хозяек,— мужьям удобнее! Но сколько от этого семья теряет в духовном смысле! Работающая женщина одна несет бремя домашних забот. С другой стороны, улучшение материального положения семьи сразу влечет за собой увеличение числа неработающих женщин, — в среде «ответственных работников». Они ведут паразитическое существование. Кто не видал этих жен, спускающихся по лестнице со свертками и авоськами в руках (которые не смог сразу захватить шофер, поджидающий внизу с машиной!), в то время как ответственный муж важно спускается в своей каракулевой шапке и каракулевом воротнике, заложив руки в карманы, — ему «не положено!» Во дворах, в скверах вы можете встретить не только нянь, но и жен «ответственных работников», толкающих перед собой коляску с дитятей, — если они работают, служат, они все-таки выкраивают время, чтобы понянчить дитя свое, но укажите хоть один случай, чтобы «ответственный работник» заменил свою жену у коляски, — как же, «смеяться будут»! Это мелочи, чтобы не говорить о вещах более серьезных, — это пена, плывущая по поверхности реки, но... «и пена есть выражение сущности».

В семьях рабочих и рядовых служащих (за многочисленными, правда, исключениями) мужья помогают своим женам в уходе за детьми, в воспитании детей».

Еще раз записывает А. Фадеев в своем дневнике слова о высокой дружбе, столь поэтично воспетой в его творчестве:

«Дружба в труде — самый высокий вид дружбы. В числе прочего это и самый прочный и самый принципиальный и в то же время наиболее широкий вид дружбы — в ней люди ценят друг друга по самому лучшему и высокому друг в друге, поэтому она может объединить людей самых разных по характерам, по достоинствам и недостаткам; ничто обывательское не может ее разрушить, если объединяющий трудовой принцип не поколеблен».

Большой интерес представляют записи А. Фадеева, в которых он по нескольку раз возвращается к образам своих героев и, словно скульптор, любовно и тщательно отрабатывает, лепит их портреты, отбрасывая все лишнее, обогащая их каждый раз все новыми и новыми яркими и выразительными красками.

Вот, например, несколько зарисовок портрета одной из главных героинь романа, врача Галины Сомовой:

«Она — очень русская. Лицо — мягких очертаний, правильный овал, волосы русые, такие же брови и ресницы, глаза серые, умные, живые, ресницы небольшие, нос чуть вздернут, не сильно, а именно точно как нужно, в губах — не толстых и не тонких, а очень соразмерных лицу и глазам, и в подбородке — волевая складка, но женщина-врач часто смеется, показывая очень ровные (аккуратные), сплошные, не крупные и не мелкие, а совсем такие, как надо — матово-белые зубы, и только между двумя верхними передними, более широкими, тоненькая щелочка, что придает улыбке и всему лицу необыкновенную милость. Лицо у нее моложаво для 34-летней женщины, телом она женственна-статна, лицо очень здоровое, нет ни лишних морщинок, ни подглазниц, лицо спокойное, ясное по выражению, какое бывает у семейных женщин чистой, трудовой, организованной ими самими жизни, румянец мгновенно вспыхивает на щеках от природной застенчивости, с годами преодоленной в силу характера профессии. Кисти рук, ноги, может быть, чуть-чуть большеваты, а в общем тоже такие, как надо. Если взять все порознь, то трудно, кажется, и отметить что-нибудь приметное, особенное, а в сочетании все особенно, все приметно, все полно обаяния: и эта улыбка, и мгновенно вспыхивающий румянец, соединенный с этой живостью ясных, прямо смотрящих на тебя глаз, и неповторимые жесты полных рук, не широкие, а где-то на уровне груди, легкие и тоже живые, точно обнимающие ладонями и преподносящие вам в этих ладонях что-то круглое, что вылетело только что из раскрывшихся в улыбке природно-алых уст. И только указательный палец правой руки иногда отделяется не то поясняюще, не то укоризненно, не то просто для того, чтобы показать, какой это милый палец. Но как они были точны в работе, ее пальцы, руки, как сразу выступали эти складки воли в ее сжатых губах и подбородке, когда она работала. И как она могла быть требовательна и строга!..»

Несколько позднее А. Фадеев добавляет к этой записи:

«Еще о женщине-враче Галине Сомовой. Уточнить жесты. Она говорила и смеялась и вдруг точно преподносила, протягивала, отдавала вам, охватив ладонями, большой цветной мячик. Или уточняя или поясняя что-то, она, держа кисти рук перед собой, на уровне груди, вниз ладонями, поочередно то опускала, то поднимала соединенные пальцы то одной, то другой руки. А если на правой руке пальцы поджимались к ладони и действовал только один указательный, это означало, что она хотела что-нибудь особенное внушить или укоряла или убеждала. Это от привычки во время работы не прикасаться руками к халату и вообще к посторонним предметам.

В дополнение к рисунку губ. Впрочем, можно сказать, что нижняя губка была у нее чуть полнее, чуть-чуть вывернута и как бы говорила, что в женщине этой есть и своевольство и каприз — все при известных обстоятельствах и все не слишком, а совсем так, как надо. Если она была обижена или сердилась, или просто была слишком утомлена, она редко проявляла это, обладая профессиональной выдержкой врача. Это проявлялось только в том, что она уже не смеялась и не краснела, а сжимала губы и тогда в верхней, более тонкой губе было уже что-то, делавшее лицо даже неприятным (что-то неприятное)».

Пересматривая свои записи, А. Фадеев посчитал необходимым все то, что было намечено им ранее как отношения Балышева и Сомовой, «написать иначе»: как отношения юной Гали Челноковой (Сомовой) и Иннокентия Сомова. Он пишет:

«Весь, изложенный выше, сюжетный поворот к юности Гали и молодости Сомова, дает мне возможность через отца Иннокентия — старого Зосимы Филипповича Сомова показать в начальных главах романа старый уральский завод и старинный быт уральских металлургов. И одновременно получить хорошую естественную возможность развить сложные отношения Гали Челноковой (Сомовой), представительницы семьи передового московского пролетария, с семьей Зосимы Сомова — очень традиционной и косной уральской семьей, куда она вошла, как сноха и невестка. Тем больше она любила Иннокентия, что он, усвоив от отца черты некоторой тяжеловесности, больше чем кто-либо другой усвоил присущую всей этой семье неброскую положительную русскую талантливость, тот размах, который у одних русских людей проявляется нараспашку, а у других, как у большинства Сомовых, а у Иннокентия в особенности — проявляется только по результатам деятельности. Уж только в самую критическую минуту можно увидеть этот русский размах в человеке, во всей красоте и силе его, когда человек своротить горы. Почувствовав в Иннокентии эту силу, Галя полюбила его со всей глубиной своей натуры, вначале по-девически даже идеализируя его и отчасти поклоняясь ему, а потом увидела и его слабости и в чем она сильнее его, и полюбила еще преданнее».

И вот, наконец, еще несколько штрихов, которыми писатель как бы «дорисовывает» сложный и вместе с тем такой ясный и благородный портрет своей героини:

«Галина Сомова (урожденная Челнокова), прошедшая в первые годы совместной жизни с Сомовым трудный жизненный путь, полный испытаний, а в общем путь трудовой, сходный с путем миллионов, очень призадумалась над своей судьбой женщины-врача, труженицы, над судьбой детей своих, когда муж круто по-

шел на повышение и на семью посыпались материальные блага и удобства. Именно потому, что все «жены» и все дети в семьях этого типа уверенно и очень естественно воспринимают эти блага и удобства, не задумываясь над тем, заслуживают ли они их сами по себе, независимо от заслуг главы семьи, именно поэтому Сомова избрала для себя необычный в советских условиях путь — не пользоваться этими благами и удобствами там, где жизнь ее и детей носит или может и должна носить независимый характер. Столкновения с мужем на этой почве. Непонимание этого не только со стороны жен других ответственных работников, но даже и со стороны людей простой жизни. Как много ей пришлось пережить и понять и в себе и в окружающих, чтобы все-таки неуклонно провести эту линию через всю свою жизнь, не став в глазах других ни позеркой, ни ханжой, ни кривлякой. Она все преодолела трудом, естественной, неподкупной простотой и скромностью. Нет ничего прелестней женщины, в которой принципиальность, несгибаемая, неподкупная, никак не выпячена, а так же естественна, скромна и женственна, как и все, что бы эта женщина ни делала. Такова была Галина Сомова».

Полнокровным образом встает перед нами отец Иннокентия Сомова — Зосима Сомов:

«Сомов Зосима Филиппович — уникальное порождение Урала, он точно выскочил из сказов Бажова. Старый быт Урала, домны на древесном угольке, дремучие леса над синими озерами, камни-самоцветы, искрометный талант древних умельцев и устоявшийся полусобственнический уклад полурабочего, полукрестьянина, когда на время покосов останавливалось все металлургическое производство, талант и дикость, русский размах и нелюдимость, наивная светлая мудрость и власть темных инстинктов — все это отразилось в духовном и физическом типе его, в мощных узловатых руках, в курчавой бороде, в глазах, спрятанных под нависшими бровями,— глазах, которые казались угрюмыми и даже страшными, а когда присмотришься к старику в спокойном состоянии, видишь в них наивную, светлую, детскую мудрость, как у врубелевского Пана. Крупная голова его обросла густым курчавым темным волосом; под старость он облысел: волосы его стали белыми и курчавым венцом обкладывали мощный череп со столь развитыми и хорошо обозначенными костями, что старика можно было бы демонстрировать в школе. Когда он стоял, казалось, что он навечно прирос к этому месту. Вылез здесь из земли сотни лет назад, застарел, уже весь в узлах, а ноги все еще наполовину в земле, и так и будет он стоять здесь вечно,— даже удивительно было, когда туловище его начинало передвигаться!»

С какой тщательностью выписывает Фадеев образы двух подруг — прокатчиц-коммунисток, какие яркие характеры видны в этих двух типах рабочих красавиц!

Одна.— «Очень светлая блондинка лет тридцати, белозубая, зеленоглазая, умная, опытная, даже скептик, с полными характерными губами (уголки книзу), с подпухшими (чуть-чуть!) веками, подбородок мягкий и сильный,— очень складная, неторопливая, полноватая, в мягком теплом тонком белом шерстяном платке вольно, свободно повязанном, как бы небрежно накинутом, в яркой пестрой кофточке (знает, что надеть!), в черной юбке и черных ботинках на высоких каблуках. Улыбка — необъяснимая: и поманит и не допустит. Особенность выражения ее лицу придают брови: они светлые, но четко очерченные, и внутренние крылья бровей чуть шире и поставлены выше, чем тонкие, внешние. В спокойном состоянии в ее лице есть что-то грустное или печальное,— что-то ею пережито тяжелое,— и вдруг — эта улыбка необъяснимая. Но может вдруг улыбнуться так, что пойдешь за ней,— уж очень женская и умная улыбка! Иногда она так огорчается или сердится или обижается или презирает, что нижняя губка ее подпухает, даже тень ложится под губой. На самой бородке над верхней губой у нее родинка, родинка на подбородке. Все формы ее тела и черты лица пропорциональные, округлые, такие же движения».

Вторая.— «Крупная, броско-красивая, с широкими бедрами, крупными руками, каштановыми волосами, темно-карими глазами и черными бровями, яркими губами, очень подвижная, сильная, свободная в движениях, вольная в жестах, необыкновенно ясный чистый лоб, стройные сильные ноги. Ей 27—28 лет, одевается она просто, в цвета более темные, скромные,— все же она знает, какой платок ей носить — темно-малиновый,— и когда она проходит, все оглядываются. Она во всем советуется со старшей и более опытной подругой, но в то же время обладает большой решительностью, стремительностью характера и в минуты, требующие быстрого решения, увлекает подругу своей непосредственностью. Все формы ее тела и черты лица резко обозначенные, в лице даже что-то асимметричное, но это еще больше ее красит.

Обе — отличные мастерицы и обе — необыкновенно хороши. Обе потеряли в войну мужей и обе — очень разборчивые вдовушки. Половина их разговоров друг с другом вертится вокруг будущих мужей и порой они так солоно острят по этому поводу, что не дай бог подслушать претендентам — особенно тем, кому уже лет по сорок, а таких — увы — большинство, если говорить о людях с серьезными намерениями!»

И наряду с ними — жена инженера Балышева, Юлия Николаевна, иронически названная писателем «художественной натурой»:

«Претензии,— мятущаяся душа! — и ничего не свершено. Мечтая стать художником, измучила своего Костю смолоду тем, что, увлеченная «идеей», не захотела иметь детей. А потом уже не смогла их иметь. Попытки создать «салон». Бунт Константина Витальевича. Незаметно она стала обыкновенной потребительницей жизни, сохранив, однако, претензии и «порывы». Но даже на измену своему Косте у нее не хватило характера! Домашнего уюта ему тоже не создала,— вот почему у Балышева ощущение бездомности. Талантливый, бешеный в работе, которая дается ему легко, сама идет в руки, он вечно в командировках, дом его — такой же очередной полустанок, как гостиница в городе, где осуществляется очередное строительство».

Записи А. Фадеева хотя и не были им окончательно отработаны для романа, тем не менее поражают зрелостью мастерства.

Достаточно, например, прочитать страницы, где идет речь об отношениях Даши Паниной и инженера Балышева. В юности у них был неудачный роман. Около двух лет длилась эта неразделенная любовь. Потом Даша выходит замуж за инженера Григорьева, но скоро убеждается, что муж ее — человек заурядный, лишенный «крыльев» и перспектив. Балышев спустя год после разлуки с Дашей тоже неудачно, но страстно влюбился и женился, но семейная жизнь у него сложилась трагично.

Мечта о несостоявшейся любви не покидает Дашу, но она «сильный, цельный и женственный характер», чувства ее глубоко затаены в душе, женская гордость не позволяет даже напомнить о себе Балышеву.

Спустя двадцать лет Даша и Балышев встречаются, но оба понимают, что уже «поздно». А ведь как могли бы они быть счастливы и как непоправима их жизненная ошибка!

С удивительно точным и тонким проникновением в духовный мир героев А. Фадеев поэтично описывает эту встречу, уже известную читателям по предыдущим публикациям в печати.

Работая над «Черной металлургией», Фадеев много размышлял о проблемах творчества, о писательском мастерстве, о высокой миссии писателя в нашем обществе в связи с основной задачей литературы — помогать великому делу коммунистического воспитания народа.

Высоко ценя творческий труд и глубоко уважая людей своей профессии, А. Фадеев хотел выступить в романе с резкой критикой тех «Иванов, не помнящих родства», которые зачастую изображают своих собратьев по перу «скверными и маленькими»:

«Современные плохие писатели, плохие прежде всего именно в моральном отношении, могут выводить в сатирическом освещении типы своих собратьев по перу, любят выводить их людьми, оторванными от народа, пьяницами, красивыми говорунами без правды в душе, подхалимами перед людьми вышестоящими, халтурщиками и сребролюбцами. Это первый признак, что у автора у самого нет любви и уважения к своей профессии, нет моральной основы в своей профессии, а есть некоторое смутное ощущение собственной неполноценности и фальши. Изображая своих собратьев скверными и маленькими, они надеются тем самым спастись от суда народа и возвыситься перед народом. Но народ не читает, не знает скверных писателей, он видит в писателе своего учителя и часто совесть свою, он знает, что писатели — это духовные руководители народа, такие же, как и его, народа, политические вожди, и относится к профессии писателя с любовью и уважением.

Писатель, который в своем произведении оплевывает писателя,— это прежде всего трус, боящийся народа своего».

Злободневно звучат сейчас слова А. Фадеева о необходимости борьбы с грубостью и невежеством в нашей жизни:

«Надо отличать резкость и прямоту суждений от грубости, проистекающей от невежества. Это надо хорошо различать. Давно пора начать серьезнейшую борьбу с грубостью в быту, с грубостью в суждениях, с грубостью в критике. В искусстве тоже иные суждения и приговоры произносит топор, а не перо или карандаш, и это приносит только вред, как и всякое невежество».

Приведенные отрывки из рабочих записей А. Фадеева к роману «Черная металлургия» еще не раскрывают, конечно, во всех деталях творческий замысел писателя. Но вместе с уже известными главами романа они дают достаточное представление о том, как интересно и своеобразно развивался талант художника.

Писатель надеялся опубликовать первую часть «Черной металлургии» в первой половине 1953 года.

Однако задуманный объем и обещанные сроки окончания романа меняются. Затруднения, которые испытывал писатель в работе над романом, проистекали из ряда источников.

Работа Фадеева над романом совпала с существенными переменами в жизни страны. В апреле 1956 года А. Фадеев писал Ф. Булочникову:

«Последние два три года нашей жизни поставили перед писателями так много нового, мы живем в период таких глубоких перемен, что все это не может быть сразу художественно осмыслено и изображено. Да ведь это и в жизни еще не все «уложилось».

Исторические решения XX съезда КПСС, столь благотворно сказавшиеся на общем развитии нашей страны, выдвинули перед писателем новые задачи, обогатили его замыслы, расширили его творческие горизонты, заставили в значительной степени отказаться от первоначального варианта романа. В романе наметились некоторые новые и видоизменились старые линии и проблемы.

Не удивительно поэтому, что работа над «Черной металлургией» затягивалась.

Осуществление столь серьезного замысла было сложным и в творческом отношении. До этого писатель знал и чисто реалистическое («Разгром») и более романтическое по стилю («Молодая гвардия») решение творческих задач. «Черная металлургия» требовала новых поисков. Опубликованные главы, как и сохранившиеся материалы романа, отражают напряженные и нелегкие искания художника.

Работе над романом сильно мешала и прогрессирующая болезнь писателя. В 1954-м, а в особенности в 1955—1956 годах все чаще и чаще встречаются в письмах А. Фадеева жалобы на болезненное состояние: «Болезнь помешала мне...», «Не смог написать из-за болезни...»

В письме к А. Колесниковой (16 марта 1956 года) А. Фадеев пишет, что он «уже давно «в ходу» — «в сердце нового замысла» и систематически работает, но, тем не менее, тут же отмечает, что «работа идет медленнее, чем хотелось бы»...

«Жизнь моя по-прежнему чередуется с длительными периодами заболеваний. Теперь почти равное время уходит на жизнь в «обычных условиях» и на жизнь в больнице».

Болезнь отнимала у писателя не только время, но и главное — его творческие силы.

На какое-то время роман отложен. А. Фадеев готовит для печати большой сборник своих литературно-критических статей и речей «За тридцать лет», который, к сожалению, увидел свет уже после его смерти.

«Черную металлургию» писатель собирается закончить не скоро, «...не раньше чем через года три — четыре».

Смерть писателя (13 мая 1956 года) оборвала все его планы.

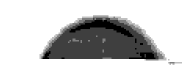
Роман так и остался неоконченным. В октябре — ноябре 1954 года в журнале «Огонек» (№№ 42—45) и «Литературной газете» были опубликованы только первые восемь глав романа объемом около четырех печатных листов.

Однако сохранившиеся главы «Черной металлургии» и дополнительные записи к роману показывают А. Фадеева — писателя сильной мысли и таланта, большого жизненного опыта, глубоких чувств, писателя подлинно партийного, стремившегося решать в своем творчестве острые современные проблемы.

Решения XXI съезда КПСС еще раз призывают писателей отобразить во всем величии трудовой подвиг советских людей.

А. Фадеев работал именно В ЭТОМ НАПРАВЛЕНИИ. До конца своей жизни он не искал легких путей в творчестве, а всегда шел ГЛАВНОЙ дорогой советского искусства, являясь одним из его смелых первооткрывателей.

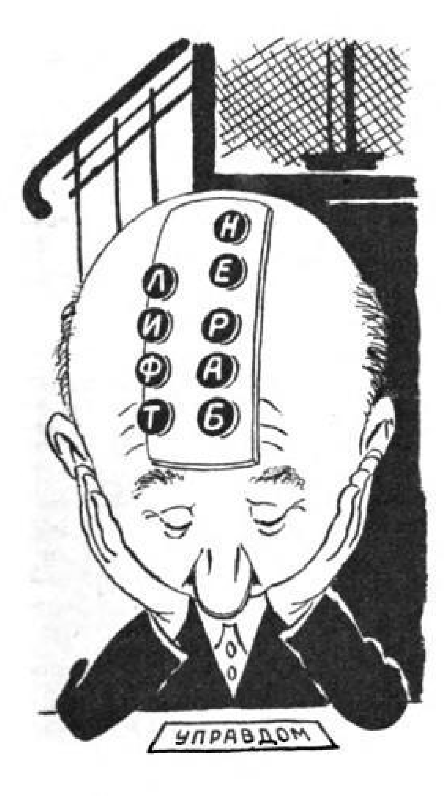
С. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Короткие рассказы

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунки Д. ЦИНОВСКОГО.

«Лифт не раб.»

Ночью Иван Дмитриевич почувствовал сильные боли в сердце и позвонил в неотложную медицинскую помощь.

— Ждите, сейчас к вам выезжает врач,— сказали больному.

Ждать пришлось недолго. Минут через пятнадцать — двадцать в дверь комнаты постучали, и за спиной у Ивана Дмитриевича послышалось тяжелое, прерывистое дыхание.

— Воздуху!.. Воздуху!..

Иван Дмитриевич приподнял голову с подушки.

— Кто там?

— Это я,— сказал слабым голосом доктор и, сделав два нетвердых шага, опустился на диван.

— Помогите!..

Иван Дмитриевич с трудом поднялся на ноги. Это был редкий в медицинской практике случай, когда не врач должен был оказывать помощь больному, а больной врачу. Иван Дмитриевич доплелся до дивана, сел рядом с доктором (стоять он не мог) и подумал: «Что делать?» Нашему больному впервые в жизни приходилось выступать в роли брата милосердия.

Доктор с трудом открыл глаза и шепотом предложил Ивану Дмитриевичу найти и сосчитать пульс сначала у себя, потом у него, у доктора. И у больного и у доктора сердце билось преотвратно. Доктор показал на свой саквояж:

— Откройте.

Иван Дмитриевич открыл. Доктор заставил больного вынуть пузырек и закапать два кусочка сахара. Один кусочек больной положил себе в рот, второй — доктору. Затем больной вытащил по указанию доктора еще один пузыречек из саквояжа и отсчитал по пятнадцать капель в рюмки. Одну для себя, вторую для доктора. После этого доктор велел больному прилечь, отдохнуть.

И вот они лежат рядом. Лежат пять минут, десять... Сердце у Ивана Дмитриевича бьется все ровнее и ровнее, и он начинает думать уже не о своем сердце, а о своем доме. А дом, в котором он живет, замечательный. Он выстроен в зеленом районе города, на солнечной стороне. В этом доме все удобства: газ, ванная, механический мусоросброс, лифт. Но в то время, как все другие удобства действуют круглосуточно, лифт почему-то работает только до одиннадцати вечера. А как попасть в свою квартиру после одиннадцати? Если вы человек молодой, здоровый, то вам, конечно, нетрудно взбежать и на пятый и на восьмой этаж. А как быть людям пожилым, нездоровым? Управдому подумать бы немного, и старикам-сердечникам не пришлось бы совершать высокогорных восхождений в ущерб своему здоровью. А управдом стал вывешивать на ночь в подъезде объявление:

«Лифт не раб.».

Сегодня «не раб.», завтра «не раб.», и вот Иван Дмитриевич реже начинает бывать в театре, в клубе, на собраниях. С тревогой работает старый мастер во второй смене. Конец смены еще когда, а он уже не спускает глаз с часовой стрелки.

Но как ни остерегался Иван Дмитриевич, раз или два в месяц он все же запаздывал к последнему лифту, и вот тут-то и начались мучения. В прошлый раз восхождение на седьмой этаж, с долгими остановками на каждой десятой ступеньке, кончилось для Ивана Дмитриевича благополучно, а сегодня лестничные марши уложили рядом, на одном диване, двоих.

Но вот доктор почувствовал наконец облегчение. Доктор поднялся, проверил оба пульса и стал складывать пузырьки в саквояж.

— Доктор, куда? Отдохните, отдышитесь!

— Не могу. «Лифт не раб.»,— сказал доктор и стал спускаться по лестнице вниз к стоящим напротив корпусам исправлять неумную работу управдомов.

Музыкальный момент

Представляя пришедшего гостя человеку с ярко-красным галстуком, хозяйка дома сказала:

— Знакомьтесь, это Михаил Леонидович Бульонкин, наш друг. Он тоже большой любитель музыки.

Слово «тоже», по-видимому, задело любителя музыки, и он, взяв под руку прибывшего, спросил:

— Вы Ван Клиберна слышали? Нет? А я слышал!

И, повернувшись к жене, разговаривавшей с кем-то у окна, Михаил Леонидович Бульонкин крикнул в другой конец комнаты:

— Зернышко, в каком ряду мы сидели с тобой на Ван Клиберне?

И сам же проговорил:

— Мы сидели во втором ряду. В самом центре. На самом видном месте. Зернышко, скажи товарищу, а где сидел Шостакович? В десятом ряду. Вы слышите, выдающийся, всемирно известный композитор сидел на восемь рядов дальше Бульонкина. Вы спросите: а как Бульонкин достал билет во втором ряду? О, это целый Жюль Верн! Приключение капитана Немо, или восемьдесят тысяч лье под водой. А ну, Зернышко, скажи товарищу, как я достал билет во втором ряду?

И снова, не дождавшись ответа жены, Бульонкин сказал сам:

— Я достал билет через министра культуры. Конечно, не лично через министра, а через его ближайших помощников по хозяйственно-финансовым вопросам. Звонил, ходил и достал. Вся Москва была в консерватории, и такой любитель, как я, не мог в этот день сидеть не во втором ряду. Ай, что билет, вы спросите лучше, в чем была одета бельгийская королева! Она тоже была в этот день в консерватории и тоже сидела неподалеку от нас.

— Зернышко,— крикнул Михаил Леонидович,— скажи товарищу, в чем была одета бельгийская королева? Королева была в шелковой блузке. Только и всего. А вы спросите: в чем была моя жена? В платье из черного панбархата. Зернышко, это я говорю про твое платье, которое сшила Софья Францевна. Вы не знаете Софью Францевну? Зернышко, он не знает Софью Францевну! У Софьи Францевны шьют платья жены самых известных композиторов и жены самых известных музыкантов. Записаться к Софье Францевне в очередь нужно за полгода и по рекомендации. Вы понимаете?..

А спросите, прошу вас, где мы в этом году отдыхали с Зернышком? Тоже у композиторов, в Рузе. Это сказка, а не место для отдыха. Лес, как в первом действии оперы «Снегурочка», и в лесу маленькие дачки. И в каждой дачке камин, в каждой рояль. Одна дачка от другой в ста метрах. Это чтобы один композитор не списывал лейтмотивы у другого. Вы спросите, а как попал Бульонкин в эти домики? Он же не сочиняет и не списывает музыку. О, это был второй Жюль Верн и второе приключение капитана Немо! Зернышко, а ну, скажи товарищу, как я достал путевку в Рузу? Достал через генерального секретаря союза композиторов. Конечно, не через самого, а через его ближайших помощников по хозяйственно-финансовым вопросам. Звонил, ходил и достал. В январе в Рузу должен был поехать композитор... ну, как его фамилия? Он очень выдающийся... Ай, да вы знаете, вы в курсе дела. Его когда-то сильно прорабатывали... Зернышко, как фамилия того выдающегося композитора, который сидел недалеко от нас в столовой? Ай, при чем здесь Симфанюк! У Симфанюка бежевая «Победа», а я говорю про того, кто ходил в вышитых сорочках. Фамилия... Это, в общем, не важно. Я вспомню — скажу... Январь — лыжный месяц, и в январе в Рузу съезжаются все знаменитости союза композиторов, и такой любитель музыки, как я, не мог в это время отдыхать не в Рузе. Вместе со мной хлопотали о путевке два поэта-песенника и один замминистра. Им отказали, а мне путевку дали. Вы спросите: а кто такой я? Зернышко, а ну, скажи товарищу, кто я? Я не министр. Я даже не начальник главка. Я только заместитель этого начальника по материально-техническому обеспечению.

Так вы понимаете, как люди ошибаются, когда говорят про меня «тоже». Я не просто «тоже», я и есть самый главный.

Анонимка

«Секретарю райкома комсомола тов. Дедушкину

От пионеров — учеников Нижне-Ивановской семилетней школы Ченцова Игоря и Ченцовой Зои.

Анонимка

Пишем вам анонимку, потому что на два наших прежних письма-заявления вы, товарищ Дедушкин, даже не ответили. А про анонимки наша почтальонша тетя Вера говорит, что анонимки разбираются в районе внимательней.

Жалуемся мы вам на нашего отца, председателя колхоза Ченцова, и бухгалтера Рядчикова, которые строят себе дома из кирпича и шифера. А этот кирпич и шифер были закуплены исключительно для Дома культуры, который третий год стоит у нас недостроенный.

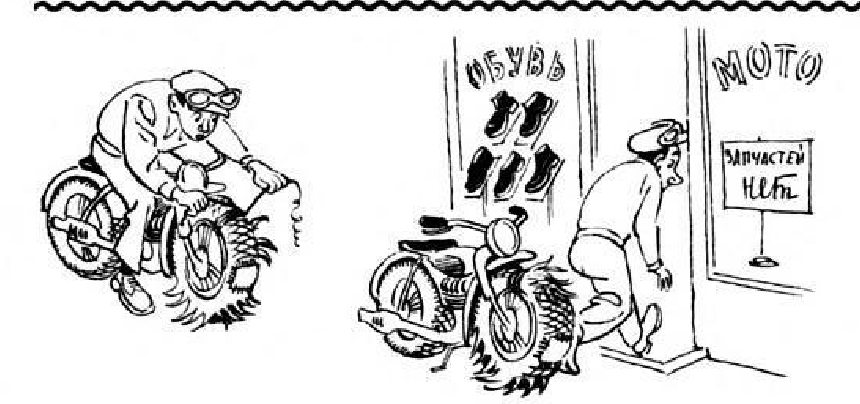
Что же это получится! Они истратят ценный материал, отстроятся, а нам снова, значит, бегать по грязи за два километра в Марьино кино смотреть? Стыдно даже перед чужими людьми и ребятами!

Приезжайте, пожалуйста, скорей, товарищ Дедушкин, а мы с сестрой Зоей покажем вам, сколько побрали они штук из того кирпича и шифера.

А фамилию нашу можете вовсе не скрывать. Мы сами сказали отцу, что пишем на него анонимку, и отец порол нас ремнем за это уже два раза.

Ченцов Игорь и Ченцова Зоя».

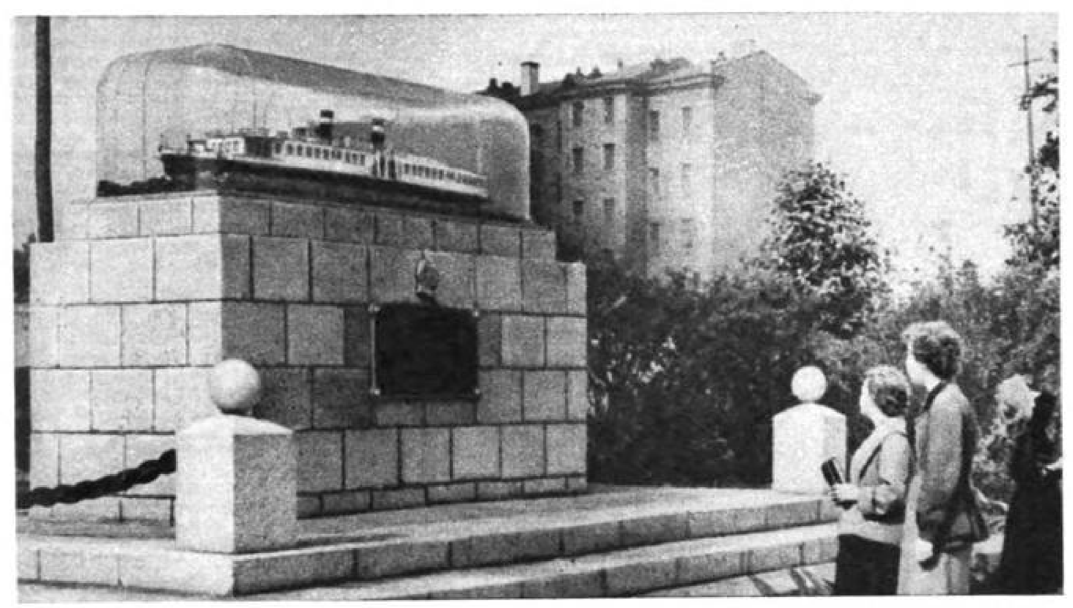

ПОНЕВОЛЕ ПРИСПОСОБИЛСЯ.

Рисунок Л. и Ю. Черепановых.

Памятник кораблю

В Красноярске, на набережной Енисея, на массивном постаменте стоит миниатюрное речное судно. Надпись на бронзовой доске гласит: «Макет парохода «Святой Николай», на котором В. И. Ленин 30 апреля 1897 года с пристани Красноярск выехал в Минусинск для отбывания ссылки в селе Шушенском».

«Крытое море»

Перед вами макет «крытого моря» — один из новых проектов тбилисского архитектора Иосифа Георгиевича Заалишвили, автора генеральной планировки курорта Цхалтубо.

Как известно, купальный сезон на Черноморском побережье продолжается лишь с мая по октябрь. Архитектор Заалишвили задумал построить специальное здание, в котором можно будет даже в зимнее время загорать и купаться в морской воде.

Это многогранник с перекрытием из сборной оболочки диаметром 100—120 метров. Внутри здания расположится круглый бассейн с подогретой морской водой, окруженный искусственным песчаным пляжем. При помощи панельного отопления песок будет нагреваться до температуры морского берега в солнечный день. Специальная электрическая аппаратура, выделяющая ультрафиолетовые лучи, заменит купальщикам солнце.

На «крытом море» смогут ежедневно купаться и загорать около 3 тысяч человек...

С. КИЛАДЗЕ

На снимке: макет «крытого моря».

Неделя французского фильма

Неделя французского фильма с большим успехом проходила в Москве и Тбилиси. Советские зрители познакомились с новыми художественными картинами «Мари-Октябрь», «Сильные мира сего», «В квартале Порт де Лила», «Монпарнас, 19-й», «Собор Парижской Богоматери», «Живая вода», научно-популярным фильмом «Встречи с дьяволом» и рядом короткометражных картин.

На снимке: французские и советские киноактрисы в Москве, в Центральном Доме кино (слева направо): Паскаль Одре, Инна Макарова, Паскаль Пети и Зинаида Кириенко.

Фото Е. Умнова.

ОТ КРАЯ

После 18-летней разлуки

Ким Анчаковский в 1941 году.

Эти снимки бережно хранит молодой солдат Ким Анчаковский, который служит на Крайнем Севере.

На первом снимке — четырехлетний Ким в начале Отечественной войны, когда во время поспешной эвакуации из Латвии он был разлучен с матерью Ириной Ивановной и очутился в незнакомой латышской семье. Второй снимок сделан недавно; так выглядит Ким сегодня.

Ирина Ивановна после войны несколько лет разыскивала сына, и все безуспешно. А Ким тем временем рос, учился в школе и на курсах трактористов, работал в латышском колхозе. Пришла пора служить в Советской Армии, и юноша стал солдатом. И вот, приехав однажды в отпуск в Латвию, он узнал, что его разыскивает мать. Вскоре Ирина Ивановна встречала своего сына в Ленинграде.

М. КОТВИЦКИЙ

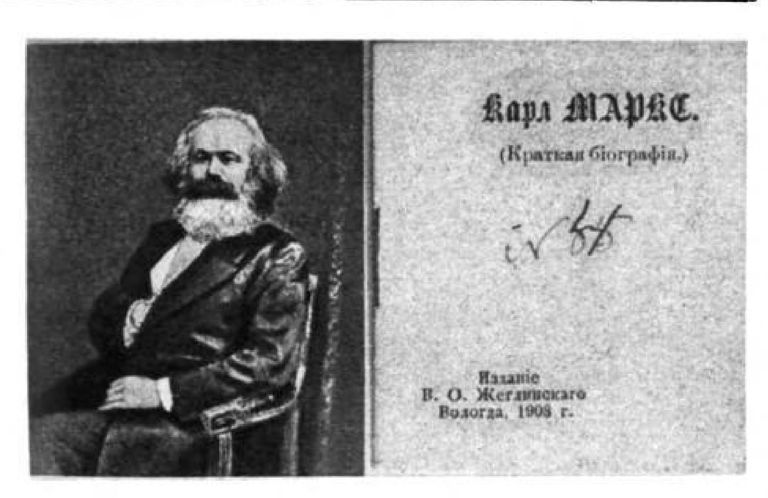
Он же в 1959 году.
Фото Б. Русакова.

14 апреля, в день 29-й годовщины смерти В. В. Маяковского, на Ново-Девичьем кладбище в Москве открыт памятник-надгробие поэту работы скульптора А. Кибальникова и архитектора А. Заварзина.

Фото Ф. Короткевича.

ДО КРАЯ

РЕДКИЕ ИЗДАНИЯ БИОГРАФИЙ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Недавно пенсионер Сергей Васильевич Клыпин, в прошлом наборщик, передал в Вологодский краеведческий музей оригинальную почтовую открытку, которая пятьдесят лет назад была издана в Вологде в частной типографии. На одной половине открытки напечатан портрет Карла Маркса, а на другой — приклеена миниатюрная брошюрка. В ней краткая биография основоположника научного коммунизма, аннотация и библиографический справочник тех его произведений, которые к 1908 году были переведены на русский язык. Биография Маркса заканчивается так: «К. Маркс умер 14 марта 1883 года, и в этом году пролетариат всего мира будет отмечать 25-летие со дня смерти величайшего борца за его интересы, борца за социализм, доказавшего, что социализм есть экономическая необходимость».

Тогда же была выпущена почтовая открытка с портретом и биографией Фридриха Энгельса.

Д. СТЕПАКЧЕНКО

У дочери героя Порт-Артура

«Вспомнилась младшая дочка, четырехлетняя Маня... На лице Романа Исидоровича при этом воспоминании появилась мягкая улыбка, и он призакрыл глаза...» Кому из читателей романа А. Степанова «Порт-Артур» не памятны эти строки, посвященные предсмертным минутам генерала Р. И. Кондратенко!

Дочь легендарного героя Мария Романовна Кондратенко-Мирошникова, та самая маленькая Маня, живет ныне в городе Черняхове, Житомирской области. Она учительница музыки.

Бережно хранит Мария Романовна портрет отца, датированный 1903 годом, документы и реликвии памятной обороны русской крепости на Тихом океане.

По семейным воспоминаниям ею написана биография Романа Исидоровича Кондратенко.

С Марией Романовной поддерживают дружеские отношения моряки Тихоокеанского флота. Она с гордостью показывает письмо, полученное от преподавателей Военно-инженерной академии имени Куйбышева, рассказывает о подарке — аккордеоне, который был прислан вместе с письмом.

Этот аккордеон хранится у сына Марии Романовны — Олега — офицера, окончившего Военно-инженерное училище в Ленинграде, то самое, в котором учился когда-то генерал Р. И. Кондратенко.

С. ЛЕВ

Мария Романовна Кондратенко со своими ученицами.
Фото Г. Милиневского.

В. Марецкая выступает в Ирбите.
Фото Ю. Жукова.

В Ирбите на гастролях...

Спектакль «Дали неоглядные», в котором участвовали приехавшие на гастроли в Ирбит народные артисты В. П. Марецкая и Р. Я. Плятт, стал большим событием в городе.

Артисты выступили с творческим вечером, рассказали зрителям о своей работе в театре и в кинематографе, показали отрывки из других спектаклей и фрагменты фильмов.

По приглашению мотоциклетного и стекольного заводов гости выступили с творческими отчетами в цехах.

Б. ПОЮРОВСКИЙ

Московский показательный

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Если шахматное искусство в настоящее время переживает золотой век, то все же и в наши дни есть один «недостаток»: слишком много стало сильных шахматистов! Это звучит парадоксально, но таковы факты. Гроссмейстеры часто жалуются на свою шахматную судьбу: все время от них требуется «попадание» то в зональный турнир, то в межзональный, то в кандидатский турнир, то в тройку, в четверку, в пятерку... Столько хороших шахматистов в мире, особенно в Советском Союзе, что никак не обойтись без отборочной системы. А при такой системе проигрыш одной партии порой имеет роковые последствия. Вот, например, Д. Бронштейн. Начиная с 1947 года он все время должен куда-то «попасть»; в 1951 году, после ряда побед в отборочных соревнованиях, он чуть-чуть не «попал» в самого чемпиона мира М. Ботвинника. Не получилось! Началась снова трехлетняя гонка, не окончившаяся успехом. В 1958 году, в межзональном турнире в Портороже, Бронштейн проиграл лишь одну партию — Кардосо, но и этот проигрыш привел к тяжелым последствиям: один из сильнейших гроссмейстеров выпал из борьбы за первенство мира. Таких шахматных «катастроф» немало. Борис Спасский проиграл в последнем туре XXV чемпионата СССР М. Талю и на три года «вышел из строя»!

Страх перед «непопаданием», несомненно, ограничивает творческие возможности шахматистов. Прав Тигран Петросян, который говорит, что за последние десять лет он почти не имел возможности... играть в шахматы: он обязан был выполнить норму. XXVI чемпионат СССР в Тбилиси не носил отборочного характера. В нем Петросян играл свободно от «страха проигрыша» и... «легко» занял первое место!

«Дайте нам поиграть в шахматы! Дайте нам возможность творить!» — подобные просьбы можно было неоднократно слышать из уст гроссмейстеров.

И вот по инициативе Центрального шахматного клуба СССР в Москве происходит международный турнир, в котором проигрыш шахматной партии «нежизнеопасен»! Пожалуйста, играйте в шахматы!

И как раз в этом показательном турнире случилось то, что бывает очень редко в отборочных: все партии первого тура закончились мирно. На высоте оказались только организаторы, которые обеспечили достаточное количество табличек с надписью «Ничья»!

Таким образом, спринтерская дистанция в московском турнире была фактически снижена еще на один тур. Но зато участники поставили своеобразный рекорд: после первого тура было двенадцать лидеров...

«Давненько не брал... в руки шашек» Смыслов: после матча с М. Ботвинником он выступал лишь на олимпиаде в Мюнхене. Отсутствие практики сказывается: почти в каждой партии гроссмейстер попадает в цейтнот. Но в целом Смыслов показывает хорошую игру. В шестом туре, который состоялся в гостинице «Советская», экс-чемпион мира в партии с Б. Ларсеном попал в критическое положение. Злые языки говорили, что виноват во всем... зал, который навевает на В. Смыслова дурные воспоминания в связи с итогами его матч-реванша с М. Ботвинником! Так или иначе, но Смыслов в сильном цейтноте сумел обеспечить ничью. Важнейшую победу одержал Смыслов над Б. Спасским.

Москвичи хорошо помнят сияющего от счастья 21-летнего Б. Ларсена, когда на заключительном вечере XII олимпиады датчанина объявили новым международным гроссмейстером. С тех пор Ларсен с гроссмейстерским билетом объездил много стран.

Понятно, что в Москве он особенно старается. Но игра Ларсена не свободна от ошибок и просчетов. Похоже на то, что на этот раз москвичи не будут аплодировать симпатичному гроссмейстеру как победителю.

Среди участников показательного турнира, кроме Смыслова, есть еще один участник турнира претендентов — это Ф. Олафссон. Высокий светловолосый 24-летний исландец, очевидно, рассматривает турнир как тренировку. Он решил не особенно напрягаться: с улыбкой сдался Б. Спасскому и с такой же улыбкой победил А. Лутикова. Олафссон вежливо отказался дать сеанс в Москве. Видимо, он знает, что давать сеансы в Москве не такое уж удовольствие!

Чехословацкий гроссмейстер М. Филип при открытии турнира высказал опасение, что он в этом турнире «сгорит». Но после седьмого тура «пожара» не было заметно, и Филип занимает неплохое положение.

Москвичам нравятся упорство и настойчивость чемпиона Венгрии Л. Портиша и солидная игра болгарского мастера З. Милева.

Легко играет Д. Бронштейн. Еще не ясно, чем турнир кончится, но если в нем талантливый гроссмейстер вернет себе часть потерянной уверенности, это будет радостный итог. Что Бронштейн остался Бронштейном, во всем блеске показывает его прекрасная партия с М. Филипом.

Неприятно в турнире на такую короткую дистанцию проиграть партию. Но и после поражения Смыслову Б. Спасский выправил свое турнирное положение и продолжает борьбу за победу.

После продолжительного перерыва москвичи увидели Л. Аронина, этого «без пяти минут гроссмейстера», который играет в турнире с «большим аппетитом».

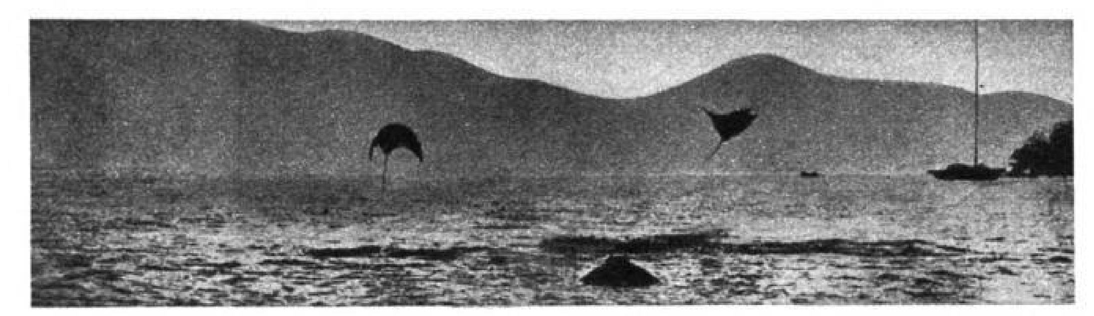
Трудно сказать, что лучше: играть в турнирах часто или нет. На игре А. Лутикова и Е. Васюкова сказывается усталость после их участия в XXVI чемпионате страны. А у В. Симагина, шахматиста оригинального стиля игры, скорее сказывается отсутствие практики...

Одни называют московский турнир весенним, другие — просто международным. Мы его назвали показательным. Но как бы его ни называть, любители шахмат интересуются результатами. Кто все же займет первые места в турнире?

На этот вопрос мы получим точный ответ на днях. Все определится. Определится и тот участник турнира, которому достанется приз журнала «Огонек».

На снимке: очередной тур.
Фото А. Бочинина.

О ДЮГОНЯХ и МАНТАХ

В № 6 журнала «Огонек» была помещена подборка «Причуды моря». В адрес редакции поступили десятки писем читателей. Рабочие комбината «Спартак» из города Гомеля, группа моряков-черноморцев, читатели Дубровичской семилетней школы Рязанской области, рабочие, служащие и пенсионеры станции Хохотуй, Читинской области, учитель биологии Ф. Ховайко и многие другие просят подробнее рассказать о дюгонях и мантах.

Дюгони — водные млекопитающие из отряда сирен. Они обитают в прибрежных водах Индийского океана, главным образом у берегов Индии, а иногда и у восточных берегов Африки. Изредка дюгони заходят в устья рек. Они ведут скрытый образ жизни и в настоящее время очень редки; ловить их и уничтожать запрещено. Длина тела дюгоней достигает четырех метров, а иногда и больше. Подвижная небольшая головка дюгони незаметно переходит в веретенообразное туловище, на конце которого веерообразный хвостовой плавник. В грудной части имеются две ярко выраженные млечные железы. Грубая, толстая кожа свинцового цвета покрыта редкими волосками. В челюстях с каждой стороны расположено по 5—6 коренных зубов цилиндрической формы, лишенных эмали. Зубы дюгоней и органы пищеварения приспособлены к питанию только растительной пищей. Дюгонь — животное живородящее, она рождает одного детеныша.

В прошлом году английская киносъемочная группа отправилась в район Индийского океана для натурных съемок фильма «Непослушная сирена». После долгих поисков им удалось обнаружить и поймать двух дюгоней у юго-восточных берегов Африки. По окончании съемок животные были выпущены на свободу.

Манты, или «морские дьяволы»,— гигантские рыбы из семейства скатов. Размах грудных плавников (крыльев) иногда достигает шести метров, а вес доходит до тонны. В головной части мант имеются два больших плавника, напоминающих рога. Свое название они получили от испанского слова «manta», что значит «одеяло». Обитают манты в Красном и других теплых морях. Питаются в основном мелкой рыбой и моллюсками. Плавают чаще всего в одиночку или парами, а иногда и небольшими стаями, держась ближе к поверхности моря. Несмотря на свои огромные размеры, манты могут выпрыгивать из воды на высоту до трех метров. Пролетев два — три метра над поверхностью воды, они переворачиваются на спину и с шумом шлепаются в воду. Эпизод, запечатленный на снимке, довольно редкий. Об охоте на мант можно почитать в книге Фолько Квиличи «Приключения на шестом континенте».

А. РЕВИН,
научный сотрудник Всесоюзного института научной и технической информации.

Из почты «Огонька»

Лев и Вол

Лев убывал в командировку,
Оставив заместителем Вола.
А тот, имея опыт и сноровку,
Стал лучше Льва вершить дела.
Усердного Вола сам Слон заметил
И по труду наградою отметил.
Вернулся Лев и рассерчал не в меру.
Стал упрекать Вола, зазвав его в пещеру:
— Ты, брат, доходишь до нахальства
И подрываешь мой авторитет!
Ты хочешь быть умней меня — начальства?!
Стыда и совести в тебе нисколько нет!..
«Не понимаю,— думал Вол,— ну,
хоть убей,
К чему же Лев решил придраться!
Пускай начальству я обязан
подчиняться,
Но почему я должен быть глупей?!»

Н. ФОРТОВ

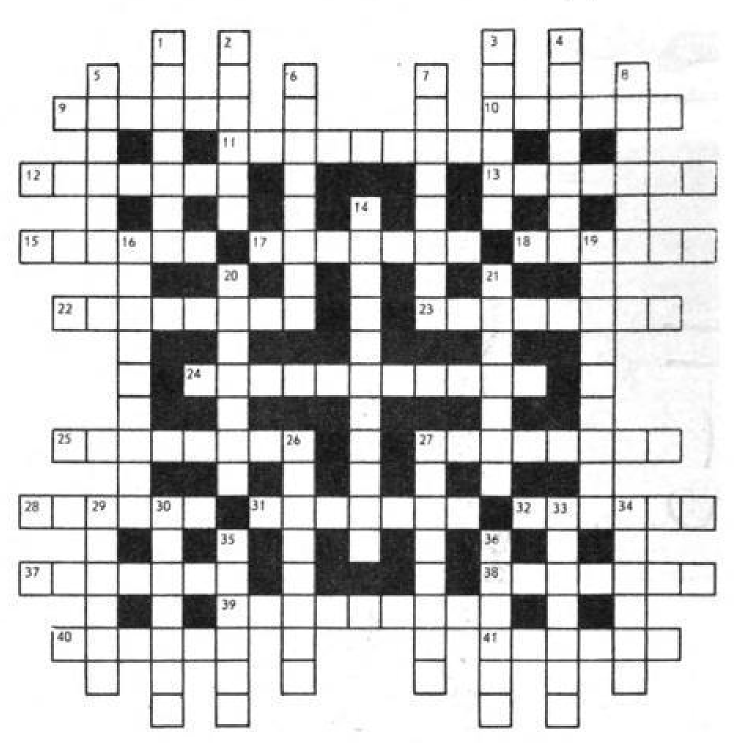
КАРТИНА О ПЕТРЕ I

Недавно в числе румынских туристов в Москве гостил художник Николай Попа из города Яссы. Он привез фотографию своей картины «Петр Великий посещает Дмитрия Кантемира в Яссах в 1711 году». Петр I приезжал в Яссы, чтобы договориться об освобождении Молдовы от турецкого ига. Этот факт свидетельствует о давней дружбе народов России и Румынии.

Е. ГАЛАТ

КРОССВОРД

По горизонтали:

9. Минеральные краски, нерастворимые в воде. 10. Русский писатель. 11. Пиротехнические изделия. 12. Быстрое повторение звука, созвучия. 13. Высота боковой грани правильной пирамиды. 15. Декоративное дерево. 17. Старинное название породных лошадей. 18. Французский биолог. 22. Легкий металл. 23. Знак, обозначающий пропуск буквы или звука. 24. Русский ученый и изобретатель. 25. Лицо, оформляющее юридические документы. 27. Животное отряда ракообразных. 28. Руководитель университета. 31. Герой драмы М. Ю. Лермонтова. 32. Столица одного из государств в Азии. 37. Произведение живописи. 38. Устройство для запуска двигателей. 39. Субтропический плод. 40. Норвежский исследователь Арктики. 41. Область Древней Греции.

По вертикали:

1. Естественнонаучный журнал. 2. Абажур для лампы. 3. Рассказ М. Горького. 4. Сырье для производства искусственного шелка. 5. Разговор. 6. Тяжелый водород. 7. Препятствие. 8. Миг, мгновение. 14. Цирковой артист. 16. Аппарат, поддерживающий постоянную температуру. 19. Цветная бумажная лента. 20. Средневековая лженаука. 21. Крупный бриллиант. 26. Глубокая часть речного русла. 27. Мерило для оценки. 29. Остов сооружения. 30. Произведение античного искусства. 33. Звукосниматель. 34. Архитектурный стиль прошлого. 35. Немецкий композитор XIX века. 36. Отпечаток с гравюры.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

5. «Репетитор». 8. Копытка. 9. Вентиль. 11. Глаголица. 14. Дамаск. 16. Гомер. 18. Портал. 19. Монтескье. 20. Калорифер. 22. Мальта. 23. Налив. 24. Камлот. 27. Фундамент. 28. Стодоля. 30. Береста. 31. Дискуссия.

По вертикали:

1. Пестель. 2. Репа. 3. Киев. 4. Бойница. 6. Сообразительность. 7. Электродинамометр. 10. Лоцман. 12. Патронташ. 13. Баскетбол. 15. Кассета. 16. Гульден. 17. Рыбаков. 18. Паводок. 21. Солдат. 25. Дубовик. 26. «Энергия». 29. Янка. 30. «Весы».

Сорок две буквы

В полутора километрах от города Уэбстера (штат Массачусетс, США) находится одно из красивейших озер этого штата. Большинству людей оно известно как озеро Уэбстер. Однако на самом деле озеро имеет очень длинное название, состоящее из 42 букв. Из них 15 букв «г» и 9 букв «а»: «ЧАРГОГГАГОГГМАНЧАУГГАГОГГЧАУБУНАГУНГАМАУГГ».

Историки говорят, что в переводе название озера означает: «Нейтральная территория для лова рыбы и проведения общих собраний индейских племен».

ПОПРАВКА. Опубликованную в № 15 «Огонька» таблицу мощностей крупнейших в мире ГЭС следует читать так:

	Братская	Волжская имени В. И. Ленина	Сталинградская	Боулдер-Дам (США)	Гренд-Кули (США)
Установленная мощность в тысячах киловатт	3 600	2 310	Свыше 2 500	1 250	1 974

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45, Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

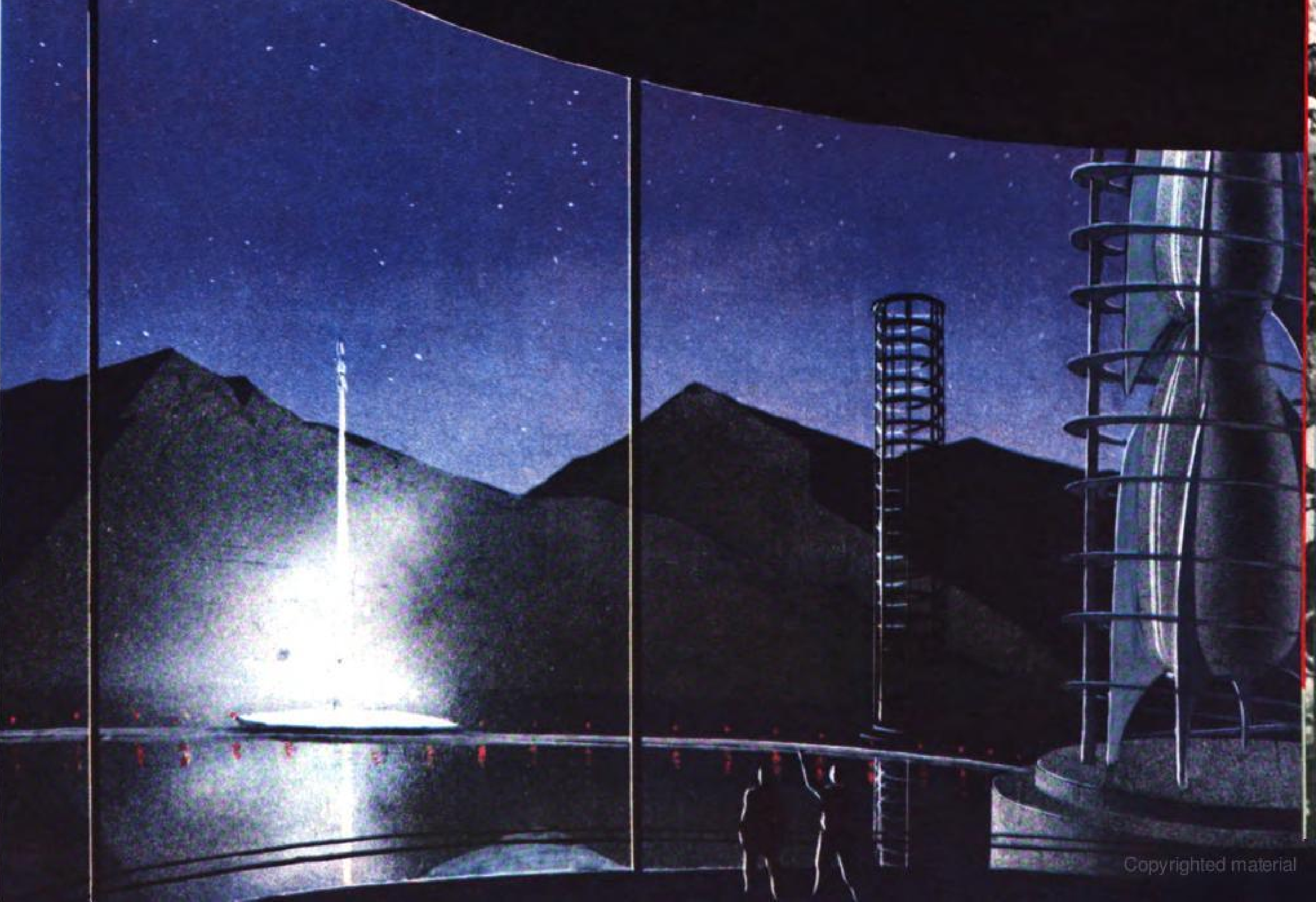
А 03309. Подписано к печати 15/IV 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 605. Заказ 786.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

С одной из космических станций отправляется на Землю межконтинентальный корабль. Технический персонал станции, попрощавшись с экипажем, вернется на планету с помощью небольших реактивных аппаратов.

Рисунки **Андрея Соколова** из серии «ПОКОРЕНИЕ КОСМОСА».

«Покорение космоса» — так назвал молодой художник Андрей Соколов серию своих рисунков. Это рассказ о полетах на другие планеты советских космических кораблей, рассказ, в котором фантастика переплетается с реальностью. Создавая свои произведения, Соколов внимательно прислушивался не только к мнению своих учителей-художников, но и к советам ученых.

На земной стартовой площадке готовят к очередному рейсу ракету.

Цена номера 3 руб.

В. С. Климаши

ЗАВЕТНАЯ ЛИГ
Суханово.